ИГОРЬ РАБИНЕР

ГЕРОИ НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ХАРЛАМОВ

ТАРАСОВ

ЯШИН

БЕСКОВ

В РАССКАЗАХ РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ И УЧЕНИКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О каждом из четырех великих героев этой книги — Валерии Харламове, Анатолии Тарасове, Льве Яшине и Константине Бескове — написаны миллионы строк. Но автор «Героев не нашего времени», известный спортивный журналист и писатель Игорь Рабинер, пошел другим путем, который позволит вам взглянуть на этих людей по-новому. Оттолкнувшись от своих бесед с сестрой Харламова, дочерью Тарасова, женами Яшина и Бескова, он свел воедино рассказы о них родных, друзей, коллег и учеников. В них нет места ни пафосному возвеличиванию, ни низкопробной «желтизне», а есть — сотни историй, которые создали четыре объемных коллективных портрета. Перед вами — люди, а не памятники, и в их судьбах драм, а то и трагедий не меньше, чем побед. Их с нами уже давно нет, но в этой книге они оживают во всей яркости, масштабе, а нередко и противоречивости своих личностей.

- Игорь Рабинер
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ От автора
  - ○ Часть I
    - ■ Очерк на стыке реальности и кино
    - ■ Испанская кровь
    - ■ Пароход из Одессы
    - ■ «Мы уехали в Испанию не на год, а насовсем».
    - ■ Дед перед отъездом из Испании его едва не украл
    - ■ Больное сердце, вычеркнутое из кино
    - ■ Маму Харламова — в отделение милиции
    - ■ Тарасов и Чебаркуль
    - ■ «Тань, неужели меня узнают?»
    - ■ Тарасова любил. И его отставку воспринял с болью
    - ■ «Переглянулись с Эспозито: Боже, как такое возможно? Ответ был один: «Харламов»
    - ■ Кларк — «Гад ползучий» или Право имел?
    - ■ На колени перед бабушкой-соседкой
    - ■ «Его собрали буквально по кусочкам»
    - ■ Цыганка нагадала жене Харламова 25 лет. Столько она и прожила
    - ■ «Все уже в экипировке, а Борисыч идет в

цивильном. С вещами»
- «На собрании сказали, что будем выигрывать кубок Канады за Харламова»
- Виновен ли Тихонов в гибели Харламова?
- На прощании посол Испании встал перед мамой на колени
- Гибель сына сломала маму
- Дацюк — «с юморком, как у Валерки»
- Светлый фильм о людях. Но не романтизация СССР!

○ Часть II
-
-
- Перчатки для Боумэна
- При отправке на фронт залез на столб, чтобы любимая его увидела
- «Он же не в большом театре пел, а в хоккейной раздевалке»
- Тарасов — Третьяку: «Полуфабрикат, выживешь — будешь великим!»
- Коноваленко пожаловался, что у него почти инфаркт. Тарасов: «нет, будешь играть!»
- Тихонов не хотел очаровывать прессу. Тарасову это удавалось с блеском
- «Мама служила ему даже тогда, когда он умер»
- Почему Тарасова помнят больше, чем Чернышева
- «На наших глазах толпа вырывала у него клочья волос»
- Запрет на профессию
- Футбольный ЦСКА и «Золотая шайба»
- Только после моей пятой победной Олимпиады отец сказал мне: «здравствуй, коллега»
- Зал огромных людей в Бостоне стоя аплодировал ему 40 минут
- Как Олег Меньшиков стал Тарасовым

○ Часть III
- Куртка для Эйсебио, самовар для Пеле
- Фуфайка для мальчика Изи и разговор с юным Шилтоном
- «Я бы, может, и не вышла за него… да часы было жалко!»
- «Одна бабка прибежала с ведром спирта: «где здесь Яшин?»

- «Когда шла травля, нам окна камнями два раза разбивали»
- Он не хотел быть свадебным генералом
- Зависть. Язва. Рак желудка
- Орден перед смертью

- Часть IV
  - «Товарищ генерал, занимайтесь своими танками. А я буду заниматься футболом»
  - Тренер с хореографическим даром
  - «Святы перед футболом»
  - Туфли из Англии в 45-м разнашивали всей коммуналкой
  - «Костя Бесков из крутого теста…»
  - Как зять Федотов дважды обыграл тестя
  - Андрей Старостин сказал: «Спасти «Спартак» может только Бесков»
  - «У нас в «Спартаке» таких людей отродясь не было». Конфликт с Исаевым
  - Бесков сказал Ярцеву: «ты опоздал ко мне на десять лет. Но еще не все потеряно»
  - Приглашения на Маяковку
  - Истории Бескова и игроков. Часть 1. Ловчев
  - Истории Бескова и игроков. Часть 2. Ярцев
  - Истории Бескова и игроков. Часть 3. Хидиятуллин
  - Истории Бескова и игроков. Часть 4. Романцев
  - Истории Бескова и игроков. Часть 5. Гаврилов, Шавло
  - «Бесков открыто критиковал Лобановского за договорные матчи»
  - Отставка
  - «Поздний ребенок» и кубок в 75 лет
  - «Передай ребятам, что все, умираю, сил уже нет…»
- Послесловие

Игорь Рабинер
Герои не нашего времени: Харламов, Тарасов, Яшин, Бесков в рассказах родных, друзей и учеников

«Много лет работаю с Игорем Рабинером в «Спорт-Экспрессе» и прекрасно знаю, как он увлечен историей — и футбольной, и хоккейной. Статьи и интервью о прошлом получаются у него особенно глубокими и душевными. Поэтому меня ничуть не удивил его выбор темы для этой книги. Фигуры Харламова, Тарасова, Яшина и Бескова продолжают волновать умы людей — недаром о них снимаются кассовые фильмы. Но ценность книги Рабинера по сравнению с кино — в количестве и качестве его собеседников, многие из которых прожили вместе или рядом с ними целую жизнь. Каждое из их

честных, не приглаженных воспоминаний, конечно, субъективно, но общее сочетание создает объективную и полную картину. Этой книгой Рабинер внес несомненную лепту в воссоздание реальной истории великих спортсменов нашей страны».

МАКСИМ МАКСИМОВ, Главный редактор «Спорт-Экспресс»

«К биографическим книгам и очеркам о хоккеистах и тренерах всегда относился с некоторой опаской. Потому что очень часто читаешь о человеке, которого вроде бы хорошо знаешь, — и не узнаешь его. На страницах книги он совершает поступки, которых не было, за его спиной вырастают крылышки…

Приступая к чтению этой книги, поймал себя на чувстве тревоги — не дай бог и здесь так! Но, к счастью, то, что я прочитал, совпало с тем, какими этих людей знал, — кого-то больше, кого-то меньше. Большая заслуга автора, что он не позволил им забронзоветь. Как и, конечно, тех людей, у кого Игорь Рабинер брал интервью.

Благодаря им всем я узнал много новых фактов и прочитал книгу с большим интересом. Очень приятно, что о людях, которые приносили славу нашему спорту, не забывают, снимают фильмы и пишут честные книги».

Александр Якушев, двукратный олимпийский чемпион, семикратный чемпион мира, лучший бомбардир сборной СССР в Суперсерии-72, член Зала хоккейной славы в Торонто

«Хорошая книга. В ней ничего не выдумано, все написано естественно, натурально. Как было. Понятно, что я, человек футбольный, обращаю больше внимания на свой вид спорта. Тем более что сам играл в «Динамо» вместе со Львом Яшиным под руководством Константина Бескова. Так вот: в книге они оба — реальные!

Особенно зацепило про Яшина после окончания карьеры игрока. Не забуду, каким грустным был Лев Иванович, когда его выпроваживали из начальников команды «Динамо» после гибели форварда Кожемякина. Как можно было не найти места масштабному человеку с таким именем, который к тому же был умен и со всеми умел договариваться?! Как можно было не дать ему

должности, которая соответствовала его уровню, — и даже лишить той, что была? Валентина, его жена, все рассказала очень искренне.

Та история с увольнением его подкосила. И сильно поспособствовала тому, что Лев Иванович, которого так любил народ и у которого было столько друзей, умер всего в 60 лет. Не помню, чтобы об этом раньше много писалось, а Игорь Рабинер осветил эту тяжелую историю очень хорошо».

Юрий Семин, трехкратный чемпион России, шестикратный обладатель Кубка России в роли главного тренера московского «Локомотива»

«Они перевернули мир. Они не просто жили, а служили своему делу, как великие актеры в театре. В жизни их больше ничего не интересовало. Только совершенствование, достижение чего-то нового. Это были невероятные усилия — но они окупались тем, что работа совпала с их мечтой. У отца — создать свой хоккей, у Бескова — свой футбол. В «награду» за такое служение отца в 54 года лишили профессии, что было худшим наказанием из всех возможных. А Бескова — уволили за второе место на чемпионате Европы. Это тоже — неотъемлемая часть и их судеб, и этой честной книги.

А Яшин — это же просто человек-история с первого и до последнего шага. А Харламов! Когда Валерка погиб, плакала вся страна. И папа плакал. Какие он делал финты! К тому, что давал Тарасов, он придумывал еще десять. И все это было впервые, на новенького. В каждом матче, на каждой тренировке. Потому что они не работали, а обожали то, чем занимались. И прославляли Родину, и не боялись никаких наказаний, поскольку знали: все равно завтра выйдут на поле или лед, встанут на лавку — и будут творить свое искусство, позабыв обо всем.

Я прочитала книгу и увидела, что автору удалось передать этот дух творчества и служения делу, которым четыре великих человека нашего спорта были одержимы. Для меня это было очень важно».

Татьяна Тарасова, семикратный олимпийский чемпион, обладатель 41 золотой медали чемпионатов мира и Европы как тренер по

фигурному катанию

«Неприлизанно. Честно. Все как есть. Мне очень важно, что Игорь Рабинер при помощи своих собеседников смог показать во всей глубине внутренний конфликт Константина Бескова и Николая Старостина, который я как игрок «Спартака» пережил сам. Но если меня нельзя назвать воспитанником Бескова, то Юрия Гаврилова, Георгия Ярцева, Вагиза Хидиятуллина — можно. Они расцвели при нем — и при этом тоже высказались с уважением, но без лести, точно отразив его характер.

Передана на страницах книги и драма Льва Яшина. Помню, как встретил его на лестнице в динамовском клубе, перейдя туда из «Спартака». А его, великого человека, как раз в тот момент выгнали с поста начальника команды «Динамо». Увидев меня, Лев Иванович удивился: «Женя, ты чего здесь?» Я рассказал. И он, какими-то минутами ранее страшно оскорбленный, пожелал удачи и не произнес о «Динамо» ни одного плохого слова. В этом был весь Яшин, человек высочайшей чести и выдержки».

Евгений Ловчев, чемпион СССР по футболу 1969 года, лучший футболист СССР 1972 года

«Что общего между легендарным Всеволодом Бобровым и популярнейшим журналистом Игорем Рабинером? Бобров блестяще, виртуозно, результативно играл в футбол и хоккей. Рабинер великолепно и увлекательно рассказывает о двух самых популярных в Отечестве видах спорта и людях, создававших и умножавших их славу. Очередная работа Рабинера — тому свидетельство.

Я всегда, с тех пор, как познакомился с Игорем, удивлялся и завидовал белой завистью его умению писать быстро, а главное, складно, толково, интересно. Диапазон его интересов, широта кругозора — обширны. К героям книг своих относится трепетно, с большой любовью, будь то Бесков и Яшин, Симонян и Нетто, Маслаченко и Черенков, Харламов и Тарасов…

Всех довелось мне видеть в деле (мои года — мое богатство), много о них читал и слышал, кое с кем общался и, как мне казалось, знаю о них достаточно. Но, встречаясь каждый раз с легендами на страницах

произведений Рабинера, словно заново с ними знакомлюсь, узнаю что-то новое, дотоле мне неизвестное. Спасибо Вам, Игорь, за Ваш труд, за увлекательное, полезное и познавательное чтение. Ждем новых встреч с любимыми Вашими (и нашими) героями».

Аксель Вартанян, футбольный историк и статистик

«Как говорит Жванецкий: «В каждой крупной личности есть что-то мелким шрифтом». Время и ностальгия слепили из этих людей памятники. В нашем сознании Харламов и Яшин, Бесков и Тарасов уже не наделены человеческими пороками и достоинствами. Они — образы. Это естественно для масштабов их личностей — но не для них самих.

В этой книге — попытка избавить нас от плена определения «великий». Попытка показать нам ЧЕЛОВЕКА. Легендами их сделал талант и его максимальная реализация. И это мы знаем. Но гораздо важнее узнать, как быт смог определить их сознание. Они же просто жили, не претендуя на бессмертие. И эта книга поможет нам посмотреть на них как на обычных людей. Как на героев среди нас».

Денис Казанский, футбольный и хоккейный телекомментатор канала «Матч ТВ»

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Tribalium, Ajay Shrivastava, art3, kapona / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Рабинер И.Я., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

В кино мы видели легенду. В этой книге — реальных людей

Валерий БАРИНОВ, актер театра и кино, народный артист России

Героев нашего спорта в последнее десятилетие стало модным воспевать в кино. Вижу в этом только хорошее и в то же время не могу назвать себя страстным поклонником «Легенды № 17» или «Движения вверх». Будучи профессионалом, оцениваю их как замечательно сделанные коммерческие фильмы. Их авторы — большие молодцы, что напомнили и смогли заинтересовать широкую публику такими фигурами, как, например, Валерий Харламов и Анатолий Тарасов.

Но такое кино — это именно легенда. А читая книгу Игоря Рабинера «Герои не нашего времени», я от легенды вернулся к реальным людям. К их настоящей жизни. И мне это гораздо интереснее.

* * *

Когда говорят об ушедших, есть одна большая опасность. Каждый обычно хочет повернуть ракурс в выгодную для себя сторону. Недаром говорят, что зеркало — самый большой лжец. Голова может быть опущена, а взгляд исподлобья придавать значительности. Или, наоборот, шея вытянута, чтобы никто не видел морщин.

Но в книге мне очень понравилось как раз то, что в этом смысле соблюден баланс. И что главные рассказчики — сестра Харламова, дочь Тарасова, жены Яшина и Бескова — дают полное представление о героях как людях, а спортсмены и тренеры, игравшие и работавшие с ними, дополняют его с профессионального угла зрения. И получается объемная картина.

Важно мне и то, что в книге охвачен большой круг людей. Та же «Легенда № 17» — фильм о Харламове и в какой-то мере Тарасове, но, видимо, законы жанра заставили режиссера Николая Лебедева и сценаристов выбросить из сюжета большинство других хоккеистов и тренеров команды, нередко людей выдающихся. А ведь хоккей, как и футбол, — виды спорта

командные. И, чтобы тот же Харламов в Суперсерии-72 начал блистать, первый ответный гол при счете 0:2 в первом матче должен был забить Евгений Зимин, которого и близко не помнят так, как Валерия. А я смотрел этот матч, ликовал в тот момент — и всегда его буду помнить. И Суперсерия-72 никогда не будет для меня сводиться к одному-двум героям.

Один человек, каким бы гениальным он ни был, без поддержки партнеров не способен выиграть ничего. Командные виды — особая категория спортивного искусства, где виртуозность таланта должна быть вплетена в коллектив и в игру, а не вызывать у менее одаренных коллег зависть и отторжение. Эта книга, при всей понятной концентрации на главных героях, такое понимание четко дает — и тем самым в какой-то степени восстанавливает справедливость, утерянную в фильме.

* * *

Мне самому довелось сыграть Тарасова в телесериале «Слава» о Вячеславе Фетисове. Меня привлекла сама фигура. Сила его темперамента, взрывная натура, способность увести ЦСКА со льда даже в присутствии Брежнева. Я играл скорее внешнюю сторону Анатолия Владимировича, прописанную в сценарии, то, как он нагружал хоккеистов, как был беспощаден. Но, конечно, он был куда более сложной фигурой, и я полностью согласен с тем восприятием личности Тарасова, которое есть в книге. И оно, безусловно, помогло бы мне, случись так, что я сыграл бы его еще раз.

Мне рассказывали историю, как уже через несколько лет после отстранения Тарасова от работы, когда сборная СССР валилась, его почему-то вызвали в ЦК комсомола обсудить, что происходит. Он пришел с большой толстой папкой. Все думали, что это доклад, а Анатолий Владимирович начал одну за другой вынимать справки: то у него больное, это — тоже больное. Разложил их, произнес одно слово: «Поняли?» — и ушел.

Мне это напомнило, как Георгия Жукова вызвали туда же, в ЦК ВЛКСМ, и потребовали вставить в его книгу главу о Брежневе. При этом больше всего боялись, что он опубликует ее на Западе. Он выслушал и как гаркнет: «Встать! Перед вами маршал Победы! Будете печатать только то, что я сказал!» При всей суровости тогдашней системы этим мощным людям нельзя было что-то навязать.

Мне кажется, что Тарасов был человеком без кожи. При всей внешней силе, жесткости, иногда чудаковатости у него был всегда

оголен нерв. Один молодой артист спросил меня, как играть Раскольникова. Я ответил: «Содрать с себя кожу и вместо нее надеть суконную шинель без подкладки». Вот так же, мне кажется, ощущал себя и Тарасов. Он, как никто, чувствовал пульс игры и жизни.

* * *

Обычно о книге, которая понравилась, произносят глагол «проглотил». А я вот читал ее вдумчиво, постепенно. При этом — с огромной горечью размышляя, почему большинство великих людей нашего спорта заканчивают свои жизни трагически рано, а иногда — и рано, и трагически. Можно насчитать единицы, дожившие до счастливой старости.

Более того, из прочитанного я делаю вывод, что даже Константин Бесков, который жил долго и сделал очень много, ушел с чувством неудовлетворенности от того, что ему многого не позволили довести до конца. Не говоря уже о Льве Яшине, который ушел в 60.

Яшин — это трагическая судьба гениального человека. Вратарская профессия для меня вообще представляется мистической. Владислав Третьяк в одном интервью сказал о каком-то важном матче: «Вышел на разминку, чувствую — не ловлю». Я прочитал — и понял, что это ощущение, «ловлю — не ловлю», все равно что наше артистическое вдохновение.

Да, мы должны им управлять, и моя обязанность — в 19.00 выйти и заставить публику заплакать или засмеяться. А вратари так же должны выходить на поле, чтобы ловить мячи.

Но, как пелось в чудесном фильме «Вратарь» по «Вратарю республики» Льва Кассиля: «Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет!» Это особое ощущение. Ты — последний. Надеются только на тебя. Ты стоишь спиной к бездне. Яшин как-то удивительно весело, легко рассказывал о своих первых неудачах — как пропустил от чужого вратаря через все поле, как во втором матче за основу «Динамо» сыграл неудачно и еще надолго вернулся в дубль. Но он был гений, и Господь дал ему место и время, чтобы эту свою гениальность проявить.

В начале 1960-х только появилось телевидение, и я никогда не забуду, как почти в 18 лет смотрел репортаж из Лондона по маленькому черно-белому телевизору. Как Яшин фантастически стоял за сборную мира! На кону был только престиж. А нам казалось, что он играет за всю страну. И это была особая гордость, что наш парень не позволяет лучшим британским

звездам себя пробить.

Яшин заслуживал совсем другой участи после окончания карьеры голкипера. И хорошо, что в книге этой тяжелой, но важной теме уделено немало строк.

* * *

Глава о Бескове представляет для меня особую ценность. Потому что о нем откровенно говорит множество людей, его окружавших, с одной стороны, любивших, а с другой — конфликтовавших с ним. И эти рассказы заставляют многое понять.

Как-то раз я сказал Константину Ивановичу, хоть он уже не работал в «Динамо»: «Ваша молодежь хорошо сыграла!» Он ответил: «Да они все мои!» И это сразу очертило масштаб человека, который работал и в «Динамо», и в «Спартаке», и в «Торпедо», и в ЦСКА, и в «Локомотиве». И, конечно, в сборной.

Мой друг Юрий Семин признался, что погорячился, уйдя от Бескова из «Динамо», когда его не поставили на четвертьфинал Кубка кубков с «Црвеной звездой». Конечно, погорячился. Но сколько он успел почерпнуть у него как тренер! Всевышний дал Семину дар впитывать. Не копировать, а именно впитывать и здорово внутри себя перерабатывать. Недаром жена Бескова Валерия Николаевна среди учеников Константина Ивановича выделяла именно Юру.

* * *

Эта книга — не только о самих героях, но и о том, как все мы жили. Она расширяет представление читателя о времени и о спорте в нем.

Из нее мы можем понять, насколько двойственной была ситуация даже у лучших наших спортсменов, с какими бы честью и достоинством они ни выполняли свою миссию.

Де-факто они были профессиональными спортсменами, выигрывали Олимпиады, чемпионаты мира и Европы, приносили славу стране. Но де-юре при этом кто-то из них считался слесарем, кто-то служил офицером. Профессии «спортсмен» в Советском Союзе официально не существовало — и это самым прямым образом отражалось на том, как ее представители жили, когда заканчивали карьеру.

Пока они радовали и развлекали людей — были нужны, но

зарабатывали лишь на то, чтобы хватало на здесь и сейчас, о больших накоплениях не могло быть и речи. Как только «выходили в тираж» — о них тут же забывали, и очень многие заканчивали жизнь инвалидами, в забвении и нищете.

В последнее время спорят, футбольная у нас страна или нет. Пессимисты аргументируют тем, что народу на трибунах собирается немного. Но ведь было время, когда на стадионы было невозможно попасть — ни футбольные, ни хоккейные. И не телевидение виновато в том, что ситуация изменилась. Просто с годами ушло понимание, ЧЕМ занимались те люди. Книга «Герои не нашего времени» наглядно напоминает об этом.

В нее уместно вплетены строки из стихотворений Евгения Евтушенко о Яшине и Бескове. У поэта было особое отношение к футболу и большим его мастерам. Талант тянулся к талантам. А еще я всем советую почитать стихи о футболе Валентина Гафта — не только великого актера, но и очень серьезного поэта, которого напрасно считают только виртуозом эпиграмм.

* * *

Все хотят ставить «Анну Каренину». При этом режиссеры должны понимать: о том, что она бросилась под поезд, знают даже те, кто не прочитал ни одной страницы Толстого. А значит, брать надо чем-то другим.

Так же все, кто интересуется спортом, в той или иной степени знают главные страницы биографии Харламова, Тарасова, Яшина и Бескова. То есть автору, который взялся писать об этой четверке великих людей нашего хоккея и футбола, нельзя было ограничиться констатацией того, что людям и так известно. Нужно было что-то новое. Факты, истории, подход.

На мой взгляд, Игорю Рабинеру это удалось — как удалось и передать атмосферу времени. Я прочитал книгу с удовольствием еще и потому, что она написана в очень хорошем ритме. Вы с него не собьетесь, не заскучаете. И вам обязательно найдется, над чем подумать.

От автора
Мятеж талантов

На эту книгу о четырех великих мужчинах нашего спорта меня вдохновили… женщины.

Татьяна Харламова. Татьяна Тарасова. Валентина Яшина. Валерия Бескова. Сестра. Дочь. Жены. В разные годы мне посчастливилось беседовать с ними о людях, которые для нас — иконы хоккея и футбола, а для них — просто родные и любимые. И ни один из этих разговоров не получился проходным. Да разве мог?

И как-то вдруг эти четыре встречи выстроились в моей голове в один ряд.

Так и родилась идея этой книги — судьбы титанов в рассказах тех, кто их близко знал и любил. А затем сложился весь ее пазл, вся гармония.

Два футболиста и два хоккеиста. Два игрока и два тренера (да, Бесков был потрясающим форвардом, но современного читателя он больше интригует как конструктор игры), причем в обоих случаях — связанные судьбой: Валерий Харламов играл у Анатолия Тарасова, Лев Яшин — у Константина Бескова.

Масштаб каждого таков, что за без малого 30 лет журналистской карьеры я говорил о них с десятками людей. И наших, и иностранных — от Пеле до Скотти Боумэна. Они заодно с родными и нарисовали четыре коллективных портрета. Ни один из которых, как мне кажется, не получился плоским, пафосным или лицемерным.

Тратить силы на славословия и дежурные комплименты в поиске какой-либо сиюминутной выгоды моим собеседникам не было никакого смысла. Никого из четверки героев, увы, давно уже нет в живых. В 1981-м разбился Харламов. В 1990-м не стало Яшина. В 1995-м умер Тарасов. В 2006-м — Бесков.

О них давно уже написали книги и сняли фильмы, в большей или меньшей степени соответствующие реальности. По разным причинам не во всех из них показаны истинные характеры этих больших людей ушедшей эпохи во всей их сложности и противоречивости. Далеко не всегда ясна истинная высота барьеров, которые им приходилось преодолевать. Надеюсь, эта книга поможет — нет, не исправить (не беру на себя такую смелость), а дополнить и углубить картину.

Я не подходил к «Героям не нашего времени» с лупой исследователя. И не стремился тянуть одеяло на себя

размышлениями, образами и парадоксами. Все это местами, конечно, встречается — но, скорее, как связки между рассказами людей. Рассказами, которые рисуют и время. Молодому читателю многое в нем покажется странным, а иной раз так и просто необъяснимым.

Повторю вслед за сценаристом фильма «Легенда № 17» Михаилом Местецким (он, кстати, — один из моих собеседников): меньше всего мне в этой книге хочется романтизировать СССР. Убежден, что в закрытой от мира и несвободной стране настоящие герои появляются скорее вопреки, чем благодаря. Когда-то мы беседовали с Владимиром Маслаченко, и выдающийся вратарь и телекомментатор, объясняя неудачи очень сильной советской команды в четвертьфиналах чемпионатов мира 1958 и 1962 годов, сказал: «И еще это результат того, что мы были чересчур советскими. Другие просто играли в футбол, а мы все время ощущали, что у нас за спиной партия и правительство. Вольно или невольно, но это давило».

О том же — строки из стихотворения Евгения Евтушенко о Льве Яшине из книги «Моя футболиада»:

Стиль Яшина — мятеж таланта,
Когда под изумленный гул
Гранитной грацией гиганта
Штрафную он перешагнул.
Захватывала эта смелость,
Когда в длину и ширину
Временщики хотели сделать
Штрафной площадкой всю страну.
Страну покрыла паутина
Запретных линий меловых,
Чтоб мы, кудахтая курино,
Не смели прыгнуть через них.
Внушала, к смелости ревнуя,
Ложно-болельщицкая спесь:
Вратарь, не суйся за штрафную!
Поэт, в политику не лезь!
Ах, Лев Иваныч, Лев Иваныч,
Но ведь и любят нас за то,
Что мы куда не след совались
И делали незнамо что.
Ведь и в безвременное время
Всех грязных игр договорных
Не вывелось в России племя
Пересекателей штрафных!

Стихотворение-то это — не только о вчерашнем дне, но и о сегодняшнем. В не меньшей степени.

Вот только ни Яшиных, которым хочется такое посвящать, ни Евтушенко, которые способны на такие посвящения, в наше время отчего-то не уродилось. «И у мячей бывают слезы, на штангах расцветают розы лишь для такого вратаря!» — кто сегодня ТАК напишет? Чтобы пробирало до костей?

Магия великих советских спортсменов заключалась в том, что коммунистическая партия пыталась сделать из них живую рекламу тоталитарного строя, а множество людей, напротив, видело в них символы свободы и вдохновения, не подотчетные никакому политбюро.

И нет в этой книге ни одной главы, где ее герою так или иначе не выкручивали бы руки советские, партийные, военные, кагэбэшные функционеры.

Харламову, в детстве побывавшему в Испании, на родине матери, и всю жизнь мечтавшему оказаться там вновь, запрещали это делать как действующему военнослужащему, — хотя какие, по совести, из хоккеистов офицеры?

Тарасова вынудили уйти из сборной СССР перед Суперсерией-72, которой он грезил, и в 54 года, по выражению Татьяны Анатольевны, «наложили запрет на профессию». Можно сколько угодно спорить о причинах отставки и не верить в версию дочери. Но то, что ее отец в расцвете сил остался без дела своей жизни и никогда к нему не вернулся, — факт.

Яшину после неудачного для него чемпионата мира-62 организовали беспощадную травлю, из-за которой он чуть не закончил играть. А в послеигровой жизни вышвырнули с поста начальника команды «Динамо» за гибель футболиста, к которой он не имел никакого отношения.

Бескова после второго места (!) на Евро-64 и проигранного лишь на последних минутах финала с хозяевами-испанцами по распоряжению Никиты Хрущева убрали с поста главного тренера сборной СССР — и только потому, что произошло это в личном присутствии идейного врага Советского Союза генерала Франко.

И это только по одному из многих примеров. Так все же — благодаря или вопреки власти эти четверо стали великими?

Поэтому давайте бросим взгляд в не столь уж давнее прошлое и вспомним о людях, которые по-настоящему прославляли Россию. Вспомним так, как они того заслуживают, — то есть честно и без утайки. Посмотрим на них глазами тех, кто с ними жил, работал, выигрывал и проигрывал, смеялся и плакал.

И, может, кого-то из юных рассказы об этих людях чести вдохновят стать такими, чтобы о них когда-нибудь что-то подобное тоже написали.

Игорь РАБИНЕР

Часть I
Валерий Харламов. «Последний год доиграю, и мы с тобой в Бильбао поедем…»

Очерк на стыке реальности и кино

О Валерии Харламове в последние годы говорят много — и, к счастью, не только в дни юбилеев. За одно это уже надо сказать спасибо создателям «Легенды № 17» — даже если кино сделало из него скорее пароход, чем человека. В том смысле, что в жизни Валерий Борисович был не вполне таким, как на экране. Но лучше ведь так, чем никак, правда? Тем более что никакого копания в грязном белье там и в помине не было — скорее, наоборот. Забвение вас устроило бы больше? Тем более что его многолетний партнер по сборной СССР Александр Якушев говорил мне:

«В художественных фильмах авторы имеют право на вымысел. Цель-то была — не точный биографический фильм о Харламове, а кино о советском хоккее, его характере, людях и качествах, которые в нас воспитывались. В этом смысле удалось показать самую суть».

Схоже прокомментировал впечатления от кино и партнер Харламова по звену Борис Михайлов:

«И Михайлов внешне не был похож, и Эспозито, и фактов много искажено — однако пропаганда хоккея для нового поколения прекрасная. И атмосфера передана здорово. А какое попадание в образ Тарасова у Олега Меньшикова — при всем внешнем различии! Как сыграл Владимир Меньшов партийного работника — точнейший продукт того времени! А Борис Щербаков — это точно папа Харламова. Копия! При встрече как-то его от всей души поблагодарил».

Мне доводилось беседовать о настоящем Харламове со многими людьми — его родной сестрой, партнерами и соперниками. А о том, как рождался Харламов киношный, вскоре после выхода фильма два часа слушал одного из сценаристов «Легенды…» Михаила Местецкого. По-моему, на стыке реальности и мифа, жизни и ее художественного восприятия только и можно понять суть. Давайте этим и займемся.

Испанская кровь

Осенью 2019-го я читал книгу про Валерия Харламова в серии «ЖЗЛ», от души написанную Максимом Макарычевым — как потом уже узнал, международным обозревателем «Российской газеты». И обнаружил там ряд ярких, сочных цитат Татьяны Борисовны, родной сестры великого мастера.

Мысль первая — вот бы с ней поговорить! Мысль вторая — но как до нее добраться? Ведь ни на телевидении, ни в пишущей прессе она вообще не появляется. Чего при такой замечательной речи и уникальной памяти не может и не должно быть. Может, она, будучи, как и брат, наполовину испанкой, живет на Пиренеях?

Оказалось — нет, в Москве. На Ходынке, в нескольких сотнях метров от ледовой арены «Мегаспорт», которую Валерию Харламову не суждено было застать. Хотя, допустим, в 2007-м, когда там проводился чемпионат мира по хоккею, легенде № 17 исполнилось бы всего 59. Но его уже 26 лет как не было в живых…

Кто ищет — тот всегда найдет. Во время очередного приезда в издательство «Молодая гвардия», где у меня с коллегой Владимиром Галединым вышла книга в серии «ЖЗЛ» о Федоре Черенкове, вдруг выяснилось, что исполнительный директор «молодгвардейцев» Роман Косыгин дружит с Татьяной Борисовной. В чем я месяц спустя с удовольствием убедился.

Низко Роману кланяюсь, потому что без него этого трехчасового разговора наверняка не состоялось бы. Ведь отсутствие сестры Харламова в прессе объяснялось тем, что она, по собственному выражению, просто немедийный человек.

Зато какой гостеприимный! Позвав нас с Косыгиным домой, тут же угостила первоклассными щами. А затем спросила: кофе или чай? Я — человек чайный, но, к счастью, вовремя сообразил, что Испания, в которой Татьяна Борисовна бывает часто, — страна кофейная. И точно: «Сделаю вам с лимоном внутри, как в Бильбао. В три часа дня люди там обязательно пьют такой кофе!»

Он и вправду оказался волшебным. Как и домашняя выпечка Татьяны Харламовой. Но главное — ее рассказы о брате, младше которого она всего на год, и о его времени.

А уже после интервью у меня перехватило дыхание, когда на стене комнаты, у огромного портрета Харламова в офицерской форме, я увидел десятки завоеванных им медалей. И рядом — крохотное изображение майки футбольного клуба «Атлетик» из Бильбао, на который в детстве, прожив год у дедушки с бабушкой

в их родной Испании, он ходил. После чего остался к нему неравнодушен, пусть и за железным занавесом, до конца своей трагически короткой, всего лишь 33-летней жизни…

Борис и Бегоня Харламовы назвали сына Валерием в честь знаменитого летчика Чкалова — этот факт Татьяна Борисовна подтвердила. И добавила:

«А меня Татьяной — сейчас упадете — в честь Татьяны Лариной. «Евгений Онегин» был первой оперой, которую мама слушала в Большом театре. И так ей понравился этот образ, что назвала этим именем дочку. Но я его не оправдала. Мама говорила, меня надо было Сорванцом назвать. Потому что в школу ее каждый раз вызывали не из-за Валерки, а из-за меня».

Спрашиваю, большое ли мужество потребовалось папе Харламовых, Борису Сергеевичу, чтобы начать встречаться с испанкой. В ответ слышу:

«Их ведь до рождения Валерки даже не расписывали. Потому что мама — иностранка. У нее, по-моему, до 67-го года не было советского гражданства — только вид на жительство. Каждые полгода нужно было отмечаться в испанском посольстве. Валера родился 14 января, а 2 февраля пришла правительственная телеграмма: «Вам разрешено зарегистрировать брак и ребенка». И 3 февраля они расписались.

А любовь у них была с первого взгляда. Они увидели друг друга на вечеринке в клубе «Красная звезда». Работали на одном и том же заводе. Мама стоит с подругой Кармен и спрашивает: «А что это за парень такой — кудрявый, в хромовых сапогах и кожаной куртке?» — «Да это друг моего брата, работает в таком-то цехе, играет в футбол и хоккей». И тут мама ей говорит: «Он будет моим».

А папа в это время встречался с другой испанкой! На той вечеринке он был с Маноло, братом Кармен. И говорит: «Что за девчонка с твоей сестрой стоит?» — «Да не знаю, ее подруга с нашего завода». А папа: «Она будет моей!» И приглашает ее на танец: «Утомленное солнце…» С тех пор они вместе».

Вячеслав Фетисов вспоминал, что Харламов на закате карьеры не раз говорил ему о желании уехать в Испанию и развивать там хоккей. Упоминаю об этом в разговоре с Татьяной Борисовной — и оказывается, что в точку.

«Как раз в последний год его жизни, в 81-м. Я-то с 1970 года каждый год ездила в Испанию, как и мама, а он с детства не был. Ему не разрешалось, потому что — военный. Помню, как Валерка говорил: «Последний год доиграю, Танька, и мы с тобой в Бильбао поедем. Будем оформлять документы». Он очень хотел в Бильбао, очень. Так запала ему в душу та детская поездка.

Тем более что и друг-испанец у него там был — по имени Хави. Он уже тоже умер, а раньше был вратарем в местном «Атлетико». Когда мы были в Испании, он жил этажом выше нас, и они с братом все время в футбол гоняли. В 81-м Хави был живздоров, и Валерке не терпелось его увидеть и пройтись вместе по всем родным местам.

Когда приезжаешь, видишь этот дом, проходишь по этой улице — эмоции невероятные. Вспоминаешь, как каждое воскресенье идешь утром в церковь, тебя все угощают — кто конфетками, а кто и монетками. Так заведено. Валерка, правда, всегда шел мимо церкви. А я — туда, обязательно. Клаудио, настоятель храма, не начинал, спрашивал: «А где русита?» — то есть русская. Приду — начинает. Племянница Бегонька приезжала, я ей все показывала — она плакала, у нее мурашки по всему телу были. И рынок на том же месте — да все! Бильбао очень изменился, но как-то так вышло, что все харламовские места какими были, такими и остались».

Пароход из Одессы

Мама Харламовых в разговорах с детьми нечасто вспоминала, как в 12 лет приехала в СССР. Единственное, по словам Татьяны Борисовны, — что в Одессе, куда приплыл пароход с отправленными подальше от гражданской войны испанскими детьми, жила в детском доме. Относились к ним радушно, но все это было не то.

Ведь в Бильбао ее семья жила в многокомнатном доме, у обеспеченных родителей. Но, когда началась гражданская война, отец был на стороне республиканцев, и маму отца, то есть бабушку Харламова, посадили в тюрьму. Мама Валеры, испанская пионерка, оказалась на улице. У сестры Харламова до сих пор хранится ее пионерская книжечка.

«За ними гонялись, — вспоминает Татьяна Борисовна. — *Бильбао, Сан-Себастьян, Сантандер, то есть страна басков, — это был самый эпицентр гражданской войны. И детей старались спасти, отправляли их в Советский Союз целыми пароходами. Правда, родственники все равно обвиняют бабушку с дедушкой, что не спрятали ее, что разрешили уехать. Но как знать, что бы с ней было, где бы она оказалась.*

Мама двадцать лет, с 36-го по 56-й, ничего не знала о судьбе своих родителей. Какая там была история! Когда испанских детей во время Великой Отечественной войны эвакуировали из Саратова в Тбилиси по Волге, было три парохода. Два попали под фашистскую бомбежку. И в Испанию сообщили, что все дети погибли. А мама — единственный ребенок в семье.

Она была на третьем пароходе.

Когда закончилась война, повзрослевшие дети хотели уехать. Но Сталин сказал: «Мы брали детей у республики — республике и отдадим. А там — Франко». И только в 53-м, когда Сталина не стало, Красный Крест начал заниматься этим вопросом. Эта организация договорилась с советским правительством: кто хочет поехать на родину — пожалуйста. Так дедушка с бабушкой и узнали, что их дочка жива.

Мы с Валеркой и мамой поехали в 56-м первым же пароходом из Одессы, «Крым» назывался. Момент приезда в какой-то город на Гибралтарском проливе вижу как сейчас. Огромный коридор. С одной стороны — те, кто приехал, с другой — те, кто встречает. Между ними — железные ограждения. Надо же проверить документы, соблюсти формальности.

Так получилось, что мама увидела через эти ограждения в толпе своего отца, нашего дедушку. И как закричит! И они бегут

друг другу навстречу, и перепрыгивают через все преграды. И потом все — за ними. И людей уже никто не может остановить».

Чистое кино, не правда ли? Но к фильму «Легенда № 17» и его испанской части мы еще вернемся — и очень скоро. Пока же продолжим об этой совершенно уникальной для советского мальчишки семейной истории. И о детской поездке в Испанию, которая так глубоко запала в сердце Валере и Тане.

«Приняли в Бильбао нас очень хорошо. А условия какие — семь комнат, кладовка… На одну семью! Как можно после такого вообще возвращаться в коммуналку на 25 человек? Маленькие были. А главное — папа. У нас был замечательный отец, добрейший. Все, кто его знал, не могут не отзываться о нем с восторгом. После ухода мамы мы вместе прожили еще 20 лет, и мне с ним было не просто легко жить, а весело. У него на каждое слово была шутка, сам он не мог обижаться. И всем был доволен. Всегда. Это самое главное.

Мамин папа, дед Бенито, в Валере души не чаял — но там больше по артистической линии. Валера же блестяще танцевал, фокусы показывал. Дед по всем тавернам с ним ходил и имел большой успех. Сам он хорошо играл на гитаре и пел. Слух у Харламова — от мамы, которая тоже прекрасно пела и танцевала, — и это все дедовское.

А как они ездили на машине! Дед, когда брал его с собой, даже не считал нужным включать поворотники. Потому что Валерка клал ручку на стекло и показывал — прямо, направо, налево. Тогда еще были регулировщики и знали: с дедушкой едет русский мальчик и с направлением никогда не ошибается.

Язык мы с Валеркой быстро схватили, потому что сразу пошли в школу. А потом, мы же и здесь жили среди испанцев. И в общежитии они были, и в коммуналке, и наверху, и внизу. Мы тогда сами не говорили, но язык был на слуху. Когда Валера стал взрослым и домой к маме-приезжали друзья испанцы, — понимал все. Дома он говорил по-испански.

И произношение у него было намного лучше, чем у меня.

Но все-таки практики не хватало. По себе могу сказать: вот мы были с братом в Испании в 56-м, а потом я не была там с 57-го по 70-й. За это время язык ушел. Но стоило мне туда приехать — он тут же восстановился. Так же, уверена, произошло бы и у Валерки. Хотя с людьми из Барселоны, которые хотели, чтобы он построил там хоккей, брат говорил по-испански…»

«Мы уехали в Испанию не на год, а насовсем».

Из Москвы в Одессу, до парохода, Бегоню, Валеру и Таню провожал отец. Интересуюсь у Татьяны Борисовны, насколько сложно было Борису Сергеевичу отпустить жену и двоих детей в Испанию на целый год. В ответ звучит нечто фантастическое.

«Мы уезжали не на год. Мы уезжали насовсем. Иначе не разрешали. Да, официально это была эмиграция. Воссоединение семьи. Только мама-то, хоть и скучала по Испании, с папой расставаться не хотела, да и он бы нас просто так не отпустил.

А сам поехать с нами не мог. Если русских женщин с мужьями-испанцами отпускали, то русских мужчин с женами-испанками — нет. Только поэтому папа и остался. Но родители договорились. Они заранее согласовали условную фразу в переписке, которую напишет мама, и отец будет знать: все, надо запускать процесс возвращения. И тут же пошлет в Красный Крест письмо с требованием вернуть детей, а поскольку дети маленькие — то вместе с мамой.

Однажды эта фраза в письме появилась. У нас-то с Валеркой все там было отлично. А вот за ней полиция следила. Скажу вам больше: все мужчины-испанцы, кто уехал из СССР, вообще прошли после возвращения через тюрьму! Женщин в основном не трогали, но наблюдение за ними вели. Маму не арестовали еще и потому, что у нее двое детей. Ну и дедушка влиятельный. Но в какой-то момент — допекло. Вернуться в Союз хотели многие, просто некому было написать такое письмо в Красный Крест, как папа.

У него была возможность звонить с Главпочтамта. Не каждый день, конечно, но раз в месяц удавалось переговариваться. И мы по папе очень сильно скучали. Дело в том, что он с нами очень много занимался. Спорт, всякие поездки… Организатор потрясающий был!»

Как это часто бывает, то, что в начале казалось идеальным, со временем стало раздражать. Как-то учитель в испанской школе больно ударил Валеру по рукам.

«Однажды дома Валерка заявил маме, что больше в школу не пойдет, — рассказывает Татьяна Борисовна. — *И объясняет: «Меня ударили». Там приходишь в школу, на одной половине сидят девочки, на другой половине — мальчики. Между ними — огромное патио. И до учебы молитва, на большой перемене — вторая, перед уходом по домам — третья.*

Я-то первая туда шла. А брат отказывался, как и в церковь по

воскресеньям. Он в бога не верил, был воспитан по-советски, а подстраиваться под обстоятельства не хотел. И учитель начал его за это лупить. Мама пошла в школу и так там все разнесла, что с того момента Валера был официально освобожден от всяких молитв».

Последней каплей для Бегони, чтобы дать условный сигнал мужу в Москву, стало приглашение на испанское радио — якобы на программу о советских переселенцах. Она настроилась на доброе, позитивное интервью — но прямо перед эфиром ей всучили бумагу с антисоветским заявлением, которое должна была зачитать. Мама отказалась и тут же ушла из студии.

А теперь перемещаемся в другую студию — кино.

Я страшно боялся не успеть увидеть «Легенду № 17» на большом экране. Ведь, когда она уже шла в кинотеатрах, почти на три недели уехал в командировку в Южную Америку, после которой еще две недели проболел. Когда же все-таки доковылял до кино, близился конец второго месяца проката. Далеко не всегда фильмы дотягивают до таких сроков. Все могло закончиться в любой день.

Насчет заказа билетов заранее мы с женой даже заморачиваться не стали — по всем прикидкам, к этому времени аншлагов уже быть не могло. И тут — картина маслом. Билет в кассе оставался ровно один. Ждать полуночи, когда начинался следующий сеанс, было невозможно, а наутро была очередная командировка. На мольбы помочь твердокаменная администраторша и бровью не вела, попытка же продемонстрировать журналистские «корочки» вызвала у нее усмешку: мол, даже Никита Михалков, чья студия «Тритэ» и снимала «Легенду…», пытался кого-то по блату провести, но неудачно. Верилось в это, если честно, с трудом.

И все же демонстрация удостоверения Союза журналистов России бесследно не прошла: увидев, что несколько свободных мест в зале осталось, всемогущая начальница сжалилась и пустила нас обоих. При условии, что в случае прихода всех опоздавших кто-то один непременно покинет помещение. К счастью, до этого дело не дошло.

Но раз ты попал на кино о спорте, по сути, как журналист — так не просто смотри, а работай! И к концу просмотра «Легенды № 17», первого из суперкассовых российских художественных фильмов о спорте (потом его обгонит по сборам «Движение вверх»), у меня в голове уже было несколько десятков вопросов к авторам.

Их, правда, еще оставалось найти, — но социальные сети не только сейчас, но и в 2013 году здорово облегчали этот процесс.

Тем же вечером списался с одним из двух авторов сценария Михаилом Местецким, и он, несмотря на всю занятость, согласился обо всем рассказать. И сделал это подробно и откровенно.

Начинался-то фильм именно со сцены в Испании с прорвавшимся за маленьким Валерой быком. И на вопрос, есть ли у нее хотя бы отдаленное отношение к реальности, Местецкий отвечает:

«Ну, только в том, что Валерий действительно ездил с мамой и сестрой в Испанию в 1956 году. Хотя семья Харламова вообще-то жила не в Памплоне, где и проводится инсьерро, а в Бильбао. Но мы посчитали, что детство Валерия можем таким образом домыслить. Эта сцена, кстати, насколько я знаю, стоила миллион долларов. Только она одна. Снималась она в Испании. По-моему, в соседнем городке с Памплоной.

Было ясно, что испанскую линию Харламова в таком фильме нельзя проигнорировать. Но у идеи рифмы между корридой и хоккеем тоже была своя сложность. Мы прописали в сценарии и «инсьерро» — бег быков за смельчаками — и тореадора. И только потом вдруг хлопнули себя по лбам — ведь это же разные вещи! В инсьерро никакого тореадора нет!

Позор, конечно, но хорошо хоть, что вспомнили об этом не после премьеры. Потом, конечно, ломали головы — и придумали одного быка, который прорвался во дворик, и там дядя Харламова, защищая маленького Валеру, выступил в роли тореадора».

Интересно, что, когда спрашиваю о степени выдумки истории с быком Татьяну Борисовну, она отвечает не столь категорично, а заодно выдает еще несколько первоклассных историй.

«Наполовину. На бой быков мы, по крайней мере, ходили. С нами там много интересных историй происходило. О том, что в Бильбао единственный раз за много лет выпал снег, и мы хулиганили, показав, как могут радоваться зиме дети из России, — история известная. А вот как меня цыгане украли, — еще не рассказывала.

Однажды мы играли на улице. А в Бильбао есть районч ик — Ла Пенья. В то время там стоял цыганский табор, я же была одна блондинка на весь район. Как такую не украсть? И меня подхватили. Он это видел, но понимал: восемь лет, а там взрослые — он не справится. Побежал к маме, и весь наш дом пошел меня отвоевывать.

Еще раз он меня просто спас. Мы уже ехали обратно в Союз, и в Чопе на границе был огромный забор. Мы на нем играли в салки. Он говорил другим пацанам: «Только Таньку не сальте, она же обязательно упадет». И точно. Меня салят, и я падаю с забора

плашмя. И замертво.

Он еще подумал, что я нарочно. Начал мне пятки щекотать, а я не реагирую. Хорошо, в это время мимо шла рота солдат. Валерка начал кричать, меня забрали в больницу. Если бы не докричался — неизвестно, чем бы все это закончилось. В Москву приехали, я стою рядом с отцом, он спрашивает: «А где же Таня?» Потому что лица у меня просто не было».

Бык в погоне за Харламовым — самая невинная из фантазий создателей «Легенды…». К более серьезным вернусь позже, а пока спрошу Местецкого, существует ли в жанре байопика, то есть biography&picture, писаные или неписаные законы — каким при реально существовавших персонажах может быть процент художественного вымысла.

«Никакой строгой теории на этот счет нет. Вопрос только в одном — насколько зрелищным вы хотите сделать фильм. Есть точнейшие байопики, где с биографической точки зрения не придраться ни к чему. Или фильм Учителя «Дневник его жены» про Бунина. Я обожаю такое камерное кино, но оно делается для узкой интеллигентной аудитории. Там особых натяжек нет — но в этом случае, конечно, страдает зрелищность.

Установил бы такую зависимость: чем большую аудиторию вы хотите привлечь, тем больше нужно связывать события жизни героев той логикой, которой в реальной жизни не было и быть не могло. А мы понимали, что должны сделать фильм, который будет смотреть куча народа».

Татьяна Борисовна к фильму относится положительно. Говорит, из ее знакомых хоккеистов негативно его воспринял разве что ныне покойный Петров. Услышав о моем интервью с Местецким, не без хитринки спрашивает:

«А он не сказал, сколько раз я «заворачивала» сценарий? Ну и я не буду. Зато скажу, что команда, которая снимала этот фильм, была очень хорошая. Все ребята классные — и режиссер, и операторы, и осветители, и костюмер. Молодцы! Они жили этим. Не так, чтобы пришли на работу, отсидели на ней нужное время и ушли. Поэтому люди и при мне на премьере, и на многих других показах аплодировали, плакали, вставали. И многие благодаря этому фильму открыли для себя хоккей.

И Данилу Козловского на роль брата мы с его дочкой Бегонькой выбрали. Нам показали пробы пяти актеров — кандидатов на роль Валерки. И больше всех подошел Козловский. По взгляду. Мы сразу сказали — да! И не пожалели.

Как и о Борисе Щербакове, сыгравшем нашего отца. Помню, на съемках стою, курю. Он мне: «Дочка, курить нельзя». Отвечаю: «Да, пап, а сам что делаешь?!» (Смеется.) Непонятно было, где

реальность, а где кино. Сам простой мужик, не думала даже. Хотя и народный. Но это, конечно, из-за Валеры, такие у всех любовь и уважение к нему».

Тут, конечно, нельзя не сопоставить версию Татьяны Харламовой о выборе Козловского на роль ее брата с тем, что сказал мне сценарист Михаил Местецкий:

«Кастинг был большой. В конце осталось три кандидата — все очень хорошие актеры. Чем взял Данила? Сейчас, готовясь к своему первому фильму как режиссер, понимаю, что в актере это качество чрезвычайно важно. И оно абсолютно харламовское, то есть напрямую связано с самой историей. Речь об упертости, воле и фанатичном желании достичь цели во что бы то ни стало. Козловский вовсе не был фаворитом после первых проб. Но после них он сразу начал заниматься хоккеем. Сам. При том, что ему никто не давал никаких обещаний роли.

Данила тогда еще не был привлечен вообще ни к чему из того, что у нас называется preproduction. И, конечно, эта одержимость подкупила. Перед этим он уже работал со студией «Тритэ» в фильме «Шпион», то есть его, конечно же, знали. Но нужно было еще многое. То, как Козловский вел себя при подготовке к этому фильму, — пособие для молодых актеров. В результате он достиг того, что заслуживает. Теперь Данила — наверное, главная суперзвезда своего поколения».

Сколько людей — столько и мнений, и глубокий, вдумчивый, очень симпатичный мне кинокритик из Украины Семен Случевский считает, что образ отца Харламова в фильме недопустимо маргинализирован. При том что как раз папа пробудил в нем интерес к хоккею и натренировал во дворе так, что болезнь сердца отступила. Местецкий возражает:

«Почему маргинализирован? Да, он был простой рабочий на заводе, который поднял своего сына и повел в секцию. А что, у нас только профессора должны были своих сыновей в хоккей вести? Отвечаю за одно: это был очень хороший, но очень простой мужик. Делать его интеллектуалом — зачем? Видел его интервью, и мне кажется, в фильме он весьма убедителен и, главное, приятен. А то, что был немного под каблуком у жены-испанки — так это нормальная жизненная история».

Высокая оценка игры Щербакова и Борисом Михайловым, и особенно Татьяной Харламовой в этом случае говорит в пользу создателей фильма.

Дед перед отъездом из Испании его едва не украл

Дед Бенито понимал, что расстается с внуком и внучкой, скорее всего, навсегда. И, обожая их, предпринял последнюю, авантюрную, попытку этого избежать.

«Он хотел нас спрятать, украсть, — говорит Татьяна Борисовна. — *А Валера это услышал. И маме сказал. До того был разговор, что мы с бабушкой и дедушкой поедем в одну деревню погостить. А на самом деле план у них был другой, и Валера услышал: «Мы их увезем в другое место. Чтобы Бегоня уехала в Россию одна». У каждого из нас была своя комната — но после этих слов последнюю ночь перед отъездом мама и мы провели рядышком на одной кровати.*

Мама же чуть ли не веревками нас к себе привязала. Но дед с бабушкой очень не хотели нас отпускать. Особенно дед. Ведь мы были их единственными внуками. И он довольно скоро умер, никого из нас больше уже не увидев. А бабушка еще правнуков застала».

Спустя 14 лет мама и сестра Харламова снова получат возможность ездить в Испанию, и с 1970 по 1981 год будут отдыхать там раз в год. Татьяне, обладавшей модельной внешностью, даже предложат работать манекенщицей — и изумятся, когда услышат, что она — моторист-электрик…

В 1981-м — незадолго до того, как великий хоккеист погибнет — Бегоня отправится на Пиренеи одна, потому что сын Татьяны, тоже Валера, прыгнув с крыши трамвая, получит множество травм, и его надо будет выхаживать. Потом Татьяна Борисовна съездит в Испанию с отцом, недавно — с племянницей Бегонитой и ее детьми.

У сестры Харламова давно есть и испанское гражданство. Было бы оно, вне всяких сомнений, и у Валерия. Но он до этого не дожил. При том что, как рассказал мне Михайлов, в команде его иногда называли Испанцем. «*Он и по характеру такой был — вспылить мог, но зла не держал…»*

Но вернемся в московскую коммуналку, куда — не знаю уж, с каким настроением — возвратились после испанского тепла и роскошества трое Харламовых. О настроении — это я еще и потому, что домой они ехали через Париж, причем застряли там на полтора месяца. Советского консульства в Испании не было — только во французской столице. Там, пока у родственников ждали документы, Таня успела выучить и этот язык.

После всего этого — в коммуналку… Зато — с отцом, в

полном семейном составе! И вот новая картинка — Бегоня носится вокруг большого стола в комнате Харламовых с тапком за нашалившим Валерой.

«В Испании и сейчас, если надо налупить малыша — только тапком, — объясняет его сестра. — *А папа ее успокаивал. Никогда нас не ругал, не бил. Что бы ни происходило. Допустим, брат ставил у двери швабру, чтобы на меня упала, когда я в комнату вхожу. А первой входит мама, и швабра падает на нее. Или когда в футбол гоняет и стекло в квартире на первом этаже разобьет.*

На самом деле мама тоже была добрейшая и веселая! Но у нее были испанские эмоции. И она у нас была главным тренером. Валерка занимался хоккеем и футболом, папа — спидвеем, я — волейболом. Брата спрашивают: «А мама чем занимается?» Он отвечает: «Она у нас — главный тренер». На кухне была с утра до вечера. И поднималась с продуктами на пятый этаж без лифта. Мы так жили. И не жаловались».

И все же из слов Татьяны Борисовны во многом получается, что Бегоня — это классический случай «своего среди чужих, чужого среди своих». В Испании она скучала по Советскому Союзу, в СССР — по Испании. Хотя и привыкла к нашим тогдашним реалиям…

Спрашиваю сестру Харламова, сильно ли мама тосковала по родине, когда граница еще была для нее закрыта.

«Конечно, — отвечает она. — *Единственное, что спасало, — испанский клуб. Он располагался в месте, где раньше был клуб Чкалова, а уже после развала Союза образовалось какое-то казино. Там и в испанском центре они собирались, общались. И тосковали. Мама готовила очень много испанских блюд. Какая была рыба — то в одном соусе, то в другом! Никто так не умел. Люди приходили специально поесть мамину стряпню.*

При этом в Советском Союзе она чувствовала себя комфортно. Однажды ее спросили, поехала ли бы она в Испанию насовсем. Она ответила неожиданно: «Нет. Я без колбасы и селедки уже не могу». Родной дом у нее был здесь, адаптировалась полностью. Только плохо говорила. У нее все слова были в творительном падеже: «книга» — «книгами», «хлеб» — «хлебами», «тарелка» — «тарелками». Про шипящие вообще речи нет — ни одного не могла выговорить. В милицию из-за своего русского попадала.

Папа, может, говорил по-испански не особо, но, если выпьет, даже песни пел. Так мне с родителями повезло! Добродушные, открытые. И всем довольны. Папа, кстати, до Испании все-таки доехал. Первый раз — в 90-м году. Через девять лет после гибели Валерки. Он все время хотел на родину жены. С того года все

говорил: «Теперь можно умереть. Побыл на родине Бегонечки своей». Потрясающей они были парой…»

Завершая испанскую тему, перечисляю Татьяне Борисовне фамилии других выходцев из Испании, ставших известными советскими футболистами, — Агустина Гомеса из «Торпедо», Михаила Посуэло, выступавшего и за этот клуб, и за «Спартак».

«Это все папины друзья, — живо откликается сестра хоккеиста. — *А моя мама в детдоме познакомилась с еще одной испанкой, которая много лет спустя родила знаменитого в будущем баскетболиста Хосе Бирюкова. Не знаю, были ли Хосе и Валера знакомы лично, но Бирюков о Харламове прекрасно знал — это точно.*

Испанское сообщество в Москве вообще было очень сильным и сплоченным. Если бы не оно и не Красный Крест, может, Валерку бы и не вылечили. Мама подняла всех. Подключили представителя Красного Креста, который добился и санатория, и больницы, и лечения. Потом — чтобы квартиру дали. Ему нельзя было жить в коммуналке, где 25 человек и шумно. Помощь была очень большая. Так у нас появилась первая отдельная квартира».

Больное сердце, вычеркнутое из кино

История эта — про тяжелую болезнь Харламова в детстве — была, конечно, менее колоритна, чем испанская, но точно более драматична. Сценарист Местецкий вспоминает:

«Изначально в сценарии присутствовал другой гигантский кусок про детство Харламова. Это был рудимент первого, еще не нашего сценария. У Валеры в детстве было больное сердце, а папа втайне водил его на тренировки, чего мама не знала. Все хотели эту историю в фильме оставить — но потом стало ясно, что она все-таки не о том, и с ней получается какое-то совсем детское кино. Мне всегда казалось, что детство в таком объеме в сценарий не влезет. Скорее за него держались продюсеры».

На самом же деле это был ключевой для харламовского детства момент. Вот так иногда разнятся правда кино и правда жизни.

«Вот вы спрашиваете, почему Валерку вся страна любила, — говорит Татьяна Борисовна. — Еще и потому, что все знали его историю. И испанскую, так отличавшую его от всех остальных. И о том, что в детстве он тяжело болел и его даже парализовало. А он после этого смог встать на ноги и превратиться в великого хоккеиста.

Это было весной 61-го года. Брату недавно исполнилось 13. Отнялись правая рука и левая нога. Где-то на месяц. Было очень большое опасение, что он может стать инвалидом. В больнице он прошел курс восстановления. Что это было такое? Детский летучий ревматизм. Валерка часто болел ангинами. Он вообще был очень слабеньким, когда родился. Вес — 2 килограмма 600 граммов. Послевоенные дети все были такие маленькие.

Несколько раз он умирал. Однажды, еще был грудничком, где-то в годик, его положили в больницу, и в один из приходов родителей маме говорят: «Готовьтесь. Не вытянем». И вот она идет по улице и плачет, заливается. Вдруг какая-то старушка к ней подходит и спрашивает: «Дочка, ты чего плачешь-то?» Мама: «Сыночек у меня в больнице очень плохой, сказали готовиться».

А она же до последнего по-русски очень плохо говорила, ее еще понять надо было. Но бабушка эта не просто поняла, а сказала: «Не расстраивайся. Все с твоим мальчиком будет хорошо, вот увидишь. Завтра уже будет другое дело». А он лежал, не вставая.

На следующий день мама на заводе, папа в больницу идет. И глазам своим не верит: Валерка в окно смотрит! Врачи говорят: «Кризис прошел». С того момента он пошел на поправку, а мама стала очень суеверным человеком.

В 13 лет очередная ангина — и вот такие последствия. Мы жили в коммунальной квартире на 25 человек. И все соседи знали, что Валера болеет, ему нужны тишина и покой. Оберегали — вы себе не представляете как».

Удивляюсь — неужели со всеми соседями по коммуналке сложились такие отношения? И ни с кем не было свар? Такого же не бывает. В нашем современном представлении коммунальная квартира — это «Воронья слободка» в описании Ильфа и Петрова.

«Со всеми, — отвечает сестра Харламова. — *Любой национальности. У нас в квартире и испанцы были соседи — да-да! А одна семья русская была бездетная, и, когда наши родители на работе, они столько внимания и тепла нам отдавали! В окно кричали: «Таня, Валера, уроки делать!»*

Помню, как мы переживали, когда Валера после болезни первый год в пионерлагерь поехал. Врачи же ему запретили всякие нагрузки, и в медицинской карте это все было написано. А он же без ума был от футбола, баскетбола. Такой подвижный — и ничего нельзя, все запрещали. Мы с ним вдвоем плакали из-за этого. Слава богу, хоть в городки разрешили играть, и он выступал по ним на олимпиаде среди пионерлагерей.

А в сентябре, через полгода после болезни, он уже тихо-тихо пошел с ребятами записываться в хоккейную школу ЦСКА. И прошел отбор, в отличие от всех своих друзей».

Татьяна Борисовна считает, что, если бы не сложилось с хоккеем, брат стал бы… художником.

«Рисовать он с детства любил. И умел. Мы даже не думали, что он будет спортсменом, особенно когда болезнь с ним приключилась. Думали, будет художником. Срисовать один в один мог любую картинку. В школе раньше по биологии, природоведению надо было рисовать. Так все мои работы на школьной выставке были. При этом я карандаш в руках держать не умею. Я ему делала французский, он мне — рисование (смеется).

Когда брат стал взрослым, рисовал уже моему сыну. И стенгазеты в ЦСКА оформлял, редактором был. Писать он не умел, но по художественной части все было на нем. А еще я тогда работала на заводе, и он рисовал мне стенгазеты к Новому году. Все получалось очень красиво. Чувствовалось, что он помечен Богом. Чем бы ни занялся — везде бы многого достиг».

Маму Харламова — в отделение милиции

Кататься на коньках Татьяна с братом начали вместе — у своих русских, по папиной линии, дедушки с бабушкой на окраине Москвы, в дачном поселке Соломенная Сторожка.

«Папа с мамой работали на заводе — и, чтобы за нами было кому смотреть в течение дня, нередко отвозили нас к родителям отца. Причем папа был мотогонщиком, занимался спидвеем и часто доставлял нас в Соломенную Сторожку на мотоцикле. Помню очень вкусные бабушкины пироги на Пасху. А дед классный был! Мы к нему на работу бегали, чтобы рубль дал на то, на это. Бабушка об этих наших вольностях не знала, иначе заругала бы.

Дед всегда ходил на Валеркины игры. Как-то раз новые охранники его не знали. И не хотели пускать. Он им и говорит: «А ну-ка позовите моего внука, я ему запрещаю играть». — «А кто ваш внук?» — «Валерка Харламов». — «Ой, все-все, проходите».

Напором взял! Сергей Гаврилович жил с пулей в легких, полученной во время Великой Отечественной. И вынуть эту пулю было нельзя, потому что очень близко от сердца. Так с ней и умер, немного не дожив до 80».

Олимпиаду в Саппоро и Суперсерию-72, которые принесли внуку всемирную славу, дед Сергей застать, к счастью, успел.

Отец всю харламовскую карьеру сыновних матчей не пропускал, сестра ходила на матчи часто, но все же реже папы. А вот с мамой произошла отдельная история.

«Мама с определенного момента ходила на хоккей не более двух раз в год, — рассказывает Татьяна Борисовна. — После того, как в милицию однажды попала. Она так болела за сына и его команду, что на трибунах заваруха произошла. Кто-то крикнул: «Тут цыганка!»

В итоге ее даже спустили в отделение милиции, находившееся прямо во дворце. Она кричала: «Позовите моего сына!» Отвечали: «Да знаем мы ваших сыновей». К тому же у нее, когда волновалась, по-русски вообще ни слова было не понять. Валерке после игры сказали, что маму забрали в милицию, он пошел разбираться. С тех пор она приходила в сезоне только на две игры — первую и последнюю. Когда все еще только начинается — и когда уже все известно.

Она сама ходить на хоккей больше не захотела. А Валерка ей купил большой цветной телевизор. На пятый этаж эти 70 кг сам поднял и говорит: «Вот, мам, смотри». После тарасовских тренировок с отягощениями для него это была ерунда. Но, когда я сказала ему: «Валера, а что, если бы нас с тобой в детстве вдвоем

отдали в фигурное катание и поставили в одну пару?» — он аж отшатнулся: «Нет, такую корову, как ты, я бы не поднял!»

Мы жили в Угловом переулке, а рядом у нас был Зуевский парк. И до того, как пошел заниматься хоккеем в ЦСКА, мы постоянно ходили туда кататься на коньках. Вдвоем, когда там уже никого не было. Но просто катались — он меня не поднимал!» — смеется сестра мастера.

Интересуюсь, принадлежит ли по-прежнему та квартира их семье.

«Нет, там другие люди живут. После гибели Валеры у меня и у родителей было по своей однокомнатной. А поскольку у них был пятый этаж без лифта и мама ходить уже не могла, Спорткомитет СССР предложил нам сдать эти квартиры им — и взамен дали нам одну, ту, в которой мы сейчас разговариваем».

Недоумеваю, почему на доме в Угловом переулке нет мемориальной доски — не в каждом здании, в конце концов, рос Харламов. Она отмахивается:

«Да ну. Сами мы не такие, чтобы пробивать. Правда, там, где Бегошка живет, во дворе есть огромная хоккейная площадка, и она вся в портретах Валеры. Все облагородили, стенд сделали, постоянно за ним следят.

Когда он был жив, никто и не знал, что я сестра Харламова. Много лет работала на Аэровокзале, ходила в форме, и когда, глядя на фамилию, у людей возникали вопросы, говорила — однофамильцы. До тех пор, пока однажды Валерка с Борькой (Михайловым. — Прим. И.Р.) *ко мне не пришли.*

Я занималась там информационно-справочным сопровождением. Мы вели по всем аэропортам самолеты, пассажиров, багаж. Одним из лучших друзей Валеры был Жора Хитаров, директор Тишинского рынка. Но и с ним познакомились не благодаря фамилии. В стране был сложный период, мяса не купить. Мама ворчала: «Господи, хоть бы с каким-нибудь мясником познакомилась».

И вот приезжаю с Аэровокзала на ближайший рынок, Тишинский, перед перерывом на обед. Ничего нет. Я возмущаюсь: «Позовите мне директора. Неужели мяса нельзя купить хорошего? После ночной смены мне нужно два часа стоять и ждать?» И выплывает Жора: «В чем дело? Не волнуйтесь, заходите». Так и познакомились. А потом так сдружились, что одной семьей стали. А то, что мой брат — Валерий Харламов, он только позднее узнал. Последний раз они виделись за день до Валеркиной гибели…»

Вырос Харламов в шикарного форварда, а рос — первоклассным защитником. Только не на льду, а семьи. В частности, сестры. Да и друзей тоже. Во дворе одному мальчику

не повезло за несколько дней разбить футбольным мячом три окна подряд, и третье — из жалости к тому пацану — Валера взял на себя.

«Да, чтобы того родители не убили, — объясняет Татьяна Борисовна. — *А как он меня защищал! Хоть он был ниже меня, но все время оберегал. Помню, еще в общежитии жили, даже не в коммуналке, и один мальчик меня ударил. Тоже, кстати, испанец, потом уехал и там живет. Так Валерка руку ему сломал — потому что сестру трогать нельзя! И в пионерлагере потом похожая история была. Я никого не боялась, потому что у меня был такой брат. Причем это было в подростковом возрасте, а не когда он уже чего-то достиг.*

Шалил, конечно, — мог, например, у впереди сидящих девочек бантики к стулу незаметно привязать. Урок заканчивается — а она встать не может. При этом учителя поражались, как он крутился-вертелся, но как скажешь ему: «Харламов, продолжай», — он подхватывал тему, словно был полностью сконцентрирован. Я до сих пор общаюсь с одной нашей учительницей, ей скоро 90 лет будет. И она рассказывала, что на педсоветах учителя всегда удивлялись: казалось, у брата глаза и уши в другом месте, а спросишь — тут же все выдает!»

Еще Валера дома готовить научился, пожарить картошку или яичницу для него проблем не составляло. Но больше всего любил блины — и приготовить, и съесть. Если Михайловы в выходной позвонят: «Валер, чего делаешь? Танька блинов напекла, приезжай», — срывался моментально.

А утром мог встать, пока я еще сплю, и сделать блинчиков. Причем даже когда в школе учился! Еще мы с ним безе сами любили делать. Миксеров еще не было, а нам это так нравилось. Единственная сладость. Его же надо взбивать не останавливаясь. И мы не ленились — в четыре руки взбивали. То он, то я».

Тарасов и Чебаркуль

Борис Кулагин взял Валеру в цеэсковскую секцию, когда он, как вы помните, с большой толпой друзей пришел на просмотр. Все как обычно — явился за компанию, тех, кто больше всего этого хотел, не взяли, а его — моментально. И первый тренер Виталий Ерфилов стал словно членом семьи.

«У нас с ним день рождения в один день, только с десятилетней разницей. Он меня звал — «сестренка», я его — «брателло». До сих пор видимся и очень тепло общаемся».

Спустя год выяснилось, что при приеме в секцию Харламов приписал себе лишний год — таких маленьких, каким он на самом деле был, не брали. Когда все всплыло, пришлось переходить к другому тренеру, но с Ерфиловым семья осталась дружна. Татьяна Борисовна смеется: *«Он все равно следил за его карьерой. И как был с родителями в тесных отношениях, так и остался. Очень часто бывал у нас. И выпивал по рюмочке и с папой, и с мамой, и с соседями. У нас в этом плане дружный коллектив был».*

С Анатолием Тарасовым никому из игроков не было и не могло быть легко. А уж Харламову, игроку на первых порах субтильному, — тем более. Основоположник советского хоккея любил, как он выражался, «чудо-богатырей», а худенького Харламова, когда он еще был далек от статуса звезды, именовал «коньком-горбунком». *«Он же был маленьким по хоккейным меркам»*, — оправдывает Тарасова сестра хоккеиста.

Началась его взрослая карьера с того, что во время предсезонной подготовки Тарасов отцепил Валерия от долгожданной поездки в капиталистическую Японию. По тогдашним меркам — нечто фантастическое.

«Брат сильно расстроился. Сказал: «Они обо мне еще услышат». Помню, ребята тогда скинулись и привезли ему подарки из Японии. Игроки, включая и брата, знаменитой армейской болельщице Машке тоже всегда возили из-за границы подарки. Валера и с ней дружил. У него врагов вообще не было!»

И ОНИ о нем действительно еще услышали.

Но до того в ставший позже знаменитым (окончательно — после фильма) Чебаркуль Тарасов отправил Харламова без всяких сантиментов. И человек характером послабее завис бы там, возможно, навсегда.

Мама Валеры в тот же день — только чуть пораньше — уезжала в Испанию. Харламов, провожая ее, ничего не сказал. Татьяна Борисовна вспоминает:

«Он маму проводил — а потом в аэропорт. Она знала, что сын едет в Чебаркуль. Только не в курсе была насчет другого. Валерка ей сказал, что едет на месяц. И говорил: «Мама, не волнуйся, скоро вернусь». А когда она уже уехала, он мне говорит: «Тань, меня туда до конца срочной службы отправляют». То есть на полтора года — полгода к тому времени он отслужил.

К Новому году мама возвращается, привозит из Испании оливок, колбасы, турона (это тамошняя рождественская халва) в уверенности, что Валера уже в Москве. А его нет и нет. Она вообще чуть с ума сошла. Тем более что он говорил: «Я тебя провожаю, я тебя и встречу».

Борис Михайлов, в основном похваливая «Легенду № 17», все же усмехается: «Хотя, конечно, два хоккеиста, висящие между трубами завода в Чебаркуле, — это уже явный перебор. На самом деле ничего страшного там не было. Маленький городок, воинская часть, новая гостиница…»

Нельзя не спросить об этих кадрах «Легенды…» Татьяну Борисовну.

«*Меня все знакомые об этом спрашивают, я говорю: «Это художественная задумка»,* — реагирует она. — *Но при этом хорошо помню, как однажды на сборах в Кудепсте Анатолий Владимирович их заставил прыгать в воду с трехметровой вышки. Все стоят, бурчат: «Сам бы попробовал». Он услышал. Пошел и прыгнул. И все игроки тоже начали прыгать. Тогда он еще не такой полный был. Или сажал одного на другого — и бегите в горку!*»

Говорю, что такие экзерсисы чреваты межпозвоночными грыжами. Татьяна Борисовна отвечает: *«Валерка на спину не жаловался. И Михайлов тоже. С венами у Бориса — да, есть проблемы, а спина нормальная до сих пор».*

Вспоминаю, что еще в конце 60-х на предсезонке в ГДР Харламов выругался на тренировке, когда после столкновения с Кузькиным упал лицом в грязь. Так Тарасов его выгнал с занятия и устроил собрание. Разнес за то, что к старшему товарищу неуважение проявил.

«Это нормально, — защищает тренера сестра игрока. — *Без внимания тоже ведь ничего нельзя оставлять. Тарасову и Мишаков на подобном собрании говорил: «Отец родной, прости!» Но чтобы Валерка за пазухой держал камень на Анатолия Владимировича — никогда такого не было.*

Но перевернул все тот же Кулагин. Когда Валерка играл за «Звезду» из Чебаркуля, начальник тамошней команды Владимир Альфер позвонил Борису Павловичу: «Спасибо, такого парня мне прислал!»

И вот у «Звезды» был матч недалеко от Москвы, в Калинине

(сейчас Тверь. — Прим. И.Р.). *Кулагин приехал на него посмотреть и после матча сказал Тарасову: «Надо его забирать». Что и было сделано. Это случилось 8 марта. И из Чебаркуля он привез мне часы. До сих пор храню. Более того, есть у меня традиция: надеваю их, когда еду за границу. Работают! За 50 лет ни разу не останавливались!*

Но и тогда брат поначалу был на вторых ролях. А поверил в него Тарасов только, когда брат заменил Вениамина Александрова, сломавшего лодыжку. Поставил его в серьезную тройку, дал шанс «коньку-горбунку» — и тот им воспользовался».

Даже когда Валерий превратится в кумира страны и безоговорочного авторитета, а Анатолий Владимирович по начальственному велению перестанет возглавлять ЦСКА и сборную, — при случае публично «дать леща» любому из своих бывших игроков сможет легко. Например, когда в середине 1970-х Харламов (нехарактерно для советского хоккея, надо признать) побил на площадке игрока воскресенского «Химика» Владимира Смагина, Тарасов разразился ни много ни мало гневным открытым письмом в «Комсомольскую правду», где обвинил всеобщего любимца в звездной болезни.

Спрашиваю Татьяну Борисовну, не обиделся ли брат на Тарасова.

«Нет, — отвечает она. — *Он понимал, что так надо было. Это уже политика, а не спорт. Или ты пишешь, или ты уходишь».*

«Стоп, — говорю, — *Тарасов в ЦСКА же к тому времени уже не работал».*

«Но у него же «Золотая шайба» была — фактически личный проект. А это — воспитательная работа среди молодежи. То есть он отвечал не только за себя. Брат все это понимал и сказал мне: «Ты особо не обращай внимания». Что тогда было много заказного, что сейчас…

На самом-то деле Валерка был таким человеком, что поехал, нашел Смагина и извинился. Просто по-человечески, понимая, что был не прав. Кстати, Смагин, очень хороший человек, до сих пор ходит к нему на Кунцевское кладбище, мы там встречаемся…»

«Тань, неужели меня узнают?»

Спрашиваю Михайлова, помнит ли он, как его и Петрова впервые в тройку с Харламовым поставили. Ответ, разумеется, утвердительный.

«Дядя Веня (Александров. — Прим. И.Р.) *получил травму,* — отвечает многолетний капитан ЦСКА. — *Сломал лодыжку. А перед этим мы ездили на Кубок СССР играть в Чебаркуль, где в тот момент проходили службу Валерка Харламов и Сашка Гусев. Мороз был — за тридцать. Дядя Веня щелкнул, попал в штангу — и шайба развалилась! Две пятерки играют — третья в раздевалке сидит, не ждет возможности выйти, а наоборот, думает — пусть те играют побольше! При этом народу — биток.*

Когда с дядей Веней несчастье случилось, Кулагин сказал: «Вызываем Харламова с Гусевым». Они приехали, и Валерку сразу поставили к нам. До этого с нами пробовали и Смолина, и Чекалкина, и еще кого-то.

А с Харламовым сразу покатило! Первый матч играли в Горьком с «Торпедо». После этого — все, Тарасов никуда его не убирал. Только через два года в интересах команды — потому что Витя Полупанов закончил. И Анатолий Владимирович говорит: «Валерку я от вас забираю, потому что надо помочь Рагулину и Фирсову, продлить их спортивную жизнь». Нам подбирали, подбирали — и остановились на Юре Блинове. С ним и в Суперсерии неплохо получалось, но потом Кулагин с Бобровым опять нас с Валеркой соединили».

До этого еще много чего произойдет. Блистательный дебют звена Михайлов — Петров — Харламов на чемпионате мира 1969 года в Стокгольме, после золота на котором, выражаясь по-сегодняшнему, министр спорта (а тогда — председатель Госкомспорта) Сергей Павлов в эйфории вручит всем троим значки заслуженных мастеров спорта СССР. И вызовет тем самым гнев Тарасова, потому что до тех пор ЗМС становились только после трех выигранных мировых первенств.

«Это в кино», — не поверила в мой рассказ по этому поводу Татьяна Борисовна.

«Нет, — ответил я. — *Михайлов мне рассказывал, что и в жизни тоже».*

«Да? Валера ничего по этому поводу не говорил. Может, потому, что мы все вместе жили, и он маму оберегал как цветок. Не допускал никакой лишней информации. Говорил: «Бегоня — цветочек, не дай бог, чтобы она что-то узнала и расстроилась». Мне мог что-то шепнуть, но точно не при маме. А тогда, значит,

и мне не стал говорить».

А Михайлов про неприятие Тарасовым скоропалительного вручения ЗМС рассказывал вот что:

«Он этого и не скрывал. До того года ЗМС вручали только за три золота чемпионата мира. В виде исключения — два. А нам тогда повезло — Сергей Павлов, председатель Госкомспорта, пришел в раздевалку и объявил. Тарасов попытался возразить: «Сергей Павлович!» Тот: «Приказ подписан, я вручаю!»

Получилось, что мы с Петровым перепрыгнули одну ступень — мы одновременно стали и мастерами спорта международного класса, и заслуженными. А кто не был мастером спорта — вообще получили три значка одновременно! Я-то мастера спорта выполнил в «Локомотиве». Потом Тарасов на тренировках иногда говорил: «Отрабатывайте, заслуженные!» Отрабатывали».

Отрабатывали — и никак не могли поверить, что их уже начали на улицах узнавать.

«Один раз, помню, идем на метро «Сокол» по переходу, — вспоминает Татьяна Борисовна. — *И на него оборачиваются. А Валерка был в клетчатых брюках, весь из себя такой красавец. И я — красавица. Слышу шепот: «Харламов, Харламов». Он говорит: «Танька, неужели меня узнают?» — «Конечно, узнают». — «Нет, это просто мы с тобой так одеты». Хотя слышно было: «Харламов». Это был 69-й — 70-й год, когда он первый раз чемпионом мира стал, и пусть еще не был таким, как пару лет спустя, но его уже отлично знали.*

Какая звездная, если он и в пионерлагерь «Лесные поляны», куда в детстве ездил, всегда к ребятам приезжал. А когда папа в качестве общественной нагрузки работал в пионерлагере от завода, ходил в походы с детьми, на родительском заводе перед работягами выступал? Нет, крыльев у него не было!»

Тарасова любил. И его отставку воспринял с болью

Многие этого уже не помнят — но в Суперсерии-72, которую история вывела на безусловное первое место по значимости в харламовской карьере (да и в мировом хоккее вообще), тройки Михайлов — Петров — Харламов не было. Парадокс. Из каких во многом вообще и состоит большой спорт.

Вот только было это уже без Тарасова.

Мне казалось очень важным спросить именно у Татьяны Борисовны, как брат воспринял сенсационный уход его и Аркадия Чернышева из сборной после золота на Олимпиаде в Саппоро. Сестре уж точно не до хоккейной конъюнктуры. Она скажет как есть.

«С болью. Он любил Тарасова. Когда мама начинала выступать против него: «Да что такое, ни одного выходного!», он спокойно ей говорил: «Мам, а если ты на работе план не выполнишь, тебя ругают?» — «Ну, конечно, сынок». — «Так и Тарасов. Не выполнили установку — он и ругает. За тебя мастер отвечает, а за нас тренер».

Валерка любил Тарасова, во-первых, за чувство юмора. Для брата, который сам был очень юморным, значило много, когда человек за словом в карман не лезет. Во-вторых, за справедливость. В-третьих, за открытость. Даже в том, что касалось домашних дел. Поэтому ребята переживали.

Хорошо, Константин Локтев возглавил ЦСКА, и сначала Всеволод Бобров, потом Борис Кулагин — сборную. К ним ко всем отношение хорошее было. Тот же Кулагин был у нас на всех праздниках — на свадьбе, на днях рождения. К нашей маме он с огромным теплом относился…

Кстати, Всеволод Михайлович играл с нашим папой в русский хоккей! Может, они бы и дальше вместе пошли, но у папы уже было двое детей, и надо было выполнять обязанности нашего отца. И вместо хоккея он поехал на лесозаготовки, где хорошо платили. Там, в Поварово, сейчас у Михайловых дача — такое вот совпадение.

Бобров знал Валерку с ранних лет, когда тот в армейской школе занимался. Он тогда тренировал футбольный ЦСКА и одновременно вел занятия по футболу для армейских пацанов. И все говорил брату: «Давай-давай, иди к нам». Зимой Валера играл в хоккей, а летом — в футбол. Уверена, что он и в нем мог бы себя проявить на таком же уровне, как в хоккее. Но потом Тарасов

сказал: «Выбирай — одно или другое». А нравился Валерке больше все-таки хоккей. А вообще он все игровые виды спорта любил».

С тандемом Бобров — Кулагин он и обессмертит свое имя в Суперсерии-72. Для начала — двумя голами с передач лучшего друга Александра Мальцева при счете 2:2 в легендарном первом матче в Монреале, завершившемся разгромом хозяев — 7:3. А далее — везде…

«Переглянулись с Эспозито: Боже, как такое возможно? Ответ был один: «Харламов»

На Олимпиаде-2014 в Сочи, за пару дней до матча Россия—США, я разговаривал с капитаном и одним из ведущих хоккеистов американской сборной Заком Паризе, сыном участника Суперсерии-72 Жан-Поля Паризе. Спросил, кого из советских участников тех эпических матчей он может вспомнить. Зак даже ни на секунду не задумался: *«Харламов! О том, какой это великолепный хоккеист, отец рассказывал очень много».*

Это не означает, что Харламов был там безусловно лучшим среди наших. И даже вообще лучшим. Тот же Фил Эспозито выделяет Александра Якушева, получившего четыре (!) перстня лучшему игроку матча; Фрэнк Маховлич — Владислава Третьяка. Даже Михайлов называет лучшим в московской части серии Якушева, а в целом — Третьяка.

Но по яркости, виртуозности в сборной СССР «легенде № 17» не было равных. Фрэнк Маховлич вспоминает:

«*Как Харламов владел клюшкой! Когда в 81-м году услышал о гибели Валерия, перед моими глазами встал момент из третьего матча Суперсерии-72 в Виннипеге. Мы с Филом Эспозито атаковали советских защитников в углу площадки, но один из них прямо перед силовым приемом успел отбросить шайбу в сторону чужих ворот. Она пересекла синюю линию и поскакала к красной.*

Но после того, что произошло дальше, подумалось, что так все и было запланировано. Потому что Харламов на полной скорости подхватил шайбу, ворвался в зону, словно не заметил наших защитников, разобрался с ними и вратарем — и забил! А мы с Эспозито в это время врезались в их защитников. Оглянулись — а там шайба в наших воротах. Так быстро это было. Переглянулись с Филом — боже, как такое возможно? Ответ был один: «Харламов».

По поводу владения клюшкой ценно замечание звезды уже более молодого поколения, Алексея Касатонова:

«У Валерия Борисовича была фантастическая обводка, скорость, которая с его техникой позволяла ему обыгрывать соперников, создавать для своей команды численное преимущество, а заодно поднимать на ноги весь стадион. У него были и прекрасный бросок, и щелчок. Не представляю, как Харламов или позже Сергей Макаров показывали волшебный хоккей, играя такими клюшками, как в то время. Да если бы у них были

сегодняшние, они со своим мастерством вообще по сто голов за сезон забивали бы!»

Киношный же взгляд на то, почему однозначно главный герой Суперсерии-72 в «Легенде № 17» — Харламов, излагает Местецкий:

«В отзыве кого-то из хоккеистов я прочел комментарий, который прекрасно понимаю: в той серии были игроки не хуже Харламова. Тот же Третьяк, тот же Якушев. И я пойму хоккеистов, которые предъявят нам претензии, что мы перетянули одеяло на Харламова.

Но фильм — про него! Если брать их тройку с Михайловым и Петровым, то в ней не было драматического, конфликтного начала. Они были просто в хороших отношениях, а когда нет конфликта — нет и кино. Поэтому, при всем уважении к ним, при наличии главного героя в лице Харламова нереально было вытащить Михайлова и Петрова на первый план.

Получилась ведь достаточно классическая для кино история. Вначале был написан сценарий, над которым работали очень уважаемые в профессии люди. Но знаете, какая там была проблема? Это был пересказ фактов — медлительный и подробный. Из него бы, может, и получилось интересное артхаусное кино, но точно не тот фильм, который хотел сделать продюсер Верещагин. Сейчас вижу много комментариев, где люди пишут: «Ну, биография Харламова — это же готовое кино, там и сценарий-то писать нечего!» Ну, тут мы можем провести чистый эксперимент: просто посмотрите другие фильмы про Харламова (а они есть!) и сравните.

Взять и перенести все в кино невозможно. События реальной харламовской жизни не были увязаны какой-то внутренней логикой, которую мы так любим в кино. И теряя которую, нам становится неинтересно смотреть фильм, — это закон кинематографа. Требовалось выстроить сюжет, где были бы какие-то логические кольца, где заявленные темы развивались бы и к финалу достигали кульминации. Например, как индивидуалист по натуре через преодоление приходит к коллективной игре…

Это и есть драматургия, которой в жизни Харламова в чистом виде не было. Нам приходилось ее вычленять, отсеивать кучу тем. Меня смешит, когда в рецензиях пишут: как вы могли не упомянуть о дружбе Харламова с Мальцевым? Но нашей задачей было не упомянуть как можно больше событий из его насыщенной жизни, а укрупнить центральные. Это очень сложно».

Спрашиваю Татьяну Борисовну и про дружбу с Мальцевым, и про отсутствие «драматического, конфликтного начала» во взаимоотношениях с Михайловым и Петровым. Причем ставлю

вопрос так, как о том не раз слышал — что лучшими друзьями Валерия были Мальцев и Михайлов.

«Да, хотя и со многими другими ребятами отношения были великолепными. И Вова Лутченко у нас жил, и Валера Васильев… Малец — это потому что они долго были неженатые. У них свободы было больше. А других жены и дети держали. Да, из остальных ближе всех был Борька. Еще и потому, что его жена Таня очень любила нашу маму, тянулась к ней.

Когда у Таньки Михайловой был день рождения, ведущая спросила: «Вот есть такой человек, который очень давно знает эту прекрасную женщину и может поднять за нее бокал вина?» Она сказала: «Конечно, есть». И повернулась ко мне: «Танька, иди. Ты самая старая из моих подруг». Я же крестная их старшего сына. А моя мама была крестной самой Тани Михайловой — та крестилась уже взрослой. Мы жили одной семьей!»

Уточняю у сестры Харламова, верна ли формулировка Касатонова, что ее брат был для молодых хоккеистов «намного доступнее строгих Михайлова и Петрова». Подтверждает:

«Так и было. Боря знает себе цену и очень хорошо. А Володька, царствие небесное, да простит он меня… Он интервью, если не заплатят, не давал. Когда обратились насчет фильма, Борька сразу сказал: «Чем могу — тем помогу». А Петя: «Сколько это будет стоить?» Петров всегда был первым спорщиком в команде. Ни одному тренеру от него покоя не было — надо, не надо… Валерка над этим только смеялся».

Кларк — «Гад ползучий» или Право имел?

Один из популярнейших советских апокрифов — то, что переломным моментом во время Суперсерии-72 стал перелом лодыжки Харламова после жестокого удара форварда «Филадельфии» (недаром эту команду называли «бандитами с большой дороги»!) Бобби Кларка. И вообще, сама эта травма обсуждается ненамного меньше, чем разгром «Кленовых листьев» в первом матче и победная шайба Пола Хендерсона в серии на последних секундах восьмого. Дескать, канадский цинизм победил нашу наивную романтику.

Ниже поймете — это явный перехлест. «Советы», как называли нашу команду канадцы, тоже были хороши. А «Кленовые листья» просто играли, как привыкли.

Говорим мы, например, со Скотти Боумэном — величайшим тренером всех времен — у него дома во Флориде. И я слышу:

«Поверьте, Харламов был не единственным, кого Кларк так ударил клюшкой. Он был жестким игроком — и в НХЛ тоже так делал. Может, было сказано: «Если окажешься рядом с Харламовым — применяй силовой прием». Не думаю, что прозвучало: «Сломай ему ногу».

Спрашиваю о том же во время нашего долгого разговора в Тампе главную звезду тех «Кленовых листьев» — Фила Эспозито. Он для начала упоминает, что считает лучшим игроком советской сборной в серии не Харламова. Потом говорит о том же, о чем и Боумэн, а завершает тему совсем уж неожиданным — по крайней мере для нашей аудитории — пассажем.

«Считаю, что лучшим был Якушев. Он был тем человеком, которого мы реально боялись. Харламова же, я знал, можно вырубить. Что и сделал Бобби Кларк. Плохо, что он не сделал это в первом же матче!» — демонически расхохотался Фил.

И тут добавил очень важную ремарку:

«Такие удары постоянно случались в регулярном чемпионате НХЛ, и мне самому их наносили десятки раз. Мои голеностопы были измочалены! В том числе и самим Бобби. И это было частью игры. А эти советские парни кололи нас клюшками, словно копьями! Кололи!»

И Эспозито с присвистом изобразил, как игроки сборной СССР не просто колют канадцев клюшками, но и проворачивают их. Этого нам ни советская пропаганда, ни советские хоккеисты точно не расскажут.

У Якушева по травме Харламова, понятно, иное мнение.

«Конечно, мы это осуждаем. Кларк сам позже признавался,

что второй тренер (Джон Фергюсон. — Прим. И.Р.) *дал ему задание вывести этого парня из игры, и он таким вот неспортивным образом это сделал. Для них в то время это, может, и нормальное явление было, но для нас — подлый момент. Извинился ли Кларк тогда или потом? Нет».*

Третьяк говорит: *«Он сам (Кларк) написал в книге, что ему такое задание дал тренер. А задание надо выполнять. Тем более холодная война шла, отношения были неприязненные. Но в 1976-м приехали играть с «Филадельфией», и Кларк нашел меня перед игрой. Подарил шикарный перстень — десять бриллиантов, гербы Советского Союза и Канады, а также слово «унряжка». Он хотел написать — «упряжка», то есть мы все, советские и канадские хоккеисты, вместе. А еще подарил часы. Я ему в ответ — ондатровую шапку…»*

Спрашиваю Михайлова, простил ли он Кларку травму Харламову за давностью лет — или почти за полвека эмоции не стерлись. Борис Петрович отвечает колоритнейшим образом — такой фразой, на какую способен только он один:

«В тот момент он для нас был гад ползучий. Не думаю, что тренер дал ему задание любой ценой вывести Харламова из игры. Нанести такую травму противнику — это проявление слабости. Но ведь Кларк не был слабым игроком! Может, он и не хотел, чтобы все получилось именно так? А сейчас…»

И машет рукой. Уточняю, мог ли Харламов ударить исподтишка. *«Валерка — нет,* — реагирует его партнер по звену. *— В открытую мог врезать, а исподтишка — никогда».*

У Фрэнка Маховлича я поинтересовался, слышал ли он лично команду Джона Фергюсона сломать Харламова. *«Если такая команда и была, то точно не при мне,* — ответил форвард канадцев. *— И даже никогда не слышал, что Фергюсон такое говорил. Как и кто-либо другой».*

На вопрос же, полагает ли он, как многие в России, что сборной СССР для победы не хватило как раз Харламова в двух последних матчах, Михайлов ответил: *«Конечно. Это же была звезда из всех звезд. Из нападающих рядом с Харламовым некого поставить. Некого! При всем уважении к Мальцеву, Петрову, Якушеву».* При том, что, как говорил сам же Борис Петрович, лучшим игроком в московской части серии был именно Якушев.

А Маховлич отрезал: *«Это хоккей. В нем не бывает слова «если».*

У всех — своя правда.

Татьяна Борисовна же о Кларке высказывается вот как:

«Гад такой! Ох как Евгений Мишаков с ним дрался тогда. Он первым на этого Кларка налетел — и такая заваруха началась!

Потом уже все ребята начали. Валерка очень переживал, что его сломали, и он не сможет сыграть. Причем так хотел — и ему уколы делали, специальный сапожок под конек надевали. Но ничего не получилось, и он возложил этот проигрыш на себя — потому что невовремя сломался.

А мама тогда ругалась: «Пора заканчивать с этим хоккеем!» Она всегда был против хоккея. И не гордилась тем, что у нее сын такой знаменитый. Потому что это такие нервы! Валера ей очень тяжело дался, много болел в детстве. Поэтому каждый удар по нему она воспринимала так болезненно.

Поставит икону, молится. И то — не столько смотрела, сколько слушала. Одновременно могла гладить, готовить. Только если повтор шайбы, забитой ЦСКА или сборной, прибегала к телевизору. А папа во время просмотров матчей сколько раз падал с табуретки! В «Легенде № 17» это есть, и действительно так было. На домашние-то матчи он всегда ходил, а когда выездные — поставит табуреточку, двигается, двигается на ней — и как упадет!

Четыре домашних матча Суперсерии-72 мама, как всегда, смотрела по ТВ, а мы с папой там были. В первой московской игре очень хорошо помню, что после той шайбы в «Лужниках» болельщики голубей запустили. Представляете, закрытый стадион — и вдруг голуби взлетают! Такая красота. И это при том, что билеты на матчи раздавали только своим, по блату, в свободной продаже их не было. Одна элита. А голуби тем не менее — были!»

А во время канадской части Суперсерии ему и остаться предлагали.

«Какой клуб именно — не вникала. Но и деньги огромные сразу предлагали, и машину. Но он подумал о семье. Хотя в Канаде ему с первой поездки, еще в 69-м году, очень понравилось. Маленькие площадки подходили. И его там приняли сразу. Помню, привез из той поездки газету с фотографией, как он натягивает игровой свитер на голову канадцу. Тот на Валерку полез, а наш с его 175 сантиметрами тоже не промах. Даже подпись под фото гласила: «Русский нападающий нашел управу на канадского защитника».

На мой вопрос, ощутила ли сестра, что брат стал в стране всесоюзной знаменитостью именно после Суперсерии, Татьяна Борисовна реагирует замечательно:

«Я вообще никогда этого не ощущала и брата как национального героя не воспринимала. Это ощущение возникло уже после фильма «Легенда № 17». А как оно у меня могло быть раньше, если мы с ним до 12 лет в одной постели валетиком спали, потому что у родителей других возможностей не было!»

На колени перед бабушкой-соседкой

В «Легенде № 17» опытный Харламов — это жесткий вожак, лидер, трибун. В жизни он таким не был. У него хватало иных достоинств, и я решил узнать у Михаила Местецкого, зачем было делать из и без того колоритного, харизматичного человека кого-то другого. Сценарист парировал:

«Мы читали книжку Харламова. И по многим показателям видно, что Валерий был просто хорошим парнем. Мягким, деликатным. И когда мы «взрываем» его характер в фильме — не было в жизни таких моментов. Но посчитали, что в кино он должен быть чуть жестче, чем на самом деле. Это собирательный образ спортсмена, который из легкомысленного мальчишки через какие-то диковатые поступки вырастает в серьезного, матерого и спортсмена, и человека».

Алексей Касатонов рассказал, каким был Харламов в ЦСКА и сборной на самом деле:

«В характере Харламова в «Легенде № 17» больше взято у Михайлова. Не собираюсь принизить Валерия Борисовича, для меня он — как бог. Но образ в фильме получился собирательным. Лидерскими качествами, приписанными там Харламову, в гораздо большей степени обладал капитан.

Харламов с Геннадием Цыганковым были моими наставниками в команде, как-то так само собой сложилось. У меня и квартиры-то тогда в Москве не было, я жил то на базе в Архангельском, то в пансионате на Песчаной улице. Так вот, Харламов и Цыганков меня как своего «воспитанника» иногда брали к себе домой на выходные.

Ночевал то у одного, то у другого. Хотя, казалось бы, зачем я им, семейным людям, и так имевшим крохи свободного времени, нужен? С Харламовым и его семьей мы и на ВДНХ ходили гулять — он там рядом в «трешке» сталинского дома жил, — и даже отдыхали вместе в Ялте».

А вот что о человеческих качествах брата — только уже применительно не к ледовой, а к обычной жизни и к родным для него людям — рассказала мне Татьяна Борисовна:

«Валера был очень добрым, веселым, открытым человеком. И не был жадным ни на поле, ни в жизни. Анекдотов знал не меньше Володи Винокура, специалиста по этой части. Обожал дарить подарки — дружил, например, с троицей Кобзон — Лещенко — Винокур, и знал, что Леве нужен концертный костюм. Привозил его из Канады — и не могло быть и речи, чтобы взял за него деньги. Только дарил! При том что суточных советские хоккеисты

получали копейки.

А меня, сестру, одевал как куколку. Благодаря этому очень выделялась. Даже девчонки, жены Михайлова и Петрова, говорили мужьям: «Вы смотрите, что Валерка Таньке берет!» Когда в 73-м году его со Всеволодом Бобровым пригласили на финал Кубка Стэнли, он привез и Михайловым, и Петровым, и мне белые сапоги на платформе — тогда жутко модные. В подарок. Кто еще такое сделает из хоккеистов?!

Как-то, помню, новые сапоги в автобусе порвала, прихожу расстроенная. Он говорит: «Тань, хорошей вещи ничего не будет, плохой так и надо. Я тебе еще привезу». Привез, и не одни. Или, помню, заболела, камни в почках были. Он уловил: «Это простуды». Едет на игры в Канаду и привозит мне оттуда дубленку. «Чтоб тепло было». Понимаете? Это еще и потому, что мы с ним были очень дружны. Вообще не ссорились. Он ушел и унес мои секреты. Я могла с ним по женским моментам делиться. И никто ничего никогда не узнал.

Он не знал, что такое зависть и высокомерие. Дружил с ребятами со двора, из детского сада, они встречались все время. Один из них, Сережка Сугробов, работал летом в пионерлагере физруком, и он к нему ездил, чтобы с ребятами пообщаться, рассказать, что видел в разных странах. Старым друзьям тоже подарки дарил — что уж там говорить о папе-маме, дедушке-бабушке. И сейчас два раза в год с этими ребятами видимся — правда, на кладбище…

Очень хорошо помню такой случай. У нас была соседка, старенькая бабушка. Так Валера, уже будучи звездой, пришел ее поздравить с днем рождения и встал на колени. Ему ничего не стоило это сделать!»

Вернусь к повествованию Касатонова, также рассказавшего несколько историй о том, как Харламов помогал даже не самым близким из окружавших его людей:

«Валерий Борисович — настолько честный, открытый человек, не умевший обманывать! Светлая личность. Общаясь с ним, ты сразу же забывал, что для хоккея сделал он, а что — на тот момент — ты. Испанская кровь, наверное, делала его особенным, ни на кого не похожим. Даже Виктор Тихонов сказал в интервью: «Злиться на Харламова было невозможно — такой человек. Море обаяния». При всей своей легендарности он был гораздо доступнее суровых Михайлова с Петровым.

Читал рассказ Миши Васильева (хоккеиста ЦСКА 80-х годов. — Прим. И.Р.), *как ему, 18-летнему, Борисыч помог купить золотое колечко для мамы. Сам отвез парнишку в ювелирный магазин к знакомому директору. Искренне верю. У Харламова было*

много знакомых в любых сферах. Его обожала вся страна. И он всем помогал. Помню, однажды отобрали у меня магнитофон на таможне. Вез два, оказалось — можно только один. Рассказываю Харламову, он тут же: «Поехали». Прямо со сборов рванули, благо, от Новогорска до Шереметьева близко. К его знакомому таможенному начальнику. Отдали! И ведь он не для себя поехал что-то забирать, а только ради меня. Его авторитет работал железно».

«Молодые Валерку очень любили и тянулись к нему — Фетисов, Касатонов, будущий Профессор Ларионов… Так что эта история меня совершенно не удивляет», — откликается на мой пересказ касатоновско-харламовской поездки в «Шарик» Татьяна Борисовна.

Когда вы имеете дело с таким человеком, а к тому же он еще и знаменит, и общителен, — дружба с артистами неизбежна. Да с какими!

Татьяна Борисовна рассказывает:

«С Владимиром Высоцким они сошлись в театре на Таганке. Валерка там постоянно бывал. А потом, помню, как-то я лежала в больнице — и в ней же был дядя Марины Влади. И вот Валерка и Володя встретились как раз в этом госпитале. Это было под Новый год. Такой концерт там устроили!

А какие шоу брат устраивал с легендарной Анкой-пулеметчицей, помощницей Чапаева, с которой они оказались в Боткинской больнице, когда у Валеры была первая авария! Прихожу, мне говорят: «Он у своей». Значит, у Анки, которой было восемьдесят лет. Он любил с ней общаться, анекдоты беспрерывно травили. Они и похоронены рядом на Кунцевском.

История о том, что, когда сборную СССР возглавил Бобров, она готовилась ко второй половине Суперсерии-72, брат с Высоцким сидели в Доме актера, и в один из моментов Валерке пришлось залезть под стол, — правда. Потому что Высоцкий его быстро предупредил: «Бобер идет!» Это и Михайлов знает, он тоже там был. И Петров, царствие ему небесное. А Бобров отдохнуть сам любил».

Как и Харламов. И умел погулять — причем на широкую ногу. В книге серии ЖЗЛ «Валерий Харламов» меня впечатлила история про полную ванну шампанского в квартире у его друга Мальцева после окончания сезона-71/72, которую они с приходящими и уходящими друзьями распивали целую неделю. Умели же люди отдыхать!

Татьяна Борисовна подтверждает:

«Они оба любили говорить: «Красиво жить не запретишь». Что Харламов, что Мальцев — молодые, красивые, неженатые. Долго

было у них по этой части единение. Любили пошутить, подурачиться. Два таких остряка! Говорили мало, но очень метко. Девочек, которые все время были при хоккеистах, звали «мартышками».

Красивая одежда, пластинки, рестораны — все это началось, когда стали за границу выезжать. У Валерки, впрочем, всегда был вкус, какая-то изюминка. Может, потому что рисовал. Может, от мамы все шло. Она же помнила, как жила в Испании — и прививала нам эту жизненную гармонию. У Сашки такого вкуса поначалу не было, но он подтянулся, и они стали наравне.

С прическами экспериментировали. Из Киева к нам парень приезжал, парикмахер Сашка. Предложил попробовать сделать химическую завивку — и ему очень хорошо было. Еще они с Мальцевым парики под хиппи надевали. Помню, звонок в дверь еще на старой квартире. Мама смотрит в глазок — там какие-то мужики волосатые. Она их сначала не узнала. А это Валерка с Сашкой парики надели. Потом еще отца нарядили…

Дружил и с волейболистами, и с баскетболистами (особенно с Милосердовым и Едешко), и с футболистами. Среди последних самый близкий его друг — Вадим Никонов. Вадька и сейчас постоянно звонит. Кстати, брат его с будущей женой и познакомил. Как и Сашу Гусева, и Валеру Васильева. Тот еще сводник!

Практически все хоккеисты-немосквичи жили у нас. Валерка всех тащил в дом. У нас был натуральный проходной двор! Холодильник только открывался и закрывался. Только когда пил много, ему плохо становилось. Быстро заводился, но много его организм не осиливал. Когда были где-то вместе, я знала — надо обязательно взять нашатырь, чтобы в какой-то момент привести брата в порядок.

С телекомментаторами и журналистами он тоже был на дружеской ноге. Например, с Николаем Озеровым. Валерка теннис тоже любил и играл в него — правда, не с Озеровым, а с министром обороны Гречко. Тот был самый простой министр обороны, самый человечный. С другими не сравнить.

Если говорить о журналистах — Ленька Трахтенберг у нас жил. Сколько раз ночевал! А про отношения с журналистами — Валерка понимал, что у них своя работа, свой хлеб, и им надо помогать. Нужно было — даже партнеров стыдил, когда они от интервью отказывались. Сам безотказный был».

При таком широком круге общения надо понимать: в те времена никакими ночными клубами и вообще избытком увеселительных заведений в СССР не пахло. Их было наперечет. Комментатор Владимир Писаревский рассказывал, что как-то раз

пришел с друзьями в ресторан гостиницы «Советская» и увидел Харламова, которого швейцар… туда не пускал. Харламов с горечью сказал ему фразу, за которую можно было и невыездным стать: *«А в Америке или Канаде у меня был бы собственный ресторан».*

«Ну, если бы он настоял — пустили бы. А он — нет, значит, нет. Брат и меня всегда осаждал в этом плане, если я начинала напролом лезть. «Ладно, Тань, пошли». Скромный был», — реагирует Татьяна Борисовна.

Уже несколько позже Харламова в последний момент отцепят из списка людей, представленных к ордену Ленина. Но не из-за его богемного образа жизни.

«Дело было не в этом, — объясняет Татьяна Борисовна. — *А в том, что он к тому времени еще не был коммунистом, тогда как Борис — был. После этого его школьная учительница Галина Михайловна дала ему рекомендацию, и Валерку в партию приняли. А я его принимала в комсомол. Я же была сначала председателем совета дружины, а потом секретарем комсомольской организации школы. В райкоме спрашивают: «А почему секретать комсомольской организации не задает вопросов?» — «Я его и так хорошо знаю. Это мой брат».*

А расстроился из-за ордена Ленина он сильно. Как и в момент, когда в самом начале карьеры, еще до Чебаркуля, его отцепили от поездки с ЦСКА в Японию. Так же, как и перед Кубком Канады-81, с чемоданчиком поехал на базу — и назад вернулся».

«Его собрали буквально по кусочкам»

Первая настоящая драма в карьере Харламова — автокатастрофа 1976 года, когда он был за рулем.

Касатонов говорит:

«*Коля Доморацкий, директор базы в Новогорске, лежал с Харламовым в госпитале Бурденко. Он рассказал, что его собрали буквально по кусочкам. И было невероятное счастье, что он вернулся в хоккей. Результат фантастического здоровья и стремления обратно на лед.*

Водил Харламов спокойно, старался не нарушать. Петров — тот мог разогнаться. Я много раз ездил с Борисычем на его белой «Волге» с номером 00-17. Той самой, на которой они с женой Ириной за рулем, разбились в августе 81-го…»

«*Валерка хорошо водил,* — подтверждает его сестра. — *В ситуации с первой аварией он спасал людей, которые находились на тротуаре. Уворачиваясь от ехавшей лоб в лоб машины, он либо их давил, либо въезжал в столб. Выбрал последнее». Вспоминаю, что водитель другой машины даже не остановился, но Татьяна его не винит: «А он не был виноват. Там Валера* (пошедший на обгон фуры, которая едва ползла. — Прим. И.Р.) *неправильно выехал*».

«Восстанавливался через страшнейшую боль?» — спрашиваю Татьяну Борисовну.

«*Не то слово. И на костылях ходил, и с палочкой. Мама всякие соли ему заваривала, шаманила что-то свое, из больницы не вылезала. Пока он лежал в госпитале — каждый день ездила. И тут надо сказать большое спасибо хоккеистам и их женам. Когда эта авария случилась, Таня Михайлова у нас около недели жила, отвечала на все звонки.*

Ребята график построили, чтобы маму в больницу отвозить. Она приедет оттуда, наготовит — и опять к нему. Поспала, приготовила — и снова. Хотя мы жили в Угловом, а там трамвай прямо до госпиталя Бурденко шел — но это же 50 минут ехать! Тут Михайлов, Якушев, другие все расписали, она спускалась — и кто-то из них в машине уже ее ждет. Молодцы.

Поскольку госпиталь военный, туда пускали только в определенное время. Так ребята нашли слабое звено в воротах с заднего входа, отломали его — и все ходили к нему, когда считали нужным. Вплоть до парикмахера! Он оброс и сказал мне: «Тань, как бы подстричься?» Я мастера, тоже Таню, привезла, и она не только Валеру, а всю его палату подстригла. Все красавцы стали».

Интересный нюанс об участии в харламовском восстановлении одного из добрых гениев его карьеры, Бориса

Кулагина, рассказал его тезка Михайлов:

«*Когда у Валерки была первая авария, Кулагин мигом приехал еще в 67-ю больницу — ту, куда его сначала положили. И именно по его указанию, а также врача сборной Олега Белаковского, тоже члена нашей семьи, Валеру перевезли в военный госпиталь Бурденко*».

В больнице после первой аварии Харламов вместе с известным журналистом Олегом Спасским работали над автобиографией мастера. Его сестра будет читать ее — разумеется, с автографом брата — в то августовское утро и в тот самый момент, когда ее настигнет страшная весть…

Спрашиваю Татьяну Борисовну, верила ли она в 76-м, что брат с такими травмами вернется в хоккей.

«*Уверена была, что вернется. И врач сборной Олег Маркович Белаковский — тоже. Он не сомневался, зная Валеркин характер, что тот встанет и будет играть. Хотя такие переломы страшнейшие были… Оскольчатые. Это значит, что кость была сломана не в одном месте, а раздроблена на мелкие кусочки. Ноги собирали просто заново. У него в голове столько осколков стекла было! Но он постарался. Потому что очень хотел играть. В этом его жизнь была. Причем играл он не ради денег. А чтобы людям было хорошо*».

И вот — первый матч Харламова в чемпионате СССР после аварии. Соперник ЦСКА — «Крылья Советов», которые возглавляет… Кулагин. Существует легенда, что врач сборной Союза Олег Белаковский даже приехал на раскатку «Крылышек» и с разрешения руководства команды обратился к игрокам с просьбой не бить Харламова, играть с ним аккуратно.

Татьяна Борисовна эту версию подтверждает, добавив:

«*Да, а возглавлявший «Крылья» Кулагин был не против, чтобы Олег Маркович с игроками поговорил и сказал как есть. Хотя Валерка потом сам понял, что против него в тот день играли не на полную. Во время игры он думал, что все нормально, а уже после прокрутил в голове игру и сделал вывод, что ребята его оберегали*».

На первых же минутах обычно жесткий защитник Сергей Глухов не станет активно сопротивляться, когда Харламов рванет к воротам «Крыльев». И когда забьет, произойдет невероятное — соперники (!) примутся стучать клюшками по льду, что на хоккейном языке означает поздравление и восхищение!

«*А на трибунах что было — и в тот вечер, и в другие!* — говорит сестра. — *За Валерку даже противники болели. Спартачи, динамовцы, поклонники «Крыльев»… В каком-то фильме было правильно сказано: «Ходили не на хоккей, а на Харламова*».

История с первой аварией — одна из самых спорных и шокирующих в «Легенде № 17». Потому что создатели фильма решили… перенести ее на четыре года назад — на период подготовки к Суперсерии-72. Казалось бы — как так можно! Сейчас узнаем — как.

Михаил Местецкий рассказывает:

«Мы относимся к Харламову с огромным пиететом. И вовсе не хотели шуровать палкой в осином гнезде, как делают создатели иных фильмов. Наоборот, мы стремились очень деликатно подойти к его судьбе. А вопрос обмана… По поводу некоторых вещей мы просто сломали себе голову. Надо было придумать все так, чтобы и не передернуть факты, и в то же время не разменяться на формальное им следование, уйдя от сути. Отсюда некоторые события жизни переставлены местами. Это минимум вымысла, на который мы не могли не пойти.

Мысли о том, чтобы закончить фильм Суперсерией, у нас изначально не было. Потому что одно из самых мощных событий харламовской биографии, где он показал себя героем, титаном, — восстановление после первой аварии. Перед этим многое можно было списать на чистый талант, на удачу. Здесь же — настоящее героическое поведение, которое в фильме, мне кажется, показано вполне правдиво.

Поэтому мы думали закончить фильм победой в первом матче после возвращения Харламова в хоккей. Причем, по-моему, он вышел буквально на пять минут, чтобы попробовать — и стадион встал, устроив ему овацию. Но, когда мы написали первую версию, Суперсерия оказалась настолько драматичной, что была явной кульминацией. Стало ясно, что после нее, этого эмоционального пика, нельзя показывать уже ничего.

И тут возникла идея. Замечу, не у нас. У меня как историка по образованию мозги до этого не дошли бы. Режиссер Лебедев предложил перенести катастрофу на четыре года назад и сделать ее перед Суперсерией. Для нас это было решением чудовищной сложности. Это как ноги себе на голову переставить! Мы на две недели даже взяли тайм-аут — просто чтобы потом перечитать, понять, как это вообще возможно. Но после очень долгих обсуждений все же на это пошли. С хоккейными людьми в таких решениях не советовались».

Хоккейные люди, конечно, поначалу были в шоке. Ведь у Харламова была реальная жизнь, которую многие из них наблюдали воочию и в которой участвовали. А в реальной жизни важнейшие события туда-сюда не перенесешь. И фамилия героя фильма — именно Харламов, а не узнаваемый, но тем не менее мифический, полувыдуманный условный Мархалов.

И все же творцы мыслят по-своему. И если на плод их мышления валят в огромных количествах и не останавливаются спустя месяц и два — значит, что-то в их затее все-таки есть.

Татьяна Борисовна к этой идее отнеслась лояльнее, чем можно было предполагать:

«*Мы говорили с ними на эту тему. Там вообще много было того, чего на самом деле не происходило — или было в другое время. Они объясняли — чтобы привлечь зрителя. Это художественный фильм, а не документальный — поэтому уж разрешите нам все это. Сказала: «Ну ладно». Хотя добавила, что в суд на них за определенные огрехи все равно подам».*

С этими словами сестра Харламова рассмеялась — и стало абсолютно ясно, что это шутка. С режиссером Лебедевым она, как выяснилось, общается по сей день. И добавляет: *«Народу понравилось — и слава богу!»*

Цыганка нагадала жене Харламова 25 лет. Столько она и прожила

К моменту первой аварии Харламов уже был отцом первенца — грудного Александра. А ведь с учетом того, что Валерий считался одним из самых завидных женихов Москвы, он достаточно долго по сравнению со многими другими хоккеистами делал выбор. Я поинтересовался у Татьяны Борисовны, не смущало ли ее, что брат так долго — особенно по советским меркам — ходил в холостяках.

«*Он им был только по паспорту — штампа не было. А так гражданские подружки у него были. Причем я же их из квартир и гоняла. Он говорил им: «О, Танька приехала, уходите, все равно сейчас всех выгонит». И Мишка Туманов, наш друг семьи, гонял их.*

Мне нравилась Татьяна Васильева, будущая жена Валерия Васильева. Но у них с моим братом были чисто дружеские отношения, платонические. Он их с Валеркой и поженил.

Потом — Маринка Баженова, переводчица. Они пять лет жили вместе, и им было хорошо. В отпуск на юг ездили вместе. Более того, назавтра у Валерки свадьба, а поздно вечером его нет и нет. Еду искать его — а он у Маринки. Говорит ей: «Только скажи «да» — и я на тебе женюсь». Но она ответила: «Нет. У тебя там ребенок»».

Вот где, оказывается, настоящая драма-то — если, конечно, Татьяна Борисовна не преувеличивает. Скажи тогда Марина — «да», и, может, Харламов был бы жив до сих пор. Ведь в момент его гибели за рулем была Ирина…

Сестра Харламова вспоминает:

«*Мама, разбирая подарки на свадьбу Валерки и Ирины, увидела антикварное изображение ангела — с крыльями, беленькое такое. У испанцев не принято это дарить. У нас есть свои приметы, у них — свои. Она сразу сказала: «Это все не к добру. Это к смерти». Потому что такие изображения ставятся на надгробия. Все интересовалась, кто того ангела подарил. Так и не выяснили. Причем его сразу выбросили — прямо там, в Угловом переулке. Мама была суеверна — особенно после того, как после ее разговора с какой-то бабушкой Валерка выжил, когда врачи говорили ей готовиться к худшему.*

И Ирине в 15 лет какая-то цыганка нагадала всего 25 лет жизни. Такое точно было, потому что она сама все время об этом говорила».

Столько она и прожила. А Валерию было отмерено 33.

«Все уже в экипировке, а Борисыч идет в цивильном. С вещами»

Роковым для Харламова — как, впрочем, и для всего его поколения — стал приход в ЦСКА и сборную СССР нового тренера Виктора Тихонова после двух неудач подряд на чемпионатах мира — в Катовице-76 и Вене-77. Ни много ни мало председатель КГБ Юрий Андропов вызвал на Лубянку Тихонова, возглавлявшего на тот момент рижское «Динамо» — и, хоть тот отказывался идти на место популярного среди хоккеистов Локтева (к тому же только что в очередной раз выигравшего первенство СССР), ему четко дали понять: в этом кабинете не говорят «нет». При этом Тихонову дали максимальные полномочия для переустройства и клубной, и сборной команды на тот манер, который он сочтет нужным.

Противостояние с первой тройкой наметится очень быстро. В те времена в Советском Союзе у игроков в таких случаях не было ни шанса на победу. Уже на банкете после первого сезона капитан Михайлов произнес в присутствии Тихонова жесткий тост, который вызвал переполох. «После этого все и началось», — говорит Борис Петрович. Конкретизировать, правда, не желает.

Спев лебединую песню на великолепно проведенном и уверенно выигранном домашнем чемпионате мира в Москве-79, звено Петрова начало потихоньку уходить в прошлое. А сенсационная неудача на зимней Олимпиаде-80 в Лейк-Плэсиде с «чудом на льду» (тот выигрыш студенческой сборной США у советских монстров официально назван главным спортивным событием Америки в XX веке) ускорила развязку.

Кстати, и тут усматривается тесное переплетение с нашим рассказом. Потому что не было бы «Чуда на льду» — и в 2004 году в Америке не выпустили бы об этом художественный фильм «Чудо».

А не случись этого фильма — и до «Легенды № 17» дело, скорее всего, не дошло бы.

Местецкий рассказывает:

«*Решение снимать «Легенду» оформилось у продюсера Леонида Верещагина как раз после того, как он посмотрел фильм «Чудо». Он сказал: «Блин, у нас было такое же чудо, которое сокрушило и перевернуло нам всем сознание! И у нас нет об этом никакой памяти. Вымрет мое поколение — и все, это сотрется окончательно*».

Поразительно во всем этом еще одно совпадение — главный

герой «Чуда», тренер той американской команды Херб Брукс, как и Харламов, тоже погиб в автокатастрофе. И тоже в августе. Правда, не 1981-го, а 2003-го. Харламову было 33, а Бруксу — 66…

Владислав Третьяк в нашей беседе признавался:

«*После Лейк-Плэсида я вообще хотел закончить в хоккей играть. Вместе с Харламовым. Мы проиграли — и сидели в олимпийской деревне, которая представляла собой тюрьму для малолетних преступников. В худших условиях мы на Олимпиадах не жили никогда. Харламов говорил: «Я, наверное, больше играть не буду». Но остыл — и остался*».

Михайлов говорил мне: *«После прихода Тихонова мы просто выполняли долг как офицеры и игроки»*. В разговоре с Татьяной Борисовной, вспомнив фразу, что на Тарасова брат никогда не точил зуб, интересуюсь: «А на Тихонова?»

«*Было. Когда сначала Петю (Петрова) из команды отправил, потом Бориса (Михайлова). Он же понимал — из-за чего. Тихона они не воспринимали. И пользовались в команде большим авторитетом, чем он. Вот Виктор Васильевич их и убирал. Хоть Борис потом и работал с ним как тренер, но дружеских чаепитий не было. В отличие от Кулагина и Тарасова*».

Игорь Ларионов, как раз на Кубке Канады 1981 года ставший центрфорвардом новой супертройки сборной СССР с Сергеем Макаровым и Владимиром Крутовым по краям, признавался мне: *«В первый же свой сезон в сборной я видел отношение к тройке Михайлов—Петров—Харламов. Как у ребенка, который в детстве был унижен и это отложилось у него в памяти, — так было и у меня»*.

Харламов из первой тройки продержался в сборной дольше всех. Но и его не взяли ни на ЧМ-81 в Швецию, ни на Кубок Канады — первый подобный турнир с участием всех сильнейших игроков мира.

«*Тихонов его боялся и не любил,* — говорит Татьяна Борисовна. — *Валера был на тот момент очень большим авторитетом в команде. Бориса с Володей он отцепил, брат оставался последним. Из Италии с Кубка европейских чемпионов, а до того, если не ошибаюсь, из Швеции с турнира «Северная звезда» он приехал со званиями лучшего игрока, а его не взяли на Кубок Канады. Тихонов мотивировал это тем, что он не готов. Это было смешно*».

Спишем эмоциональный окрас слов сестры на родственные чувства. В конце концов, 33-летний Харламов, к тому же измученный болями в голеностопах (следствие первой аварии), по игре уже не был обязательной частью сборной — что она и

доказала, выиграв тот Кубок Канады и уничтожив в финале хозяев — 8:1.

Другое дело — те же канадцы позже брали на Олимпиады с участием всех сильнейших 37-летнего Уэйна Гретцки в Нагано-98 и особенно 36-летнего Марио Лемье (где он и завоевал первое в карьере олимпийское золото), находившихся уже далеко не на пике и завершавших карьеры. Это говорит о том, что великого мастера даже на сходе можно вписать в большую команду. Ясно, что в лимитированной роли, — и лишенный фанаберии и переоценки собственных возможностей Харламов, несомненно, ее бы принял.

Победитель Кубка Канады-81 Касатонов говорит:

«*Честно, не думал, что его не возьмут на Кубок Канады. Когда Валерия Борисовича куда-то не брали — это не могло не удивить. Даже в 33 года. Даже несмотря на то, что на чемпионате мира-81 в Швеции его уже не было.*

Но к новому сезону, который должен был стать последним в его карьере игрока (об этом сам Валера говорил), он готовился серьезно, не пропустил ни одной тренировки на сборах, был в хорошей форме. На Кубке европейских чемпионов в Италии, как всегда нами выигранном, его признали лучшим игроком. Для турнира тоже ведь престижно, когда приз лучшему дают такой мировой звезде, как Харламов. Это и на статус самого турнира в будущем работает.

Помню, был выходной, заезд в Новогорск, а на следующий день вылет в Канаду. Приезжаю на базу, все уже ходят в экипировке. И тут вижу, что Валера в цивильном идет. С вещами. «Борисыч, ты куда?» — «Все, я закончил». Имелось в виду — не с хоккеем, а с Кубком Канады. Больше нам с Харламовым увидеться было уже не суждено».

«На собрании сказали, что будем выигрывать кубок Канады за Харламова»

Спрашиваю Татьяну Борисовну, стала ли для брата сокрушительным ударом весть, что он не едет на Кубок Канады.

«*Да. Он был полностью уверен, что едет. Тот турнир для него был очень важен. Валера как раз институт заканчивал, начинал диплом писать — а после сезона собирался повесить коньки на гвоздь. Когда его не взяли и он приехал домой, сказал: «Ладно. Буду институт заканчивать, тренером становиться».*

Обе ночи, которые ему оставалось жить, брат не спал. Он еще по характеру такой был — свои беды, переживания, чтобы не огорчать близких, не станет на них перекидывать. Все будет держать в себе. У нас и папа был такой же. Мама все выплеснет, отстреляется, а папа промолчит, в себе утаит. А Валерка уж очень заботился, чтобы родители не волновались лишний раз.

24-го он поговорил по телефону с мамой, находившейся в Испании, и уехал на сборы. Вдруг утром 25-го неожиданно приезжает. И говорит: «Меня отцепили. Сказали, что я физически не готов». Проводил команду и вернулся. Партнеры потом рассказывали, что он стоял у автобуса и махал им. Тогда они видели его в последний раз.

Когда Валерка приехал, папа был на работе, мама — в Бильбао. Вскоре подъехал Жора Хитаров, наш друг с Тишинского рынка. Он увидел, в каком состоянии Валера находится, и не хотел его отпускать. Договорились, что 27-го вместе пойдем пообедаем. В ресторане гостиницы «Советская» уже был заказан стол, Жора с другими ребятами сидели его ждали. Не дождались. Тем утром он и разбился.

Накануне, 26-го, он пришел ко мне на работу, в здание Аэровокзала. Был очень подавлен. Но купил мне сумку, она до сих пор у меня хранится. И, как сейчас помню, она стоила 27 рублей. Пошли с ним пообедать. Вдруг Валерка говорит: «Тань, а как мама отнесется, если я приеду домой с детьми и мы останемся?»

— Без Ирины?!

— Да. Не хочу говорить на эту тему более подробно. А сказал он так: «Я детей завтра заберу. Мы приедем к тебе под предлогом, что едем маму встречать. И больше я туда не вернусь». Я ответила: «Ради бога. Места на всех хватит». Договорились, что 27-го он заедет за мной и мы поедем в Кубинку забирать из лагеря моего сына. А 28-го — за мамой.

Никаких скверных предчувствий у меня не было. А у мамы было

видение, она мне потом рассказывала: «Еду на электричке из Бильбао в Париж. И видится мне девочка, ангелочек, вокруг меня вращается и наговаривает: «Ты не волнуйся, все будет хорошо. Ты домой едешь»». Потом сопоставила по времени — примерно в этот момент все и случилось. И этот ангелочек ее успокаивал.

Ирина водить не умела. Но это случилось 27 августа, а сборная улетела в Канаду 25-го. И эти два дня он был в состоянии, как модно теперь говорить, депрессии. Когда они уезжали с дачи, видимо, и сказал: «Хочешь? Ну ладно, веди». Ему было все равно. В обычном состоянии он никогда бы на это не согласился».

Ужасную весть рано утром Татьяне Борисовне сообщила жена Михайлова.

«*Слышу ее голос, говорю: «Слушай, какая ты у меня ранняя девчонка оказалась, я и не знала». Она: «Не до смеха». И сообщила. Сказала, что выезжает на опознание. Я не могла поверить, сказала: «Тань, посмотри внимательнее. Может, это не он?!»*

Я тут же собралась, пулей вылетела к Михайловым. Как назло, ни автобусов, ни троллейбусов — вообще ничего! Еле такси нашла. Еду, рыдаю. Шофер меня спрашивает, в чем дело. Отвечаю: «Мне сказали, что у меня брат погиб». Приезжаю к Михайловым — Таня вместе с другом семьи Мишей Тумановым и еще одним нашим другом из Солнечногорска уже уехали опознавать. Борис, работавший в Ленинграде с СКА, тут же вместе с Петровым выехали в Москву. Дома был только Андрюшка, старший сын. Потом они меня домой отвезли. Тут же и папа наш как раз пришел с работы…

Валерка лежал — как спал. Единственное, седина у него на висках сразу выступила. То есть за те мгновения он успел понять, что происходит. Погиб сразу, жена еще жива была. Минут десять».

Рука Харламова была протянута к рулю. Видимо, в последнюю секунду он пытался выправить машину из того рокового заноса.

Владислав Третьяк вспоминает:

«*Мы жили в гостинице в Виннипеге, и нужно было пройти два километра пешком до дворца. У нас в тот вечер там выставочный матч был. Утро, хорошая погода, 25 градусов тепла. Идем — и вдруг останавливается таксист и говорит: «У вас Харламов разбился». Это мы даже с почти нулевым английским поняли.*

Но до конца не верили, пока не пришли в раздевалку, а там по ТВ все показывают и нам соболезнования выражают. Мы вообще не хотели играть тот матч, но это было невозможно. Канадцы проявили участие — надели траурные повязки, объявили минуту молчания… По ТВ круглые сутки показывали, как он им голы

забивал. А некоторые ребята (Мальцев, Васильев. — Прим. И.Р.) *даже хотели улететь на похороны в Москву. Понятно, что это было нереально. Когда вернулись в Москву после победы в Кубке Канады — сразу из аэропорта поехали на кладбище*».

Версия Касатонова с тем, что сказал Третьяк, несколько разнится. Неудивительно — почти 40 лет прошло.

«*Входим в ресторан гостиницы на завтрак в день выставочного матча в Виннипеге,* — говорит Алексей. — *Валерий Иваныч Васильев, наш капитан, неотрывно на экран смотрит. А там — фото Харламова в черной рамке и лучшие моменты его карьеры. «Что случилось?» — «Харлам разбился насмерть»*.

Все собрались. Состояние — шоковое. Несколько ветеранов предложили лететь в Москву на похороны. Понятно, что руководство не могло с этим согласиться. Это даже технически было невозможно. И из Нью-Йорка или Монреаля-то тогда два рейса в неделю в Москву летали. А мы вообще были в Виннипеге, на краю света. Отовсюду далеко. Билетов нет…

Эмоции у всех были такие, что можно было сойти с ума. Провели собрание. Сказали, что будем играть и выигрывать этот турнир за Харламова. Это объединило команду, еще сильнее ее сплотило. Когда мы прилетели в Москву, то сразу из Шереметьева всей командой поехали на Кунцевское кладбище. К Харламову. Помню, это было вечером. Накрапывал дождик… Папа Харламова, дядя Боря, после гибели сына всегда был рядом с нами. И мы ему всегда, чем можно было, помогали. Для всех нас он стал родным человеком».

Виновен ли Тихонов в гибели Харламова?

Одну тему применительно к гибели Харламова обсуждают до сих пор. Виновен ли — понятно, что косвенно — возглавлявший сборную СССР Виктор Тихонов в гибели легенды? Иными словами, должен ли был тренер брать Валерия Борисовича на турнир?

«*Кто-то на эмоциях винил Тихонова в гибели Харламова — мол, взял бы его на турнир, и ничего не случилось,* — рассуждает Касатонов. — *Не сомневаюсь, что внутри себя Виктор Васильевич переживал. Он же не враг ему был. Но давайте будем честны. Тихонов не взял игрока на Кубок Канады по чисто хоккейным соображениям. Команда выиграла, разгромив хозяев в финале — 8:1. Это был единственный турнир на уровне сборных в истории, когда наша сборная обыграла лучших хоккеистов НХЛ не в одном матче, а в соревновании в целом. А с человеком случилась трагедия. Это жизнь. Какое-то мгновение. Почему тренер должен брать это на себя?*

Нина Крутова рассказывала, что Вова, который считал, что это его на Кубок Канады взяли вместо Харламова (он восстановился после травмы быстрее, чем прогнозировали), винил в смерти Валеры себя. Тут просто надо понимать — для всех нас Борисыч был кумиром, и мы гордились, что дружили с ним. А Крутов — еще более чувствительный, чем все остальные. Отсюда и такая реакция. Чрезмерно эмоциональная, граничащая с нервным срывом».

Касатонов — человек, всегда относившийся к Тихонову лояльно. Но и Михайлов, ушедший из ЦСКА после серьезного конфликта с Виктором Васильевичем, в нашем разговоре жестких оценок этой истории избегал:

«*Лично знаю людей, которые до сих пор винят его. Но что такое тренер? Это человек, который должен принимать решения. Он выбирает игроков, это его право. Единственное — я не согласен с прозвучавшим в одном из интервью Тихонова утверждением, что Харламов был не в форме. Как же не в форме, когда неделей-двумя ранее он получил приз лучшему игроку Кубка чемпионов? Есть другие нюансы, почему он его не взял. А то, что произошло потом, — это уже стечение обстоятельств*».

Но одно дело — оценка профессионалов, которые в любом случае не могли (и правильно делали) не учитывать триумф сборной на Кубке Канады-81. Родная сестра игрока смотрит на ситуацию с несколько иного ракурса. И может себя в выражениях особо не стеснять. Например, рассказать о том, кто осуждал

Тихонова за отказ ветеранам сборной полететь через океан на похороны Харламова.

«*Да, Мальцев еще и за это Тихонова страшно не любил*, — говорит Татьяна Борисовна. — *Сашка сказал: «Я за свой счет туда и обратно». Но ни его, ни других слушать не стали. Кто-то выступил открыто: даже если Валера физически был не готов, вы обязаны были взять его на Кубок как гостя, члена делегации — как угодно. Из уважения к тому, что он сделал.*

Тихонов — единственный, кто не сказал ни слова соболезнования моим родителям. А все остальные всегда вели себя по отношению к нашей семье очень внимательно. И не только армейцы, но и тот же Сашка Якушев. Все приходили к нам и проводили много времени с мамой и папой. Простые болельщики установили памятник на месте гибели в виде огромной шайбы. Сейчас его чуть-чуть перенесли и облагородили».

На прощании посол Испании встал перед мамой на колени

Михайлов, к моменту Кубка Канады уже завершивший карьеру игрока и ставший тренером, вспоминает:

«*Я был в Ленинграде и проводил тренировку СКА, главным тренером которого незадолго до того стал. Вдруг приходит дежурная по катку армейского дворца, подзывает меня к бортику: «Депеша из Москвы. Разбился Валерий Харламов». Я тут же собрал команду, взял себя в руки, извинился и сказал: «Погиб мой друг. Я уезжаю». И сразу вылетел в Москву…*»

Когда Харламов погиб, его мама возвращалась на поезде из Испании. Татьяна Борисовна вспоминает:

«*Она поехала туда на полгода со дня смерти ее матери. Сомневалась еще: «Может, не надо?» Валерка отвечал: «Мам, ну езжай, раз у вас принято». У нас отмечается год со дня ухода человека, у них — полгода. Причем Валера с ней разговаривал 24 августа по телефону. Тогда еще у него не было сомнений, что он поедет на Кубок Канады. Она ему говорила: «Я тебе пластинки везу». Ему же ничего не надо было, кроме, как теперь выражаются, виниловых дисков. У них с Сашкой Мальцевым были лучшие коллекции в Москве. А эти пластинки, которые мама тогда привезла, дома лежат, я их так и не слушала. Не могу. Больно.*

Домой приехала, спросила папу, почему он не встретил ее на вокзале. Он: «Бегонь, у меня ночная смена была, устал». Она огляделась и вдруг: «Что с моим сыном?!» Это всех шокировало. Зеркала были открыты, ничего о горе не говорило. Только «скорая» у подъезда стояла, но она ее не заметила. А тут что-то почувствовала.

Почему ехала на поезде? А тогда не было прямых рейсов в Испанию. Поездом и удобнее, и дешевле. К тому же у нас во Франции родственники. Приезжаем днем, заедем к ним, проведем время, а вечером — на электричку до Бильбао. Страна басков ведь как раз у французской границы. От Парижа до Бильбао — как от Москвы до Тулы. Из Парижа шел прямой поезд в Москву, 44 часа. Он и сейчас ходит. Интересно было смотреть в окно, какая разница между Францией, Германией, Бельгией…

В тот раз машинисту сообщили, что в поезде едет мама Харламова, и сказали, чтобы отключил радио. У нее сердце было слабое, и она не должна была узнать о гибели сына где-то еще, кроме дома. Хотя в Бресте уже был санитарный самолет. Если бы вдруг она что-то услышала и ей стало бы плохо, ее бы сразу на

этот рейс — и в Москву.

Потом она рассказывала: пограничник проверяет документы, смотрит на паспорт и произносит: «Похож». Благо, мама не знала хорошо русского языка, и тогда ее это не насторожило. Она сказал: «Ну, конечно, сынок, похожа, это же я».

Мы сделали все, что могли, чтобы она ничего не узнала. Единственное — она удивилась, почему папа не пришел встречать ее на вокзал, как делал всегда. А у него уже сил не было. Я ей объясняю: у него была ночная смена, он дома нас ждет, готовит все…»

На прощании во дворце спорта ЦСКА посол Испании в СССР встал перед мамой Харламова на колени. Татьяна Борисовна этот факт подтверждает, но говорит: «*Очереди были от метро «Динамо» и «Аэропорт», с двух сторон. Но я это плохо помню. Все было в тумане*».

Вся сборная прямо из аэропорта Шереметьево, прилетев после триумфального Кубка Канады, поехала на Кунцевское кладбище.

«*Но и там, насколько знаю, Тихонов ни слова не произнес,* — говорит Татьяна Борисовна. — *Я тогда с командой не поехала, потому что была дома с мамой. Ее вначале даже парализовало. Когда она только узнала — перешла на испанский язык. Буквально ни слова по-русски! Просила дать возможность поговорить с Испанией, с родней. Она приехала 28 августа и только 31-го, в день похорон, начала русский вспоминать*».

Побывали у Харламова на кладбище и канадцы. Об этом мне рассказал Фрэнк Маховлич:

«*Это было в 99-м году, когда я приезжал в Москву на дружеский матч. В тех самых «Лужниках», где когда-то мы бились в 72-м, теперь играли не только мы сами, но и наши сыновья — мой, Жиля Жильбера, Ги Лефлера. В том числе и сын Харламова. А мой сын забил в той игре победную шайбу. Мы снова обыграли русских! Нас тренировали Бобби Халл и Иван Курнуайе*».

В «Легенде № 17» гибели Харламова — нет. Хотя, казалось бы, такой сюжет — прямо для кино. Но это на наш, обывательский взгляд. Драматурги мыслят иначе.

Вот как мне объяснил задумку создателей фильма Местецкий:

«*Были две группы сценаристов, включая голливудскую, которые переписывали первоначальный вариант. Нас взяли, что называется, про запас. Первое, за что продюсеры зацепились и почему вообще начали с нами разговаривать — мы предложили им идею, которая была по-своему революционной. Мы предложили не заканчивать фильм смертью Харламова.*

Сюжет, когда герой в конце погибает, причем нелепо, на закате карьеры, — это сюжет падения. О том, как герой взлетел — а затем разбился. Идея показать финал выходом на пик показалась нам гораздо более человечной. Да, увидев гибель героя в момент, когда его не взяли на Кубок Канады, зритель уходил бы из зала зареванный. И… подавленный.

А кино должно будить чувства. И после этого фильма из зала люди выходят заплаканными. Но это другие слезы. Это не слезы безнадежности и трагизма, а слезы любви — к этому человеку, к его команде, к их силе воли. И мы предложили добиваться как раз их, этих слез, а не убить героя и зрителя вместе с ним. Это было решение, которое очень понравилось продюсеру Леониду Верещагину.

Еще была идея показать титром в конце, что Харламов погиб. Но потом от всего этого отказались. Причем от титра о смерти Харламова — уже на монтаже. То, что его не сделали, я увидел уже на премьере. И абсолютно согласен с этим решением».

Гибель сына сломала маму

Харламова не стало. Жизнь продолжалась.

Михайлов с Петровым пробили его детям, Саше и Бегоните, «достаточно высокие» (по словам Татьяны Борисовны) пенсии вплоть то ли до достижения совершеннолетия, то ли до получения высшего образования. Пятерка Ларионова много лет помогала финансово.

Мама Харламова прожила еще пять лет.

«*Конечно, гибель сына ее сломала,* — вспоминает Татьяна Борисовна. — *Ей делали обследование, врач сразу сказал: «Боюсь, она долго не протянет у вас. Все органы задеты на нервной почве». Две войны перенесла, что тоже давало о себе знать. Оказалось еще, что на ногах переболела гепатитом во время Великой Отечественной, что позже спровоцировало закрытый цирроз печени. Слава богу, протянула еще какое-то время.*

Но потерялась после того, что случилось. Так же, как папа после гибели моего сына Валерочки. А первый инфаркт он перенес сразу после маминой смерти. Потом очень долго звал меня Бегоней. Только назовет, как сразу вспомнит: «Ой, Таня». Удивительной они были парой. Так заразительно смеялись всегда! Все наши друзья, те же Михайловы, настаивали, чтобы они были на каждом их празднике».

Борис Сергеевич Харламов, оставшись один, перебрался на дачу к… Михайловым. *«Шесть с половиной лет он у нас прожил. Ему было тяжело, и хотелось дядю Борю как-то отвлечь»,* — говорит Борис Петрович.

А сестра Харламова развивает тему:

«*Мамы уже не было. Поехали туда летом — он с собачкой Харликом и я. Собака не знала русского языка — только испанский. Татьяна Михайлова ему говорит: «Дед, может, до ноябрьских праздников у нас побудешь?» А они только дом отстроили, им надо было его обжить. В ноябре уже он говорит: «Тань, скоро Новый год. Чего уж нам до него ехать». А она и рада до безумия. Потом раз — уже лето. И так далее.*

Все его дедом звали, отпускать не хотели. А младший сын Михайловых Егор спать не ложился, пока дед ему массаж не сделает и сказочку не расскажет. Татьяна звала их с Борисом: «Шерочка с Машерочкой». Как-то забор красят и почему-то становятся все пьянее и пьянее. Друг нашей семьи Мишка Туманов привез канистру, она думала — там краска. А оказалось совсем другое (смеется). *Они говорят: «Пойдем покрасим»,* — *и возвращаются все веселее*».

Теперь Михайлов регулярно навещает сестру Харламова.

«*Петрович? Да все время приезжает!* — смеется Татьяна Борисовна. — *Был один период, когда он ворчал: «Как в Москву — сразу к тебе!» С Мальцевым встречаемся в других местах. В Ростове-на-Дону три года назад отмечали его день рождения.*

А здесь Сашка ни разу не был. Не потому, что не хочет или ленится. Просто для него, парня очень сентиментального, хотя и внешне молчаливого, это больно, и дело не только в Валерке. Он ведь еще и папу нашего боготворил. Когда они после гибели брата виделись, не бывало такого, чтобы Мальцев отцу не сунул денежку на жизнь. Он не воспринимал его как отца Валеры, для него это был дядя Боря, родной человек».

Харламов-старший умер в 2010 году. Ему было 72. Его дочь рассказывает:

«*Однажды он упал и шейку бедра сломал. Парень какой-то наглый откуда-то выскочил и уронил его. Говорит: «Ну ладно, я пошел». — «Помогите хоть поднять». — «Мне некогда». И убежал. Пока не приехала «скорая», мы его даже поднять не могли. Такие вот бывают люди.*

Положили в больницу, на следующий день прихожу, зная, где его место. Захожу в палату — никого. «Где он?» И тут такой ответ: «А его уже нет». У меня все похолодело внутри — так дословно сказали. А оказалось, Михайлов подключил Андрея Сельцовского, бывшего врача команды, ставшего министром здравоохранения Москвы, и папу перевезли в Боткинскую. Но в известность нас не поставили. А мне уже помощь оказывают, потому что после таких слов плохо стало…

Но оправился. Ходил без палочки. Но перед тем, как ему делали операцию, собирался консилиум. До этого у папы было два инфаркта. Когда не стало мамы и когда погиб мой сын. Операция — это наркоз. И врачи мне сказали, что дают только 20 процентов на то, что он этот наркоз перенесет. Либо, если без операции, то все время будет лежать. Я ответила: «Пусть этот вопрос решает сам. На себя ответственность не возьму, потому что он очень активно живет. За весь сезон ни одного домашнего матча ЦСКА не пропустил — значимые, незначимые… Поэтому у него спрашивайте».

Бегонька была того же мнения: «Это только дед должен решать». И он сказал докторам: «Лучше умереть на операционном столе, чем лежать всю оставшуюся жизнь. Если бы не эта нога — знаете, как бы я сейчас по бабам бегал!» В общем, сделали ему операцию. Пролежал он в больнице дольше обычного срока, но выкарабкался. И все-таки, думаю, тот наркоз свою роль сыграл — только спустя время. Через год у папы случился обширный

инфаркт, и его не стало».

Есть у Татьяны Харламовой роковое число — 27. Я спросил, часто ли ей снился брат, и тут выяснилось:

«*Ни разу никто не снился — ни папа, ни мама, ни брат, ни сын. Но я каждый месяц езжу на Кунцевское кладбище 27-го числа. И брат, и папа, и сын — все ушли 27-го. В разные месяцы, но в одно число. Они все похоронены в одном месте. 27 августа, когда на Кунцевском собираются и его друзья, и партнеры, и болельщики, я стараюсь приезжать туда рано утром, когда еще никого нет. Потому что в этот день не могу видеть людей. Больно*».

Алексей Касатонов рассуждает:

«*Я часто думал, смог ли бы Валера найти себя в сегодняшней жизни. Доводилось слышать мнение, что он был слишком честным и открытым для нее. Но, думаю, дело для него нашлось бы. Хотя пройти через 90-е, когда и в стране, и в хоккее был период развала, Борисычу было бы сложно.*

А сейчас все люди, которые приносили славу нашему хоккею, — при деле. Потому и не сомневаюсь, что сегодня Харламов был бы востребован. Но так вышло, что сейчас востребован его образ. И о Валерии Борисовиче снимают фильм, который гремит на всю страну, и он собирает рекордную на тот момент кассу».

Спрашиваю Татьяну Борисовну о том же.

«*В России он бы работал только детским тренером,* — убеждена она. — *А может, сразу после окончания карьеры игрока уехал бы поднимать хоккей в Испанию. В 81-м у него уже было приглашение в Барселону, и он очень хотел поехать. Спорткомитет Испании интересовался: мол, как же так, во Франции есть хоккей с шайбой, а у нас — только на траве.*

Между прочим, когда при его жизни мы с мамой были в Бильбао, то попали в место вроде нашего Парка культуры — Арчанда. В горах, на высоте. Там был искусственный лед — и стояла Валеркина фигура. № 17, Валерий Харламов, в хоккейной амуниции. Ее установили еще в конце 70-х.

В Испании выходили и фильмы о нем — благо, в том же Бильбао очень много людей, вернувшихся из России, и они понимают, что такое хоккей. Киноактер Альгис Арлаускас в свое время уехал с семьей на Пиренеи и сделал очень хороший фильм «Жить и умереть в России». Одна серия посвящена маме и Валерке. Ее показывали там и на испанском, и, что очень важно, на языке басков.

А недавно испанцы приезжали снимать телевизионный фильм сюда. Они давно приставали, но я — человек не медийный, не люблю все эти дела. Но тут Бегонька, племянница, говорит: «Теть Тань, так хочу в Бильбао! Мне столько рассказывали про эти

места, так хочется по ним пройтись! Давай поедем!» И в то же время звонят эти киношники: «Татьяна, когда можно к вам приехать?» Отвечаю: «Мы как раз будем сейчас в Бильбао». Думала, этим все и ограничится.

Они приехали в Бильбао, отсняли там Бегоньку. И им повезло, потому что и дом, и школа, и таверны, куда он приходил с дедом и танцевал, и другие места, где Валерка бегал и играл, — все сохранилось. Я все это помню и знаю — вот и провела, и показала. Но съемочная группа этим не ограничилась и добралась до Москвы. Сняли дом на Ленинградке, где мы жили, двор. Разговаривали с Сашей Мальцевым, Борей Михайловым. Даже нашли такую же машину, светлую «Волгу», на какой он разбился. Неплохой фильм о Валерке получился, даже хороший. Когда они спросили о впечатлениях, сказала: «Мне хочется еще». В Испании уже призы получил».

К сожалению, отношения с семьей Ирины у родных Харламова не сложились. Была даже долгая тяжба за право опекунства над Сашей и Бегонитой, которую выиграла другая сторона.

«*С Сашей мы так и не общаемся — его так настроили, наверное,* — говорит Татьяна Борисовна. — *А сейчас тем более, после того как он на меня в суд подавал. Вышла книга Леонида Рейзера «Вспоминая Харламова», для которой я давала фотографии из личного архива. Когда он ее увидел, его адвокаты на три миллиона рублей мне иск предъявили. На основании того, что это их архив и я им не имела права пользоваться. При том что он о нем даже не знал! Суд этот мы выиграли, конечно.*

С сестрой они совсем разные. Мы с Бегонькой одной семьей живем. Она стала мастером спорта по художественной гимнастике, родила двух дочерей и сына. В детстве была — копия деда! Кудрявая, с ямочками на щеках. А Саша… Живет хорошо — и слава богу».

Дацюк — «с юморком, как у Валерки»

В 2005 года Харламова посмертно ввели в Зал хоккейной славы в Торонто — при том, что в НХЛ он никогда не играл. Но Татьяну Борисовну на церемонию в Канаду не приглашали.

«*Нет, я там никогда не бывала,* — говорит она. — *И мне было очень обидно за отца. Уж его-то могли пригласить. Ему и вообще нам заранее даже не сообщили. Мы потом уже из газет узнали*».

…Тогда, в 2005-м, первый за все времена представитель России — Игорь Ларионов еще не был членом выборного комитета Зала славы. Уж Профессор-то, успевший сыграть в одном звене с Харламовым за сборную несколько товарищеских матчей в том самом 1981-м (и обожающий вспоминать, сколько хоккейной мудрости за те минуты Валерий Борисович ему передал), о таких вещах точно позаботился бы.

Но и теперь было бы красиво, правильно и не поздно организовать приезд семьи легенды № 17, в том числе и его сестры, в Торонто. Вот только Борису Сергеевичу, или дяде Боре, как его называл весь хоккейный мир, там уже никогда не побывать…

«Есть хоккеисты в следующих поколениях, которые напоминают вам Харламова?» — спрашиваю Татьяну Борисовну.

«*Не то, чтобы прямо напоминал — но мне очень нравится Паша Дацюк. Как этот мальчик играл и до сих пор играет! И с юморком, как у Валеры. Молчит-молчит — и выстреливает шуткой не в бровь, а в глаз. Всегда с ним по-доброму общаемся. Как-то долго не виделись, здороваемся. Спрашиваю: «Молодой человек, вы, наверное, меня не узнали?» — «Татьяна Борисовна, как вас не узнать!» А еще он мне нравится тем, что, как и я, никогда не ест покупные торты и пирожные — только свои, домашние!*»

И смеется.

В 2002 году мы разговаривали с 18-летним нападающим Ильей Ковальчуком. Дело было в Лос-Анджелесе, куда новичка «Атланты» пригласили для участия в игре лучших новичков при Матче звезд НХЛ. Ковальчук забил шесть голов, по случаю чего была организована специальная пресс-конференция, на которой мне выпало быть переводчиком.

И я гордился, когда с первых же фраз, получив вопрос о кумирах, Ковальчук заговорил не о ком-то из современных ему звезд, а о Харламове. К этому его приучил отец. Моды на «Красную машину» и отдельных ее представителей тогда еще не было…

Чуть позже, рассказывая мне о том, как любовь к Харламову

пришла к нему от отца, Илья сказал: «*Иначе и не могло произойти — Харламов погиб в 81-м, за два года до моего рождения. Так что становиться поклонником его хоккея пришлось уже по видеозаписям. Мне сказали, что 17-й номер в сборной, пусть и неофициально, навечно закреплен за Харламовым. Считаю такое решение правильным. Я буду отстаивать честь харламовского номера, просто поменяв местами его цифры*».

Спустя годы мой коллега Дмитрий Кузнецов рассказал, что перед отъездом в Америку, регулярно общаясь с Ковальчуком, свозил его на могилу кумира на Кунцевское кладбище. 18 лет спустя я во время беседы с Татьяной Харламовой упомяну о Ковальчуке и его поклонении ее брату. Она отреагирует с удовольствием:

«*У него поэтому и в номере цифры «17», только в сборной наоборот. И на кладбище он, знаю, постоянно ездит. Молодец*».

До поры из молодых память о Харламове хранили единицы. Но в 2013 году настало время «Легенды № 17». Фильма, о котором отзывались по-разному, но одно несомненно: именно он породил мощный тренд на спортивное кино в России.

Михаил Местецкий говорил мне в разгар его популярности:

«*Для нас с моим соавтором Николаем Куликовым все происходящее с «Легендой…» — большой шок. Конечно, мы писали с надеждой, что это кино найдет своего зрителя — но чтобы до такой степени… Изначально решили: пишем для десятилетних мальчишек. В школе я был освобожден от физкультуры и до 20 лет вообще бегал от спорта, как от огня, а на спортсменов смотрел как на людей с другой планеты. Что я могу всерьез сказать о спорте взрослым — тем более тем, кто им по-настоящему увлечен? А вот ребятам — примерно представлял. Мы надеялись, что после просмотра фильма пара-тройка мальчишек оторвется от нюхания клея (или, при лучшем раскладе, встанет из-за компьютера) и пойдет в хоккейную секцию.*

Но вдруг выясняется, что кино отозвалось в сердцах намного большего числа людей. Нас это очень удивило. И уж тем более мы не могли предположить, что юниорская сборная России перед стартовым матчем чемпионата мира в Сочи против американцев в полном составе посмотрит этот фильм, а потом выйдет на лед и обыграет действующих чемпионов мира. Все это давно вышло за пределы наших ожиданий. Один отрицательный отзыв приходился и приходится на сотню восторженных. И очень много эмоций от 15—16-летних ребят. А собственно, в этом возрасте кино и попадает в вас, как никогда больше не попадет.

Считаю «Легенду…» фильмом абсолютно кинозальным. Вы не представляете себе это чувство, когда на премьере — заранее-то

это было абсолютно неизвестно — после каждой нашей шайбы в матче с канадцами люди начали орать: «Гол!» И потом по отзывам я видел, что это происходило по всей стране.

Люди писали, причем массово: впервые они видели в наших кинозалах, что народ кричал: «Гол», а главное — аплодировал на титрах. Вот такие чудеса нельзя ни спрогнозировать, ни потом воспользоваться ими. Потому что повторить такое механически — невозможно».

Еще на одно поколение младше Дацюка с Ковальчуком — Никита Кучеров, лучший игрок НХЛ сезона-2018/19, автор действующего рекорда для россиян в лучшей лиге мира за один сезон — 128 очков. Он родился позже Харламова на 45 лет.

Я спрашивал его, ставит ли он перед собой задачу стать великим игроком. Кучеров ответил: *«Великие — это Гретцки, Харламов, Айзерман. До этого мне еще очень далеко»*. Заметьте: рядом с двумя канадцами назван один наш. И даже не из поколения Гретцки, Фетисова, Ларионова, а старше. Таков магнетизм Харламова.

Кучеров давно живет в Америке, ни к каким Putin Team никогда не примыкал, и тема российского государственного патриотизма для него совершенно не актуальна. Зато актуален Харламов как чисто хоккейный, не имеющий никакого отношения к политике маг.

Светлый фильм о людях. Но не романтизация СССР!

И в связи с этим важно понимать, что именно хотели сказать создатели «Легенды № 17» своим фильмом, в котором многие заподозрили талантливую, но «заказуху». Что он прославляет — человека или государство? Рассказ Местецкого дает четкий ответ:

«*Болезненной темой для меня является и то, какой образ этого фильма постепенно создается, какую роль ему отводят в идеологической жизни нашего государства. Для нас был один очень большой и серьезный вопрос — может быть, даже самый серьезный, который мы решали, в том числе с этической точки зрения.*

К Советскому Союзу, к брежневскому застою, в целом к системе мы относимся очень плохо. Это наша общая позиция с еще одним сценаристом Николаем Куликовым и режиссером Николаем Лебедевым. Никакой романтизации этих времен мы не хотели. С другой стороны, прекрасно понимаю, что если мы просто списываем эти времена в помойную яму, то списываем туда и своих отцов. Мой отец работал в оборонном НИИ и был абсолютно системным человеком. Но и он, и его друзья — прекраснейшие люди, и в те времена им удавалось жить большой, насыщенной жизнью. По-своему прекрасной.

Живя тогда, они делали те же моральные выборы, которые мы делаем и сейчас. В этом смысле не сказать, что что-то сильно поменялось. И когда мы решили сделать светлый, достаточно жизнеутверждающий фильм о людях тех времен, в этом в последнюю очередь была идея как-либо романтизировать Советский Союз. Просто так получается, что ты видишь в кино живых, настоящих и сильных людей — и это сразу создает тем временам хорошую рекламу. Этакий невольный пиар СССР.

Мы же в фильме говорим о каких-то базовых этических нормах — для детей, например. Не вижу ничего плохого, что речь идет о том, чтобы этот фильм показывали в школах. Не предавайте учителей, не творите подлостей, не пишите доносов — какие-то основные ценности там выделены правильно.

«Легенду № 17» никто не заказывал. Студия сама решила делать этот проект. Такие фильмы рождаются только из мощнейших амбиций. Амбиций людей, которые хотят сделать свое кино — о том, что их действительно волнует. Для большой аудитории, а не для того, чтобы угодить заказчику…»

…Валерий Харламов тоже всю жизнь делал «свое кино». И тоже — «для большой аудитории, а не для того, чтобы угодить

заказчику».

Для всей страны. Для всего мира.

Его нет уже без малого сорок лет, но о нем создают фильм, на который ходят миллионы людей. О Харламове продолжают спорить, по-разному трактовать тот или иной эпизод, обвинять или оправдывать того же Тихонова, которого тоже с нами уже нет…

Интересно, было бы все это, если бы Валерий Борисович не покинул этот мир так рано?

А может, это случилось ровно в тот момент, когда Харламов, не попав на Кубок Канады, со всей четкостью осознал, что главное свое предназначение в жизни уже выполнил?

Стоп, но разве вы не слышали слова сестры и Фетисова о том, как он мечтал об Испании, как стремился всю жизнь в страну, которая так поразила его сердце в детстве, — но его туда не пускали?

Я пытаюсь представить себе подтянутого, загорелого 72-летнего жителя Бильбао Харламова. Со смаком пропускающего во дворике своего дома стаканчик сангрии под хамончик и с веселыми искорками в глазах сочно рассказывающего заезжим журналистам о том, как забивал голы Драйдену, конкурировал с Эспозито, изнемогал от нагрузок Тарасова и не мог достучаться до ледяного Тихонова.

И почему-то мне кажется, что где-то в другом мире так и происходит…

Часть II
Анатолий Тарасов. Великая недосказанность Анатолия Тарасова

В 1978 году судьба занесла Анатолия Тарасова в Торонто, и он впервые оказался в Зале хоккейной славы. Членом которого уже четыре года как являлся, но об этом… не знал.

Да, такова была сверхзакрытая жизнь в СССР, что ни хоккейные, ни другие руководители не сочли нужным сообщить опальному тренеру-титану о торжественной церемонии. При том что Тарасов стал первым представителем Советского Союза в Зале славы! Судья Юрий Карандин, находившийся там вместе с Анатолием Владимировичем, вспоминал о дикой смеси счастья и растерянности, которая отразилась на выразительном тарасовском лице в момент сообщения…

В реальность этой истории в XXI веке поверить можно с трудом. Но это было — 40 с небольшим лет назад. Тарасову, которого в Северной Америке называют отцом советского хоккея, тогда было всего 60. Казалось, еще тренировать и тренировать. Но он уже шесть лет как не работал — и в большой хоккей не вернулся, ограничиваясь организацией детского турнира «Золотая шайба»…

Его дочь, великий тренер по фигурному катанию Татьяна Тарасова, говорила мне об отце:

«Таких людей единицы, и рождаются они раз не в десять, а в сто лет. Например, Сергей Королев. Он весь мир держал на одной кнопке. И папа весь мир держал на одной кнопке, только другой. Мама так нас воспитывала, чтобы мы это с ранних лет понимали. И даже когда папу сняли, с ним советовались. Он же опередил время на 50 лет.

Мы дома при нем ходили на цыпочках. Никто не орал, никто не плакал, никто не лез к нему в это время на руки, на закорки. Потому что папа занимался государственным делом. Мы это чувствовали и знали. Нам говорила об этом мама, хотя сам папа — никогда. Когда он был дома — всегда работал. Он все время писал, писал, писал. А мы не могли потревожить его тишину».

Но насколько же больше пользы могло быть для игры от этой тарасовской работы, если бы он остался практиком хотя бы лет еще на десять, а то и на пятнадцать. Внеся колоссальный вклад в развитие не только советского, но и мирового хоккея — иначе о приеме в Зал славы не было бы речи, — Тарасов ушел из

профессии в 54 года. Вернее, его ушли. Сколько же он не доделал!

«*Это был запрет на профессию*, — говорит Татьяна Тарасова. — *Он больше никогда не работал тренером. Это вообще не укладывается в голове. Мы с мамой и сестрой так его жалели…*

Твари. Они убивали его. Кто? Руководители партии и правительства. Будь они прокляты. За то, что папу от Суперсерии-72 отключили. Это был смысл его жизни. Они уже вмешались в спорт — и гуляли там, рассказывали, кому тренировать и как. Они считали себя звездами. А года и века не по ним меряются».

Перчатки для Боумэна

О том, сколько Тарасов не смог доделать, я думал, сидя в зимнем доме у не менее великого, только канадского тренера Скотти Боумэна в очаровательном городке Сарасота во Флориде, на берегу Мексиканского залива. И разговаривая с ним о Тарасове.

Многим известно: Боумэн, доработавший в НХЛ почти до 70 (сравните с Тарасовым) и в последнем сезоне выигравший Кубок Стэнли, называет себя тарасовским учеником. И, более того, даже в 1990-е на тренировки «Детройта» выходил в перчатках патриарха советского хоккея. Ларионов присылал мне достаточно свежее фото Скотти в этих же крагах, то есть было ясно: они и сейчас с канадским мэтром. Не поднять эту тему в разговоре было невозможно. А заодно спросить, не могу ли я увидеть и пощупать тарасовские перчатки.

«*Нет, они у меня дома в Баффало*, — покачал головой Боумэн. — *А Тарасова действительно считаю одним из своих учителей*».

Почему? Разные страны, политические системы, модели взаимоотношений между тренерами и игроками. Наконец, железный занавес в СССР, не позволявший советским гражданам без опаски разговаривать с иностранцами. Что и как тут можно было почерпнуть?!

«*Необходимость постоянного творчества в тренировочном процессе. Неистощимой выдумки. Русские приезжали в Канаду и тренировались перед разными выставочными матчами и турнирами. И мне трудно было поверить в то, что я видел. Никто ни на секунду не останавливался. Даже три или четыре вратаря бегали в углы площадки. Фантастика! Тренировки — это был его конек, и вряд ли кто-то в этом Тарасова превзошел. Он был первым тренером, который вертикально расположил защитников. Один играл позади другого*».

Да, был у Анатолия Владимировича такой эксперимент, вспомнил я из прочитанного. Назывался — система.

«*И нападающие менялись местами,* — продолжил Боумэн. — *Многие его концепции, как мне кажется, брались из европейского футбола. И хоккея с мячом — он ведь играл в него, верно? Это сказалось и на его тренерских взглядах. Никто не стоял на своих местах. Все перемещались и открывались. Даже когда существовала красная линия, против русских всегда было сложно играть, словно ты все время целился в движущиеся мишени*».

Впервые они встретились в 1975 году. Тарасов уже не тренировал ЦСКА, но вместе с командой приехал на матч

клубной суперсерии против «Монреаля», который возглавлял Боумэн. Ту ничью 3:3 в последний день года (а в Москве была как раз новогодняя ночь) многие называют лучшим хоккейным матчем в истории. Третьяк в воротах советской команды творил нечто невообразимое — соотношение бросков было 12 на 48 в пользу «Канадиенс». Спустя полгода «Монреаль» завоюет первый из четырех подряд Кубков Стэнли, ЦСКА же тогда лишь изредка отдавал золото чемпионатов СССР кому-либо другому. Это был матч двух лучших команд мира. А предшествовал ему большой разговор Боумэна с Тарасовым.

«*Тарасов старался помочь Локтеву, который возглавил команду Красной армии,* — вспоминает Боумэн. — *Помню, Третьяк тогда был совсем молодой. Однажды ко мне подошел корреспондент советского информационного агентства* (судя по всему, речь о журналисте ТАСС Владимире Дворцове. — Прим. И.Р.)*, который всегда ездил со сборной СССР. Доброжелательный человек. Понятно, что он не мог там просто так оказаться, но мне нравился. Он спросил: «Вы хотели бы встретиться с Тарасовым?» — «Да».*

В один из дней Тарасов, этот большой человек, приехал в монреальский «Форум» сначала посмотреть нашу тренировку. И потом сказал: «Она была хороша. У вас было семь упражнений, и четыре из них мне понравились» (смеется). *Тарасов был потрясающим практиком. В своих занятиях он использовал весь лед. У него не было чисто бросковых упражнений, когда большая часть команды стоит. У него никто никогда не стоял, а занятия не были длинными — минут 50.*

Мы разговаривали через переводчика полтора часа. У нас была хорошая команда, и он сказал: «Хочу вручить вам подарок. Сейчас найду нашего массажиста, он у него». Я думал, подарит авторучку, а он — перчатки! С надписью, что они сделаны в СССР. Красно-синие. Я никому их не давал. Очень люблю, и много лет проводил в них тренировки, потому что они удобные, маленькие. И, не снимая, можно было держать свисток.

Русские тогда совсем не бросали шайбу. Вообще, в 70-е годы советские хоккеисты не делали щелчков. Они двигали шайбу до тех пор, пока не заводили ее в пустые ворота. И это, повторяю, было похоже на соккер. Там, если ты наносишь бессмысленный, неподготовленный удар, мяч оказывается у другой команды — и, думаю, эта философия перенеслась у русских на хоккей.

У них не было щелчков, зато было много бросков в одно касание. Они стали первой командой, которая делала это. Диагональ или передача вдоль ворот, моментальный бросок — то, что сейчас делают те же Кучеров и Стэмкос, — этого в НХЛ

вообще не было!

Возвращаясь к тому разговору с Тарасовым и тренировке в его присутствии, вспоминаю вот что. Наша защита — Савар, Робинсон, Лапойнт — ему понравилась. У нас впереди играл Ги Лефлер — великолепный хоккеист, но, как и большинство прекрасных атакующих мастеров, он хотел только обыгрывать соперников и забивать голы. Без шайбы он не был таким игроком, как с нею.

Так вот, Тарасов дал мне не то чтобы совет, а внес маленькую поправочку. «Скажи Лефлеру, чтобы, когда защитник готовится встречать его вот в этой зоне, он вдруг резко менял направление движения и выкатывался в среднюю зону! Это заставит левого защитника соперников нервничать, смещаться за Лефлером и терять позицию. И в это время в освободившееся пространство будет врываться другой игрок!» Умный человек! Вот так русские и играли.

Можете спросить у любого защитника, игравшего в Суперсерии-72 за сборную Канады, почему игроки обороны «Кленовых листьев» тогда за всю серию не забили ни гола. А это были большие мастера — Брэд Парк, Фрэнк Стэплтон. В НХЛ они забивали много. Но русские дезориентировали их, делали именно то, что спустя три года Тарасов посоветовал мне предложить Лефлеру.

Я постарался это немного натренировать. Но изменить привычную систему было сложно, потому что мы и так были лучшей командой в НХЛ, а когда все ладится, сложно внушить игрокам, что нужно что-то менять. Тем не менее Тарасов опережал время!»

Рассказы о не просто необычном, а невероятном по разнообразию и небанальности тренировочном процессе — обязательная программа для каждого, кто сталкивался в работе с Тарасовым. Например, Александр Якушев:

«*Его тренировки и отдельные упражнения не были похожи ни на кого другого. Например, «Бей канадца». Ты должен был с разбега — причем не просто не сбавляя темп, а с ускорением — плечом врезаться в борт. Анатолий Владимирович внимательно следил, чтобы никто не притормаживал. Так формировалось бесстрашие в единоборствах. С такой экзотикой ни у кого больше не сталкивался*».

При отправке на фронт залез на столб, чтобы любимая его увидела

Правильно осведомлен Боумэн — до войны Тарасов играл в русский хоккей, или, как его теперь называют, бенди. Совмещал с футболом. После фронта перешел на тренерскую работу.

Тему «Тарасов и война» обойти нельзя. В нашем разговоре это сделала Татьяна Анатольевна.

«У папы не только в тренерские годы — гораздо раньше выдумка в нужные моменты работала как надо. Когда он уходил на фронт — черкнул маме пару слов. Все происходило очень быстро, из института их везли на вокзал. Мама приходит домой, и тут прибегает какой-то парень с запиской: «Нина, принеси мне на Курский вокзал шерстяные носки и еще что-то теплое». Транспорт тогда, в начале войны, в Москве почти не ходил, и мама пешком пошла.

Успела, конечно. Тем более что мама — лыжница, по 20 километров бегала как нечего делать. В маме мы всегда были уверены. Сто дел одновременно поручали — и она все успевала. А тогда приходит на вокзал, но там вся площадь — плечо к плечу, кого разглядишь?

Но она знала, что папа что-нибудь придумает. Глаза подняла — и видит, что папа… сидит на столбе. Забрался туда и как-то зацепился ногами. Чтобы мама его углядела! Она туда пробралась, передала посылку — и, рассказывала, они даже не успели поцеловаться, как парней сразу отправили в вагон. Он только и успел сказать: «Нинуха!»

Про войну папа никогда не рассказывал. Мама учила лыжников, которые очень сильно помогли в обороне Москвы. Отца отпускали в увольнительную несколько раз. А у нас же как раз в 41-м родилась моя сестра Галя. Ее надо было кормить — но чем? Бабушка вспоминала, что папа, когда приезжал, стрелял в грачей на кладбище. Она их чистила на белом снегу, а вокруг все черное — вши разбегаются. Потом обдавала их кипятком. И они становились синие-синие. Потом варила, проворачивала и делала из них котлеты.

Вот так кормили Галю. Ну не было больше ничего! Еще у бабушки были фирменные котлеты из шкурок картошки. Все люди тогда так жили. Гале потом не разрешили спортом заниматься, потому что у нее был врожденный порок сердца. Сестра была ребенком войны. Я-то вообще сидеть на месте не могла, а она — другая. Не такая живая.

Упоминал папа о том, что с детства пошел работать. Чего и Гале желал — и очень радовался, что она, занимаясь в педагогическом институте, продолжала трудиться в школе. Ему нравилось, что ей непросто, что совсем нет свободного времени. А мама вообще работала с 13 лет. Сам папа пошел на часовой завод в 14. И очень там преуспел. Руками умел делать вообще все. Это тот случай, когда талантливый человек талантлив во всем. Вот он брал старый кожаный мяч, на котором уже и кожи давно не видно, все разорвано в клочья. И из этого мяча делал маме босоножки. Носить-то было нечего. Мне — уже не делал. Я же была поздняя, жили немножко по-другому. Мне не шил ботинки, а привозил. Из-за границы.

Уже при мне папа гордился тем, что он — военный человек, полковник. Иногда носил, как он выражался, военное платье. Форма всегда висела в шкафу. Рядом со счастливым тренерским пальто…

Помню, как он эту форму чистил. До блеска начищалась каждая пуговица. А как иначе, если надо к генералам идти и что-то просить для команды! Неряшливо выглядеть нельзя. Тем более что просить-то — не для себя. Для себя он никогда ничего не просил. И военное платье папе очень шло. Он был в нем настоящий красавец. Из-под козырька — волосы волнистые. Прелесть!

Не помню, чтобы бабушка или мама рассказывали, как он вернулся с фронта. Знаете, еще почему, может быть, не помню? Потому что меня так рано отдали в спорт, что слушать было некогда. Вот этого — очень жаль. К тому же у меня с детства были сильные головные боли после того, как мы с папой разбились на машине и дверная ручка проломила мне голову. С тех пор я часто сидела на батарее, ноги опущены в кипяток, голова — завязана, и две таблетки пирамидона были уже во мне. Слушать что-либо с такой мигренью было тяжело.

А машину папа отремонтировал — и через день поехал. Как ни в чем не бывало. Ведь он — Тарасов».

Анатолий Владимирович начинал тренировать с футбола, с клуба ВВС (Военно-воздушные силы. — *Прим. И.Р.*), куда его рекомендовал великий тренер Борис Аркадьев. У него играл будущий олимпийский чемпион 1956 года Алексей Парамонов, который 60 лет спустя рассказывал мне:

«*Тарасов был очень справедливый, прямой, не любил фальши и лодырей. А любил дисциплину и не делал поблажек ни для кого. Мы дружили с его братом Юрой, и тот как-то раз на две минуты опоздал на установку. Так Тарасов его не пустил: «Товарищ Тарасов, закройте дверь с другой стороны. Поезд уже ушел». Он жил по принципу: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».*

Даже перед Василием Сталиным (командующим ВВС Московского военного округа, фактическим хозяином команды. — Прим. И.Р.) *отстаивал свои позиции, не шел у него на поводу, за что и был уволен.*

Я при этом тоже пострадал. Новый тренер Капелькин привел восемь футболистов, всего их в ВВС стало 36, и кого-то надо было отчислять. Так он сказал Сталину, что я… родственник Тарасова. У нас носы были похожи. И Василий Иосифович отрезал: «Родственники Тарасова мне не нужны».

Татьяна Анатольевна вспоминает:

«*Юрка — это была папина любовь. Он же младшего брата воспитывал, поскольку отца у них не стало очень рано, бабушка поднимала их одна. Она рассказывала, что братья были совсем разные. Папа — очень дисциплинированный, точный, Юра — гораздо мягче. Поэтому рассказ Алексея Парамонова, что младший брат мог опоздать на установку, а старший не впустил его, вполне достоверен.*

У Юры была красавица-жена Люся. Бабушка говорила, что она вертихвостка, но этого я не знаю. По фотографиям могу судить, что Люся была действительно красивой женщиной. Видела ее сидевшей у Юры на руках, причем как это запомнила, не знаю, — совсем маленькая ведь была.

В 1950 году папа был играющим тренером ВВС, Юра там же — игроком. Команда полетела на Урал. Отец же вылетел на пять часов раньше, чтобы обеспечить приезд команды без накладок и встретить ее на месте. Папу это спасло. А Юра с хоккеистами погибли в авиакатастрофе под Свердловском. Увидев тело брата, папа рухнул без чувств…

Там сейчас братская могила, и, когда оказываюсь в Екатеринбурге, всегда туда хожу. И благодарна руководству области, города и хоккейному клубу, что они очень внимательно относятся к этой могиле.

Бабушка туда ездила, и с этого места привезла в Москву чемодан земли. Здесь (разговор проходил на даче Тарасовой в поселке Бузаево. — Прим. И.Р.), *рядом с 75-м домом, было старенькое кладбище. Там уже не хоронили. Но бабушка как-то договорилась, чтобы ей выделили небольшой участок. Она сделала могилку и высыпала туда эту землю. Мы туда с ней всегда ходили. Бабушка плакала и рассказывала, каким был Юра*».

«Он же не в большом театре пел, а в хоккейной раздевалке»

В ВВС он начнет отрабатывать то, что потом с блеском реализует в ЦСКА — совершенно фантастические по выдумке и наполнению тренировки. Весьма жестокие и беспощадные по отношению к собственным игрокам, но приводившие в итоге к большим победам.

Тарасов был нестандартен до того, что мог в перерыве неудачного матча запеть что-нибудь, на его взгляд, мобилизующее команду. И это работало. А Третьяк даже Эда Белфора в «Чикаго» будет тренировать по тарасовским методам — после неудачных матчей заставлять возить через весь лед и обратно ворота с… самим Третьяком, сидящим на них сверху. Весь «Блэкхокс» сбегался на это смотреть!

«*Я тренировал Белфора, как когда-то — меня самого,* — вспоминает Третьяк. — *И он молодец, никогда не ныл: «Зачем мне это надо?» Делал все беспрекословно. Впитывал как губка. Его и звали — второй Третьяк, и 20-й номер он себе взял. А когда выиграл в «Далласе» Кубок Стэнли, прислал мне перстень. С одной стороны — орел (а у Эда как раз и было прозвище — Орел, Eagle), с другой — выложенный бриллиантами 20-й номер, фамилия Третьяк и аббревиатура «СССР».*

Еще у Тарасова мы всегда разминались перед игрой с теннисными мячиками. Белфору это тоже нравилось, но он немножко стеснялся партнеров. Положит мячик в рукав, чтобы никто не видел — и идет в туалет, где и разминается с ним. В какой-то момент мячик уже стал частью ритуала. Это я ему ритуал передал».

Тему песен в перерывах матчей решаю обсудить с Татьяной Анатольевной Тарасовой. И оказывается, что ничего случайного в жизни не бывает.

«*Известно, что папа в перерывах важных матчей, когда команда проигрывала, вдруг мог запеть. «Интернационал», гимн Советского Союза, «Черный ворон»… Мы вообще всегда дома в застольях пели. Этим заканчивался любой вечер. У мамы был хороший голос, и мы с Галькой любили что-нибудь затянуть, и мамины сестры. Я даже в хоре пела. Вообще, это была традиция в стране. Когда тебя переполняло, когда было хорошее настроение, то очень хотелось петь. И песни военных лет, и многое другое. Нынешние песни не знаю как можно петь, а вот те — хотелось.*

Папа же говорил: «Мне медведь на ухо наступил». У него слуха

не было. Но он же не в Большом театре пел, а в хоккейной раздевалке. Говорят, что, когда нельзя что-то выразить словами, можно станцевать. Он — запевал. Тоже прием. Неожиданный. Западающий в душу. Такое приходит мгновенно — и невозможно придумать заранее. Это я уже как тренер вам говорю.

Как-то Игорь Моисеев сказал, что, когда нет слов, тогда вступает танец. А у папы вступала песня. Потому что она всегда несет ассоциации, и каждый понимает ее по-своему. Она перекрывает волнение, неуверенность в себе. Это гениальный прием. Но сама я им не пользовалась. Все по той же причине — надо придумывать что-то свое».

По поводу «Интернационала» или «Черного ворона» спрашиваю Михайлова: реально пронимало или смеялись? Борис Петрович реагирует:

«*Попробуй там посмейся. Что вы! Просто хихикали про себя, так, чтобы никто не видел. Знали, что это все наигранно*».

Рассказываю об этом диалоге сестре Харламова Татьяне Борисовне. Интересуюсь: брат так же относился?

«*А как же! От него это и шло. Ой…*» — осекается Харламова, подумав вдруг, что посягает на легенду. Я успокаиваю: мол, ничего страшного, Михайлов сам об этом открыто сказал.

Якушев, игравший в другом клубе и оттого знавший Тарасова не так хорошо, воспринимал это несколько иначе. Вот его рассказ:

«*Было это на чемпионате мира в Стокгольме. Проигрывали шведам, настроение соответствующее. В перерыве, придя в раздевалку, ожидали от Тарасова разноса. Чернышев при любых обстоятельствах бывал более сдержан и интеллигентен, а Анатолий Владимирович мог высказаться на самых высоких тонах. Сидим понурые, головы опустили.*

Чернышев сказал нормальные слова в своем стиле. Потом предоставил слово Тарасову. Последовала мхатовская пауза, мы сжались в комок. И вдруг он как запоет: «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой! Ты добычи не дождешься, я солдат еще живой!» Сначала все ничего не поняли, потом оживились, подняли глаза, начали переглядываться. А Тарасов спел пару куплетов и говорит: «Пошли, мальчишки!» И больше ничего.

За всю историю, думаю, у него такая установка была впервые в жизни. И, может, это совпадение, а может, психологический прием подействовал — после того «Черного ворона» мы смогли ту игру переломить и выиграть. А она была очень важная».

Два года спустя ходовой стала легенда, что Тарасов не взял Якушева на ЧМ-71, хорошенько (на целый сезон!) запомнив его подначку в аэропорту в начале предсезонной подготовки: мол,

делайте с ЦСКА в Кудепсте что хотите, а «Спартак» вас все равно обыграет.

«*Мне показалось, взаимосвязь между двумя этими историями была,* — предполагает Якушев. — *Может, это и не так — но тогда я был в этом уверен. Не любил Тарасов таких подначек. Со временем и я, и все мы поняли, что шутки с ним не проходят. Но, вернув меня в сборную, даже не вспоминал об этом*».

Тарасов — Третьяку: «Полуфабрикат, выживешь — будешь великим!»

Беседуем с Владиславом Третьяком, еще одним членом Зала славы. Он говорит:

«*Считаю Тарасова своим хоккейным отцом. В 17 лет поставить какого-то пацана в ворота ЦСКА — представляете, что это такое? Никто другой бы на такое не решился. А он, стратег, сделал это.*

Самая памятная для меня фраза Тарасова: «Выживешь — будешь великим». Четко помню, как она произносилась. Всю ночь не спал, поскольку мне еще с вечера сказали, что завтра Тарасов на беседу вызывает. Подошел и услышал: «Ну что, полуфабрикат, будем работать. Если выживешь — будешь великим. Не выживешь — извини. Завтра — в шахту». — «Да я еще в школе учусь!» — «Переведешься. Завтра в десять утра — на тренировку». Выжил…»

…Шагаю к многолетнему капитану ЦСКА Борису Михайлову в старый армейский дворец спорта на Ленинградском проспекте делать интервью перед его 70-летием. *«Слева на фасаде — портрет Локтева, но вы идите направо, в сторону портрета Тарасова»,* — объяснял мне накануне по телефону Михайлов. И я осознавал, что это для меня Локтев и Тарасов — это портреты, пусть и прочитал я о них тонну литературы. А для него — тренеры и живые, да-да, все еще живые люди. Он убедит меня в этом своими рассказами и словесными портретами.

Спрашиваю Михайлова, был ли его переход из московского «Локомотива» в ЦСКА армейской обязаловкой — или он пошел на это добровольно. Оказывается — второе. После матча железнодорожников с ЦСКА к нему подошел Евгений Мишаков — мощный форвард армейцев, с которым они вместе росли во дворе. Подвел Михайлова ко второму тренеру Борису Кулагину. Тот сказал: «Завтра в десять часов тебя будет ждать Тарасов. Он хочет с тобой поговорить».

«Встретиться договорились около автозаправки на Ленинградском проспекте, — вспоминает Борис Петрович. — *Сейчас там заправка «Газпромнефти», только старая была глубже, потому что тогда трамваи ходили. Остановилась 21-я «Волга». Мне сказали: «Садись». Сел. Тарасов пригласил меня в ЦСКА, рассказал обо всех условиях. Добавил: «Что мне в тебе понравилось — у тебя очень хороший характер. Ты борешься от начала до конца. А все остальное мы доработаем».*

После этого спросил: «Ты согласен?» А он мне наполовину

обрезал зарплату по сравнению с той, которую я получал в «Локомотиве»! Но я согласился. Перед этим с женой посоветовался, примерно понимая, что от Тарасова услышу. Она сказала: «Раз у тебя мечта такая — идем к мечте». После этого весь процесс и пошел. Когда я попал в «Локомотив» — для меня это уже счастье было. Мечта сбылась — играть в команде мастеров! Ну а уж когда Тарасов в ЦСКА позвал — этого даже представить было невозможно.

Но вскоре я захотел уйти из ЦСКА. Поехали в Кудепсту на сборы. Вот расписание тренировок. С 7 до 8 утра. С 11 до 12.30. С 5 до 6.30 вечера. А у кого плохо шло — еще и с 9. Жарища! И все это — не только для молодых, но и для всех ветеранов. Брежнева, Кузькина, Рагулина. Все бегали!

В какой-то момент пришел к Кулагину и говорю: «Борис Палыч, все. Отсылайте меня в любую команду. Хоть в Хабаровск поеду. Только не здесь. Я умираю!» Он мне четко сказал: «Выживешь — будешь играть. Не выживешь — мы тебя и так отправим, твоя просьба будет не нужна». Пришлось выживать.

Почему? Потому что меня призвали в армию. А в армии лучше быть в Москве, чем в каком-нибудь сибирском или дальневосточном гарнизоне. Но минута слабости — случилась».

Тарасов о ней не узнал. Михайлов в этом, по крайней мере, уверен. Как и в том, что Кулагин умел держать язык за зубами и понимал, что такое озвучивать нельзя.

Но Тарасов ничего не делал просто так, и у него уже был план. Вот как его формулирует Михайлов:

«*В ЦСКА я перешел из «Локомотива», когда завершил карьеру Константин Локтев, и нас с Володей Петровым, как уже потом выяснилось, Анатолий Тарасов приглашал как раз на места Локтева и Александра Альметова. И мне сразу дали локтевскую «семерку».*

Но я пришел в ЦСКА — а там были Александров, Альметов, Викулов, Полупанов, Фирсов… Тарасов говорит: «Надо их обыграть!» Но как?! Вот так — каждый день не уступать таким мастерам на тренировке. По-другому расти нельзя. У нас с Петровым, между прочим, тоже конкуренция была будь здоров с ребятами из молодежной команды. Очень перспективными — Ереминым, Смолиным, Беляковым…

О сборной сначала не думал. А задумываться стал, когда Тарасов каждый день говорил о ней. Причем формулировал так: «Вы должны так играть за ЦСКА, чтобы, когда вас пригласят в сборную, ни у кого не возникло никаких вопросов!» Заметьте: не «приглашу», а «пригласят». Дальше всегда звучало: «Если ты хочешь вырасти в хорошего мастера и закалить свой характер,

надо быть всегда заряженным только на победу!» И так — каждый день».

Михайлов четко описал алгоритм постоянного роста мастеров в тарасовской системе. Системе жесточайшей конкуренции, в которой не было места сантиментам. Выживал сильнейший.

Коноваленко пожаловался, что у него почти инфаркт. Тарасов: «нет, будешь играть!»

Тарасов был человеком во многом безжалостным — и его бывшие игроки это хорошо помнят. Михайлов, например, рассказывает о том, как на Олимпиаде в Саппоро, последнем тарасовском турнире в сборной, вышел на игру с порванными связками колена! Когда спрашиваю Бориса Петровича, как такое в принципе возможно, он в своем стиле усмехается:

«*Как-как? Тарасов сказал — врачи двое суток колдовали. В день игры говорит: «Иди завтракай с командой». — «Как завтракай? У меня нога висит». Клюшку принес: «Иди». Я иду, плачу. Мимо проходит Ирина Роднина — увидела, плечо подставила. Так и пришел в столовую.*

Чернышев меня видит: «Ты чего пришел?» — «Анатолий Владимирович сказал: иди завтракать». — «Как объяснил?» — «Это для устрашения противника!» Одну игру пропустил, с Польшей уже играл на одной ноге. Даже гол забил!

В первом перерыве подхожу к Аркадию Ивановичу: «Не могу больше». Чернышев объявляет: «Борис, раздевайся. Играть больше не будешь». Тарасов подходит: «Что, жаловаться на меня пришел?!» Молчу. Но на лед действительно больше не вышел. А в финале с Чехословакией опять забил. Как? Ой, лучше не вспоминать. Врач с массажистом не спят — и я не сплю с ними. Ногу ни туда, ни сюда не могу двинуть. Потом ногу перевязали жгутами — и все, пошел вперед».

Не слабее была ситуация у легендарного голкипера горьковского «Торпедо» и сборной СССР Виктора Коноваленко. На чемпионате мира 1970 года предшественник Третьяка в матче со шведами получил многооскольчатый перелом переносицы, но сбежал из больницы и на следующий день вышел на матч с финнами!

В 2013 году мы разговаривали со вдовой Коноваленко Валентиной Дмитриевной, и она рассказывала:

«*Да, я по телевизору в прямом эфире видела, как он эту травму получил. Но, зная его, совершенно не удивилась, что на следующий день играть вышел. То поколение умело себя заставлять и терпеть. И тренеры у них такие были. В какой-то момент сердце у него побаливало, но на это не обращали внимания. Как-то во время игры он пожаловался, что у него инфаркт почти, но Тарасов сказал: «Нет, будешь играть!»*

Наверное, тогда надо было таким быть… Но и я, да и Витя тоже больше уважали Чернышева. Лично я к Тарасову плохо относилась, потому что ему не хватало человечности. Он знал, что Коноваленко — единственный в сборной не из Москвы. И ему было безразлично, что у того семья в Горьком. И если москвичей из сборной на выходные отпускали домой, то Вите домой съездить нельзя было. В итоге он мотался в Москве где попало.

Он и ушел из хоккея из-за того, что Чернышев с Тарасовым не взяли его на Олимпиаду в Саппоро. Однозначно. Разочарование было безумное. Уж вторым-то его точно могли туда взять. С другой стороны, я вот думаю, что если бы с канадскими профессионалами играли в 60-е годы, то с Тарасовым и Чернышевым и с такой командой, какая у нас тогда была, мы бы их обыгрывали. И эти тренеры, и та наша власть просто не дали бы им проиграть. Сдохли бы — но победили».

Александр Якушев, теперь — член Зала хоккейной славы в Торонто, попал в сборную именно при Тарасове, хоть и защищал честь не ЦСКА, а «Спартака». Человек он по природе своей дипломатичный, но в его формулировке о тренере чувствуется смесь уважения и прохлады.

«*Всеволод Бобров и Аркадий Чернышев были похожи и по взглядам, и по стилю ведения тренировок, и по демократичному отношению к игрокам. Деспотичный Тарасов — их противоположность. Все они как тренеры — великие. Но разные. К Тарасову со стороны игроков было такое отношение… строгое. Как и у него к ним. Хотя это один из лучших тренеров не только СССР, но и мира всех времен*».

Интересуюсь у Третьяка, бывали ли моменты, когда он ненавидел Тарасова.

«*Нет. Правда, я сразу хорошо заиграл, но он мне все время замечания делал. После игры подзывает: «Молодой человек, в чем ваша ошибка?» — «Не знаю». — «Идите думайте». Все время приставал ко мне! Говорю: «Анатолий Владимирович, Озеров меня хвалит, газеты тоже. За что вы меня все время?» — «Молодой человек, если я делаю замечания, значит, вы — еще живой».*

Или вызывает: «Вот ты сегодня под правую пропустил. Завтра пойдешь и тысячу раз сделаешь это упражнение, чтобы шайбу отбивать правой ногой». — «У нас же завтра выходной!» — «А у тебя — тренировка!» И пришел на тренировку детской команды ЦСКА, встал в угол площадки. Никто меня не контролировал. И действительно тысячу раз сделал этот элемент».

А вот Михайлов на вопрос о моментах ненависти после паузы отвечает положительно.

«*Назову два случая. Один — в Японии. Он меня обидел, а я в*

отместку тоже сказал ему обидные слова. На следующий день я думал, что мне кабздец, но мы поздоровались друг с другом и к этому вопросу больше не возвращались. Но я-то ладно, главное — он. Как будто этого не было.

Удивился ли? Да. Потом узнал, что Борис Павлович ему все высказал. Извинений с его стороны, конечно, не было. Но мне было достаточно того, что ничего в наших отношениях не изменилось. А второй раз было покруче. Вот там мне уже пришлось извиняться, потому что я был не прав. От деталей уклонюсь».

Наслушавшись таких историй, всегда интересно узнать у домочадцев, каков суровый человек в быту. Татьяна Анатольевна рассказывает:

«Когда у него были какие-то рационализаторские предложения, он шел к Гальке, ко мне. Вливался в нашу жизнь. На дни рождения приходил — со своими соленьями, вареньями, буженины. Все его обожали. А он обожал моего мужа Вову Крайнева, его компанию. Все садились вокруг него — и Вовины друзья, и мои, и спортсмены.

Никакого давления он на нас не оказывал. Только если на дачу приедешь, он сразу — лопату в руки. «Копай!» Ничего для нас не жалел. В магазины, правда, не ходил. Не вполне отчетливо знал, что они есть. Мог купить на одну ногу два сапога. Хоккеистам давал свои суточные, говорил, когда их отпускал: «Таньке — красное, Гальке — голубое, Нинке — белое». Потом привозил, даже не заглядывая: «Вот это вам». Детали его не интересовали. У всех платки были одинаковые, мохеровые. Как будто одну форму на всех делали! (Смеется.)

Мы всегда в ЧШ были одеты — чисто шерстяное. Хоть зимой, хоть летом. Жили без излишеств. Но у нас все было. Я ему все время старалась что-то привезти. Он говорил: «Дочка, ну зачем ты деньги тратишь? Хотя… очень удобно». У него был пиджак, пальто счастливое — короткое такое. Он его на все матчи надевал, как я — шубу. И рубашки белые. А обычно-то — в тренировочном.

Один раз привез четыре чемодана. Мы с Галей — вообще в отпаде. Думаем — вот сейчас нарядимся с ног до головы! Тем более что у нас были серьезные планы на выходные. Открываем. А там — белые грибы. Набрал в Финляндии. Четыре чемодана. Грибы надо варить. Двое суток, не разгибаясь. Чистили, варили, мариновали, солили, закручивали…

Мы могли молчать и знать, о чем каждый думает. В этом смысле у нас была очень счастливая семья. Когда у него уже была больная нога и мы, мама и две дочери, были с ним на даче вчетвером, он говорил: «Какое счастье, что у меня родились девчонки, и жизнь так сложилась, что никто никуда не

разбежался. Я, — говорил, — обожаю слушать ваше щебетание». Мы готовили винегрет, и нам было так хорошо! И когда вырос Леша (внук Тарасова. — *Прим. И.Р.*)*, он любил с ним разговаривать.*

У меня был спектакль «Спящая красавица», я его поставила в Великобритании, и мы катали его там в театрах. Для этого спектакля сделали потрясающие огромные кресла, но так вышло, что они оказались слишком тяжелыми и громоздкими для спектакля. Забрала такое кресло к себе на дачу — оно до сих пор там стоит. Папе было очень удобно на нем сидеть. Все в деревне шли, видели его и говорили: «Если Тарас в кресле сидит — значит, в нашей стране все нормально».

Читать папа любил. Любимый писатель — Чехов. А в последние годы Галя подкладывала ему разоблачительную литературу про советский период. Он метался, кричал: «Антисоветчица!» Встать не мог, костылем нас ударить. А Галька подкладывала».

Тихонов не хотел очаровывать прессу. Тарасову это удавалось с блеском

Если от большинства игроков, выступавших у Виктора Тихонова, я не чувствую уважения к этому, бесспорно, великому тренеру, то к Тарасову оно — есть. Потому что, судя по их словам, даже в самых жестких его поступках и словах в подавляющем большинстве случаев была справедливость. А давно и точно замечено, что главное для спортсменов в тренере — не добрый он или злой, не диктатор он или демократ, а справедлив он или нет. Оцените, например, такой пассаж Михайлова:

«*Володька подкашливал. Тарасов сделал ему замечание, а Петров приблизительно так ответил: «Вылечите сначала коммуниста Тарасова, а потом уже меня». Вовка ершистый был, на все свое мнение! Точно знаю — Тарасову советовали выгнать Петрова. Тот отвечал: «Как же я его выгоню, если он играет? Перестанет играть — выгоню!*»

Выгонит Петрова уже Тихонов…

Бывало и великодушие. Если Тихонов, как только чувствовал, что ветеран сдает, менял его на уже готового (тут нельзя не отдать должное его прозорливости и системе подготовки) молодого, то Тарасову были свойственны и сочувствие, и желание продлить век ветеранов.

Опять же рассказ Михайлова:

«*Харламова от нас с Петровым забрали только через два года в интересах команды — потому что Витя Полупанов закончил. И Анатолий Владимирович говорит: «Валерку я от вас забираю, потому что надо помочь Рагулину и Фирсову, продлить их спортивную жизнь*».

Это, на мой взгляд, важнейшая фраза для понимания нутра Тарасова. При всей его безжалостности.

Потому-то, когда прошу Михайлова сравнить Тарасова и Тихонова, с каждым из которых ему довелось работать, он отвечает лаконично, но с четкой расстановкой акцентов: *«Есть великий тренер Тарасов, а есть выдающийся тренер Тихонов»*.

И, может, поэтому же замечательный футболист и тренер Владимир Федотов, сын и зять выдающихся мастеров — Григория Федотова и Константина Бескова, игравший за ЦСКА в 1975 году под началом… Тарасова (да-да, был у Анатолия Владимировича уже после ухода из хоккейного клуба и такой сезон), однажды так ответил на мой вопрос во время неудачной серии своего «Спартака», не стоило ли посадить игроков на несколько дней на

сборы:

«*Невозможно жить прежней жизнью. Игроки взвыли бы, озлобились, а работать лучше не начали! Уверяю: и Тарасов, и Бесков сегодня работали бы в иной манере, чем когда-то, у них было великолепное чутье. Нет, мы не будем возвращаться к сталинскому режиму. Футбол — часть нашей жизни. Изменились и он, и она*».

Но во многих вещах Тарасов опередил время. И касается это не только сугубо хоккейной, но и медийной составляющей. В этом тоже его сравнение с Тихоновым оказывается не в пользу последнего.

Если Тарасов блистательно умел общаться с прессой (причем как с советской, так и зарубежной), изрядно подсобив созданию легенды о себе как отце советского хоккея, то Виктор Васильевич был человеком совсем иных предпочтений. Очень интересно об этом рассказывает Алексей Касатонов:

«*Тихонов с прессой всегда был настороже, из-за этого журналисты в большинстве своем его не любили. Связано это было с тем, что с момента прихода в ЦСКА и сборную Виктор Васильевич стал отрезать их от команды. Когда-то, рассказывали, Анатолий Тарасов мог пригласить репортеров на обед с игроками. В условиях, когда всем советским людям в загранпоездки выдавали ничтожные суточные и большинству журналистов приходилось питаться в номерах привезенными из Союза консервами, они это очень ценили. Сейчас многие молодые этого вообще не поймут, но тогда было так. Обед, ужин с командой становились для журналистов существенной статьей экономии, а заодно — и новые впечатления, и более тесные контакты с хоккеистами.*

С другой стороны, во время еды идут разговоры, игроки расслаблены и могут что-то лишнее сболтнуть, поэтому Тихонов, не будучи сторонником такой практики, начал с отлучения прессы от команды. Включая даже Николая Озерова».

Легенду о себе такими поступками создать было сложно. И хотя Тихонов по всем объективным показателям (взять хотя бы единственную в истории нашей страны победу в турнире с участием всех сильнейших — Кубке Канады-81, да еще с разгромом 8:1 в финале хозяев во главе со Скотти Боумэном, да еще и три олимпийских золота) — тренер феноменальный, о нем куда больше говорят как о жесточайшем диктаторе, начисто лишенном сострадания и других человеческих чувств.

Уверен, что во многом это несправедливо. Но Тарасов хотел очаровывать журналистов, и ему это с блеском удавалось. У Тихонова такого желания не было и в помине. И пресса платила ему той монетой, какой, по крайней мере, могла.

Хотя, объективности ради, Третьяк, когда я попросил его сравнить Тарасова с Тихоновым, сказал:

«*Они были в чем-то одинаковые. В равной степени жесткие и требовательные. И максималисты. Поэтому с обоими было сложно работать. Серебряные медали и с Тарасовым, и с Тихоновым не считались успехом. И при их дисциплине ты все время ходил по грани.*

Все! Просто мне было легче — я был дисциплинированный. Все было очень строго. Опоздание было страшным грехом. Но когда у тебя отец — военный летчик, тебя к этому приучают, и дисциплина тебе дается легко. Не каждый любит подчинение, а я к нему привык с ранних лет. И у меня не было конфликтов с тренерами.

Тихонов разрешил мне, единственному в команде, жить на выездах в одноместном номере. Он знал, что я очень дисциплинированный, и днем перед игрой мне надо обязательно поспать два часа. И вечером лечь пораньше. А когда есть сосед — заснуть не могу, и это мешает подготовке.

У Тарасова об этом и речи не было. Но тогда я был молодой и даже не заикался. Хотя Коноваленко курил, Якушев — книги до двух ночи читал. Не просил о возможности жить одному ни у Кулагина, ни у Локтева. А уже у Тихонова, как самый опытный игрок команды, попросил. И он пошел мне навстречу. С 1978-го по 1984-й всегда жил один».

Тем не менее в 84-м, когда ветеран Третьяк попросит у Тихонова о возможности готовиться к матчам дома, а не на базе, и тренер ему откажет, лучший голкипер в истории страны очень рано, в 32 года, завершит карьеру. И равноценной долгосрочной замены Третьяку не найдется. Интересно, как бы в такой ситуации повел себя Тарасов. Но об этом уже никогда не узнаешь.

А Татьяна Анатольевна при упоминании Тихонова высказывается так:

«*Папа рекомендовал его, помню точно. Удельный вес у того был несравним с папиным. Но все равно отец говорил, что он лучше, чем все остальные*».

«Мама служила ему даже тогда, когда он умер»

За каждым великим мужчиной, как известно, стоит великая женщина. Что и подтверждает Татьяна Анатольевна характеристикой своей мамы.

«*Мама была не слабее папы. Прекрасно общалась с людьми, ее все обожали. Заведовала женсоветом, вела большую работу с женами хоккеистов, которые ее очень любили. Она многие семьи спасла. А скольких людей вылечила от разных кошмарных заболеваний! Не жалела себя. Как и отец, и сестра Галя. У нас вся семья склонна к самопожертвованию.*

Папа, красавец отменный, выбирал себе в жены, думаю, из многих. И выбрал маму, и мама служила ему даже тогда, когда он умер. Сидела, перебирала и подписывала каждую фотографию. Помню, ей было 90 лет. Вхожу в ее комнату — и вижу разложенные чемоданы со снимками. И каждый из них, начиная с 38-го года, она подписывает. Кто стоит, где играют, во что, в каком городе. Она все помнила и каждый день выполняла эту работу. Захожу, спрашиваю: «Мам, работаешь?» — «Работаю».

И имя папино она в обиду не давала. Как-то раз дядя Саша Гомельский что-то такое написал, что маме не понравилось. Она ему позвонила: «Сашка, ты вот тут неправильно написал». — «Ну ладно, Нинка, я же не переврал, а, может, что-то позабыл». — «Нет, Саш, звони в эту газету, вставь ремарку. Так не пойдет. Иначе я к тебе приду». Гомельский позвонил, исправился.

На папиных матчах я была всегда. Галя по вечерам училась, а я приходила на каждую игру. И мама тоже. Но он вообще этого не замечал. Это не имело для него буквально никакого значения. Не делал вид, что не замечал, а действительно не замечал. Просто про это не думал».

Тарасов думал о другом. Например, грезил встречами с канадскими профессионалами. Когда мы беседовали с участником Суперсерии-72 Фрэнком Маховличем, тот рассказывал:

«В 1957-м году я уже играл тогда за «Торонто» в НХЛ — и в наш город на товарищеский матч с любительской командой «Уитби Данлопс» приехала сборная СССР. Я был на этой игре, и канадские любители обыграли Советы — 6:0 (на самом деле — 7:2. — Прим. И.Р.)*!*

Спустя время, году, по-моему, в 66-м, ваш тренер Тарасов пришел на нашу тренировку в «Торонто» вместе с советским

журналистом, и они брали интервью у молодого хоккеиста «Мэйпл Лифс» Уэйна Карлтона. Тарасов спросил: «Если бы мы сыграли с вами, какой был бы счет?» Карлтон ответил: «Мы бы выиграли — 14:1». А потом журналист увидел, как я вхожу в здание, и позвал меня на разговор с Тарасовым. У меня он поинтересовался, каким был бы результат, если бы мы сыграли с ними серию матчей. Я ответил, что какие-то матчи Советы бы выиграли.

Видели бы вы, в какой улыбке он расплылся! Потом уже понял — на фоне ответа Карлтона. Было ясно, что они с каждым годом прибавляют. Выигрывали все Олимпиады, чемпионат мира и становились все более серьезной силой. И все-таки в 72-м мы не могли поверить, что они стали настолько сильны. Тарасов и другие отцы-основатели советского хоккея знали, что делали!»

Вот времена были! Тренер-мэтр из одной страны брал интервью (!) у молодого игрока из другой. Причем делал ли это с дозволения сопровождающего любую советскую команду сотрудника КГБ — еще большой вопрос.

Почему Тарасова помнят больше, чем Чернышева

Татьяна Тарасова вспоминает:

«*Когда была в Зале хоккейной славы в Торонто — меня на руках носили. За папу. Уважение к нему там — просто фантастическое. Просто преклонение. А потом приехала к нам, в Музей хоккея. Вижу — написано: «Зал Аркадия Ивановича Чернышева». Говорю: а где у вас зал Тарасова? Какая-то женщина говорит: на втором этаже что-то есть. Там и до второго-то этажа не дойдешь — нет поручня, а я хромаю. Но добралась. А там в углу — крохотная фотография. Знаете, давно так не плакала. Даже выла. Потому что увидела разницу, как к папе относятся там — и как дома.*

В Торонто очень просят привезти в Зал славы какие-то вещи. Хоть шапочку, хоть перчаточку. Постараюсь это сделать. А может, передам книги, которые не переведены на английский. Или копию дружеского шаржа в «Известиях», который нам подарил дядя Боря Федосов (знаменитый журналист этого издания, автор идеи хоккейного турнира «Приз «Известий» и рисунка его талисмана-снеговика. — Прим. И.Р.)*, где папа изображен в виде дирижера».*

Ну, в вопросе легендарности наследникам Тарасова не стоит сетовать на массовый склероз и людскую неблагодарность. Тут уж скорее за родню Аркадия Чернышева досадно. Имя этого специалиста, в лучшие годы советского хоккея главного тренера сборной СССР (тогда как Тарасов ему помогал), в Северной Америке гораздо менее известно. Бытует версия, что во многом благодаря прессе.

Прошу Скотти Боумэна разъяснить мне этот парадокс. Как главного тренера сборной за океаном может не знать никто, а его ассистента — все?

«*Чернышева, если честно, я тоже особо не знаю,* — отвечает 85-летний мэтр. — *А причина славы Тарасова, возможно, заключается в том, что он был стратегом. Он заставлял хоккеистов делать совершенно иные вещи, чем другие тренеры. Я люблю инноваторов! И Тарасов им, безусловно, был. В НХЛ команды в основном копируют друг друга. Он же проповедовал совершенно иной хоккей и иные занятия.*

Помню, как первый раз столкнулся с русскими. Я работал вторым тренером в юниорской команде, где были собраны все лучшие игроки провинции Квебек. И в декабре 1956 года к нам

приехала взрослая сборная СССР. Первый матч был в Оттаве, на чрезвычайно старом катке, очень-очень узком. Он был построен еще в 20-е годы, когда в основном площадки еще были прямоугольными. Оттава сделала ее в форме яйца, и за воротами вместо прямого борта в 24 фута ширина составляла всего 12!

Советские парни, помню, приехали с большими дырками в носках. Их клюшки были тяжеленными, намного увесистее наших. Их форма была ужасно некрасивой. Помню огромных защитников Сологубова и Трегубова, им было 26–28 лет — настоящие мужики. У нас семерым или восьмерым было по 18, но кое-кто уже дебютировал в НХЛ.

Из-за такого катка мы использовали много игроков. На подобном льду тяжело играть, если ты не привык. Русские приехали с утра покататься на 15–20 минут, чему никто не придал значения, поскольку их вообще не знали. А потом вышли на игру, и они вообще не отдавали нам шайбу! Нас разгромили — 10:1. Но генеральный менеджер нашей команды, великий, гордый и умный человек, сказал, что мы должны сыграть с этой командой еще раз, уже на площадке другого размера.

Переехали в монреальский «Форум». Наш менеджер был так разочарован, что мы взяли еще группу игроков из провинции Онтарио, лучших юношей «Торонто Мэйпл Лифс». Три дня спустя сыграли с русскими на катке нормального размера и опять проиграли — 3:6. Это были две первые встречи, когда я вживую увидел советский хоккей, построенный на контроле шайбы, и запомнил его навсегда. И этот хоккей ассоциируется у меня с именем Тарасова, потому что идеи, которые он излагал в нашей беседе, полностью соответствовали тому, во что играла эта команда еще в 56-м году».

Явно большую известность Тарасова, чем Чернышева, их взаимоотношения мы обсудили и с нашими легендами, работавшими при этом штабе.

«*Тандем у них сложился уникальный*, — говорит Якушев. — *Две противоположности по характеру, дополнявшие друг друга. Тренировочный процесс вел Тарасов, а игру — Чернышев. Почему о Тарасове говорили больше? К нему обращались журналисты, он часто давал интервью. И ответы у него, человека харизматичного, всегда были нестандартные. То, что нравится прессе. Поэтому журналисты и старались больше с ним общаться и о нем писать*».

Вот что по этому поводу думает Михайлов:

«*Тарасов был всегда на виду и на слуху — тем более что и ЦСКА звенел. Чернышев же, будучи великим тренером, находился в тени. Если бы из них сделать одного человека — это был бы супер-пупер тренер! Учебно-тренировочным процессом всегда руководил*

Тарасов, а игрой — Чернышев. По складу характера Аркадий Иванович был намного сдержаннее — именно чтобы управлять игрой. Они же не по своей воле соединились, их свели в тандем руководители. Поняли, что им все равно работать вместе».

Татьяна Тарасова рассказывает:

«Почему таким успешным в сборной оказался именно тандем папы с Аркадием Чернышевым? Я что, профессионал в этом деле? Папа — он практик. И занимался в основном тренировочной работой. Не только армейцы, но и динамовцы, и спартаковцы все равно на нем воспитаны. У Аркадия Ивановича были другие функции. Но папа с Кадиком находили общий язык — он так его называл. В этой связке у каждого была своя миссия.

Папа, хоть формально и помогал Чернышеву, не чувствовал себя обиженным, поскольку каждый день вел тренировочный процесс. Его игроков в сборной было больше всех. Когда он говорил, что Евгений Мишаков с тяжелейшей травмой, практически несовместимой с жизнью, забьет решающий, и поэтому его надо брать и ставить — его брали и ставили. И Мишаков забивал.

Они были двумя разными людьми, но болеющими за одно дело. И отношения с папой у них были очень хорошие, уважительные, кто бы что там ни говорил. Семьями встречались (жену Чернышева звали Велта), выпивали-закусывали. Из рюмочек вино пили. Да-да, из рюмочек! И ко мне Аркадий Иванович как к родной относился. Я же динамовка. Сыновья его для меня — как родные. Мы дети одного поколения. У Тарасова и Чернышева и могилы рядом…»

«На наших глазах толпа вырывала у него клочья волос»

В 1969 году Тарасов, не согласный с судейским решением в пользу «Спартака», увел ЦСКА со льда в присутствии Леонида Брежнева.

Армеец Михайлов говорит:

«*Считаю, правильно увел. Командир сказал покинуть площадку — мы и ушли. Но потом заставили вернуться. Если бы Тарасов не дал команду на возвращение — никто бы туда не пошел. Люди из федерации хоккея приходили — не помогло. Но потом пришел представитель* (Михайлов поднимает голову куда-то ввысь): «*Начинайте!» Тут уже деваться было некуда*».

У спартаковца Якушева, разумеется, другая точка зрения. На вопрос, что он вспоминает о том легендарном матче, «Як-15» (таким было прозвище мощного форварда красно-белых) с улыбкой отвечает:

«*То, что «Спартак» после него стал чемпионом. Шока от тарасовского решения не было: мы знали его характер и могли предположить, что он способен такое сотворить. Во всяком случае, никто особо не удивился. Да, на игре был Брежнев — и, чтобы игра продолжилась, к Тарасову в раздевалку приходил председатель Спорткомитета СССР Сергей Павлов. Тарасов категорически отказывался, и 40 минут игра не возобновлялась. Не знаю уж, какие аргументы пошли в ход, но в конце концов он согласился играть. Даже несмотря на то, что гол не засчитали, а ЦСКА за такое поведение тренера выписали две минуты штрафа*».

После тех событий с Тарасова сняли звание заслуженного тренера СССР, но потом вернули. Рассказ об этом его дочери — чистая литература.

«*В 69-м, когда отец при Брежневе увел ЦСКА со льда в матче со «Спартаком», только заслуженного сняли. Я была на том матче со своей подругой Надей Крыловой, балериной Большого театра. После матча мы вышли из дворца и ждали его на улице. И видели то, о чем никто потом не говорил и не писал. Когда он вышел и хотел идти к машине, то вся площадь перед ареной в такт качалась. Она была заполнена спартаковцами, и они стояли плечом к плечу. И был страшный, тяжелый гул.*

А машина находилась в самом конце дороги, у елок. Идти было некуда. Но папа, не поднимая головы, пошел. Мы — за ним. И вот он шел, и вся эта площадь перед ним раздвигалась. Он шел как корабль, как ледокол. Ни звука. Со всех сторон подпрыгивали,

вырывали у него клочья волос. А кто-то до брови достал вообще, чуть ли не до глаз. Никакой милиции там не было. Но он ни на что не обращал внимания, был как каменный. Шел, мы — за ним, и плакали, потому что на наших глазах у него вырвали почти все волосы.

Только когда папа подошел к машине, он повернулся и сказал: «Всем отвечу, когда сяду». Он сел в машину, открыл нам дверь, мы туда упали, все в слезах и в соплях. А он открыл окно, положил на него руку, как всегда клал. И сказал: «Спрашивайте». Народ подошел к машине быстро. Сначала стоял в шаге. И не знал, что делать. Папа этих людей не испугался и окно не закрыл. Они подняли нашу машину, покачали, бросили. И вся площадь разошлась. А мы поехали.

Я два раза в жизни видела его слезы. Один раз, когда мы с ним разбились на машине. У меня в семь была черепно-мозговая травма, и с тех пор голова болит. А второй раз — после «Спартака», когда с него заслуженного сняли. Он прямо упал на кровать и плакал. Больше — никогда. Даже после Саппоро. Заслуженный тренер — это самое большое звание, которое только могло быть у человека, который занимался этим делом профессионально.

Руководство страны такие вещи в принципе не прощало никогда. Это было чуть ли не хуже, чем уехать, — сорвать матч при генсеке. Но звание ему вернули. Это сделал председатель Госкомспорта Сергей Павлов. Папа сказал: «Я понял, за что с меня сняли звание, а за что вернули, не понял».

Запрет на профессию

Однако после победной Олимпиады-72 в Саппоро, за считаные месяцы до Суперсерии и после десятилетия сплошных побед, Тарасов с Чернышевым внезапно ушли из сборной СССР. Версия Татьяны Тарасовой:

«Все произошло на Олимпиаде-72 в Саппоро. Я слышала, что высокие руководители просили их сдать чехам последний матч, когда мы за два тура до конца выиграли турнир и нам уже ничего не было нужно. А соратникам по соцлагерю надо было помочь опередить американцев и взять серебро. Они с Чернышевым отказались, команда выиграла, США стали вторыми, Чехословакия — третьей.

Папа был совершенно не договорной. Он этого не понимал. Потому что был настоящим, большим тренером. Учителем, педагогом, профессором. Он не умел даже на этот счет думать. И дальше была расправа. Поэтому пришлось написать заявление.

Я как раз в Саппоро начинала, приехала туда со своей парой. А папа, получилось, там закончил. Заявление об уходе он написал сам. И Аркадий Иванович, Кадик, надо отдать ему должное, сразу сказал: «Толя, без тебя я работать не буду. Уйду с тобой. Подумай, может, еще поработаем?» Но папа сказал: «Нет». И они оба ушли.

И все. Его как будто заживо закопали. Прямо по ушки. Отобрали клуб, сборную — и не дали ничего взамен. Просто страшное наказание придумали, изверги. Сделали очень плохо ему и ужасно для страны. Потому что при папе с Чернышевым сборная выигрывала вообще все. А с его уходом потерялась настоящая система, по которой должен был развиваться наш хоккей.

Когда-то Брежнев подвел отца к Хрущеву, и папа сказал: «Мы больше не можем только тренироваться. Поверьте, что мы у канадцев выиграем». У меня есть фотографии, как они с Никитой Сергеевичем об этом разговаривают. Матчи Суперсерии папа с нами не смотрел. Он был на даче, один…

Знаете, с тех пор как его не взяли туда — не то что тренировать, а даже смотреть, свиньи несчастные! — я начисто потеряла интерес к хоккею. Никогда больше не смотрела его. Впервые с 1972 года сделала это на Олимпиаде-2018 в Пхенчхане».

Якушев говорит:

«Не только я — все удивились. После победной Олимпиады, причем третьей подряд, после девяти выигранных кряду чемпионатов мира вот так взять и уйти… Думаю, они сами удивились, когда их прошение об отставке приняли. Может, не ожидали, что на их уход так легко согласятся. Сейчас уже никто

точно не скажет, почему так произошло. Тайна ушла вместе с этими двумя великими людьми».

Михайлов вспоминает:

«*Нам сказали, что они по собственному желанию отошли от сборной, а ее тренером становится Бобров. А что мы можем? Намного позже услышал эту версию* (которую привела Тарасова. — Прим. И.Р.). *Но ничего не знаю. Никаких разговоров на эту тему в Саппоро не было*».

«Он любил Тарасова», — не забудем фразу Татьяны Харламовой о брате, который от своего тренера, конечно, многого натерпелся, но прекрасно понимал, чем ему обязан. Защищал его и перед матерью, которая возмущалась, узнавая об очередной отмене выходного; ценил, по словам Татьяны, за чувство юмора, справедливость и открытость.

«*Переживали,* — говорит Третьяк о моменте, когда стало известно об отставке. — *Мы его уважали*».

«Верите в такую версию его отставки?» — спрашиваю, в свою очередь, Третьяка на тему наказания за несдачу игры сборной Чехословакии. *«В Советском Союзе все было возможно,* — отвечает он. — *Тарасова, думаю, знает, о чем говорит».*

Голкипер, а ныне президент Федерации хоккея России добавляет:

«*Мы об этих подробностях не знали, а он сам не говорил. Просто были удивлены, что в 72-м году к Тарасову были применены такие репрессии, и он был фактически отстранен от хоккея. Считаю, это неправильно. К такому человеку! Его знали и уважали все канадцы, американцы, шведы, финны, связанные с хоккеем. Книги его выпускали…*

Но вот такая политика была. В Советском Союзе о каждом могли сказать, что он заболел и поэтому не играет или не работает, — хотя он был здоров. Журналисты не заступались. Это сейчас они могут заступиться, если видят неправду. Но тогда правда часто не доходила до людей. А мы его расспрашивать не имели права».

Спорт — это всегда недосказанные сюжеты. Удержал бы Тарасов после победной канадской части Суперсерии-72 дисциплину в сборной СССР, чтобы она смогла так же отыграть и ее московскую половину? Этот вопрос до сих пор волнует многие тысячи людей.

Но ответа не находит даже Третьяк:

«*Конечно, Чернышев с Тарасовым пожестче Боброва. Но неизвестно, как пошла бы игра в Канаде, какие были бы звенья. Успех-то все-таки был, и Боброву с Кулагиным надо сказать спасибо. Возможно, если бы в Москве дисциплина была пожестче —*

и не упустили бы общую победу».

Наверняка Тарасов был вдвойне уязвлен тем, что сборную после него принял его давний оппонент Бобров, с которым они не ладили еще в 1950-е, когда первый тренировал ЦСКА, а второй был его главной звездой. Об одних только их отношениях можно было бы сочинить фильм. В «Легенде № 17», кстати, этот сюжет не отражен. Сценарист Михаил Местецкий дает исчерпывающий ответ — почему: «*Прекрасно знаю, что отдельная песня — отношения Боброва с Тарасовым. И какая! Но наша работа — отсекать ненужное*».

Чтобы вы правильно понимали: ненужное — для конкретного кино, в котором не может быть слишком много сюжетных линий…

«*Не секрет, что отношения у них не сложились еще тогда, когда Бобров был игроком и главной звездой армейцев, а Тарасов — его тренером. И потом ничего не изменилось*», — говорит Якушев.

Интересно ведь еще и то, что внезапный уход Боброва из хоккейного «Спартака», который он сделал чемпионом СССР, в футбольный ЦСКА многие хоккейные люди, склонные к поиску теорий заговора, тоже увязывают с Тарасовым. Якушев, одна из главных звезд того «Спартака», рассказав о слезах на глазах Боброва в момент объявления об уходе, прокомментировал мне это так:

«*Ему предложили работать с футболистами ЦСКА. Как мне казалось, футбол он все-таки любил больше, чем хоккей. Была еще такая версия, что Тарасов пришел к министру обороны Гречко и попросил сделать все, чтобы Бобров не работал в «Спартаке». Вот ему и сделали предложение, от которого Всеволод Михайлович не смог отказаться. Но подтверждения этому нет, хотя и в команде, и среди спартаковских болельщиков такие разговоры упорно ходили*».

Не все, впрочем, в отношениях Тарасова и Боброва было так скверно. Да, такова общепринятая точка зрения, но вдова Боброва Елена, давая в середине 1990-х интервью для «Спорт-Экспресса» моему коллеге Сергею Щурко, вдруг рассказала неожиданное:

«*Когда у нас немного подрос Мишка, отец привез ему из Канады коньки — специальные, для трехлетних. Так вот, зима — оба Бобровы во двор, где их поджидал Анатолий Владимирович Тарасов со своим внуком. И начинались хоккейные баталии. Как думаете, враги могли так регулярно встречаться? Знаете, до сих пор злые люди пытаются мне что-то говорить на эту тему, но я их никогда не слушала и не слушаю. Для меня Тарасов — человек, перед которым как перед профессионалом я преклоняюсь*».

Футбольный ЦСКА и «Золотая шайба»

Мог ли тогда всемогущий Тарасов предполагать, что в конце 1974-го его, отлученного от любимого хоккея, назначат главным тренером… футбольного ЦСКА? Учитывая, сколько лет к тому времени он провел в хоккее, это была в значительной степени авантюра. И она не сработала — команда заняла 13-е место. Но когда люди об этом вспоминают, они забывают, что при Тарасове армейцы вовсе не «посыпались», а просто остались там, где были и до него. Строка имени чертовой дюжины в итоговой таблице была у ЦСКА и в 73-м, когда их возглавлял Владимир Агапов.

Более того, один из сильнейших спартаковцев того периода Евгений Ловчев в нашем разговоре вспоминает такую историю:

«*В 74-м мы заняли второе место и в конце сезона играли в Алма-Ате. Тамошний «Кайрат» на вылет стоял. Старостин сидел в тех краях, и к нему пришли местные руководители. Уже после матча он рассказал — мол, вспоминали былое, просили помочь. Но Николай Петрович отрезал: «Этого не будет». И на сговор не пошел.*

Мы выиграли — 4:0. И именно этот счет (не меньше!) спас от вылета из высшей лиги ЦСКА, в котором тогда играл в порядке воинской службы Витя Папаев. Возглавлял армейцев в том сезоне великий хоккейный тренер Анатолий Тарасов — и, когда ЦСКА благодаря нам спасся, прислал телеграмму: «Благодарю за службу, возвращаю вам Папаева!»

Тут интересно то, что тренировал армейцев тогда еще Агапов. Но к 10 ноября, когда проходил матч в Алма-Ате, видимо, решение о назначении Тарасова уже было принято. Отсюда и эта телеграмма. А ЦСКА, набравший одинаковое количество очков с «Зарей» и «Кайратом», спасся по дополнительным показателям. Вылетела же как раз команда из тогдашней столицы Казахстана.

Спрашиваю Татьяну Анатольевну, не советовался ли отец с ней, принимать ли футбольный ЦСКА. Та хмыкает:

«*Не хватало еще. Кто я такая? Он принимал решения сам. Мама жалела его, говорила: «Толь, у тебя там все получится, но ты с ума сойдешь». А не получилось, потому что его подвели колени. Тогда не было таких уколов, как сейчас. Он не мог двигаться, а поле-то там больше, видеть на тренировке все надо. Но многие футболисты говорили, что благодаря ему поняли, как надо тренироваться*».

Невозможно было предположить, что больше Тарасов никогда не будет тренировать хоккейные команды. Но получилось именно так. Спрашиваю у Якушева, есть ли у него объяснение, как такое

могло произойти с человеком, который олицетворял в мире, в том числе в НХЛ, советский хоккей.

«У металла тоже есть свой ресурс, — рассуждает Александр Сергеевич. *— Все-таки он начал тренировать очень рано, в 26 лет — и столько лет провел на высшем уровне. Наверное, просто устал. Хотя по нынешним временам 55 для тренера — молодой возраст. Расцвет. А он закончил».*

Закончил со взрослым хоккеем, но с головой ушел в детский. Турнир «Золотая шайба», идея Тарасова, существует в нашей стране до сих пор.

«Папа сосредоточился на «Золотой шайбе», которую когда-то придумал сам, а тут она стала делом его жизни, — рассказывает Татьяна Анатольевна. *— Счастлива, что сейчас ею руководит Леша, внук Тарасова. Потому что это своего рода семейный проект, и мы сделаем все, чтобы он никогда не пропал. И я буду на него работать, и что-то для него тоже придумаю.*

Когда началась «Золотая шайба», я Гальку просила из школы уволиться. Сестра 38 лет учила детей русскому и литературе, обожала свою профессию. Но я умоляла ее: буду работать, а ты езжай с отцом, потому что открытые катки — это воспаление легких. А он мотался везде. И я в этом смысле — в него. Хожу уже плохо, хромаю после операции на позвоночнике, а стараюсь работать на максимуме.

Он неприхотливый был человек. Но, конечно, то, что от работы отлучили… Я вот тоже приехала из Америки, провела там десять лет, подготовила три — наши, заметьте, — золотые олимпийские медали. И мне было 58 лет. Но меня тоже на работу здесь не взяли. Катка не дали, школу не сделали. Нет, я не сравниваю себя с папой. Потому что папа — это целая планета. Но кажется, что даже по отношению ко мне это было нерационально.

Показывал ли он, как тяжело ему без работы? Говорил: «Не оглядывайся, дочка, надо смотреть вперед». Но мы все же на одной нитке. Так друг друга любили, что невозможно говорить даже. Да, злились иногда на него. Но это нормально. И все понимали, и все чувствовали.

Наша пресса не понимала значения его фигуры. Или не хотела понимать. Он сам писал много и по делу. Больше 40 книг написал — и сотни статей. И мне кажется, что журналисты и комментаторы испытывали к нему чувство ревности. Я, когда сейчас стала комментировать, тоже это ощущаю.

Когда мы с папой входили во Дворец спорта, зал, состоявший из разных людей — армейцев, динамовцев, спартаковцев, — вставал. При том что в то время его вообще не показывали по

телевизору! Болельщики все понимали. А многие журналисты — нет. Они его щипали, все учить хотели. И ревновали к тому, что он много пишет — и не так, как они».

Тарасов стал идеологом созданной Высшей школы тренеров. И подходил к воспитанию будущих Тарасовых с фирменной жесткостью. Якушев рассказывает:

«*Он отчислил меня на первом же занятии! Такая была педагогическая мера. На следующий день вернул. А потом мы уже с ним ближе сошлись, сложились даже дружеские отношения. Часто приезжал на тренировки, когда я возглавил «Спартак». Даже на 70-летие пригласил к себе на дачу в Загорянку, хотя там был очень узкий круг*».

Только после моей пятой победной Олимпиады отец сказал мне: «здравствуй, коллега»

Однажды главный редактор «Спорт-Экспресса» Максим Максимов подал идею: мол, вы с Тарасовой родились в один день, 13 февраля, сам Бог велел попробовать побеседовать к ее юбилею. До того мы не были знакомы, о фигурном катании я не пишу, — и в первый момент она, измученная в последние дни сплошными интервью, энтузиазмом не воспылала. Но когда речь зашла о хоккее и с моей стороны прозвучало волшебное слово «отец», согласие вдруг было получено моментально. Так она относится к своей семье и своим корням.

И уже на следующий день мы два с лишним часа общались в величественной гостиной в окружении сотен фотографий на стенах, каждая из которых — историческая. Тарасова беспокоилась: «Вам не холодно? Здесь прохладно, как на катке». Господи, да даже если бы мы разговаривали на открытом катке, я бы на первой минуте перестал температуру замечать.

Самое тонкое и сложное в разговоре с ней — ее паузы. Нет — Паузы. В такие секунды ты понимаешь, что имел в виду Станиславский. Иногда они могли продолжаться полминуты. И ты никогда не знал, конец ли это ответа или, напротив, оборот мысли перед заходом на что-то еще более важное. И обязан был почувствовать, в какой именно момент имеешь право открыть рот. В одно из мгновений все-таки поторопился, сбил ее с мысли. И даже отсутствие заслуженного выговора меня не оправдывает.

Какую роль сыграл отец, что его дочь тоже стала великим тренером? Судите сами. Из монолога Татьяны Анатольевны.

«*После травмы* (Тарасова получила ее в юном возрасте, после чего карьера фигуристки была завершена. — Прим. И.Р.) *я вся была в печали, из которой папа меня вытряхнул. Не позволил долго в ней быть. Хотела танцевать, училась, поступала — и в «Березку», и в ансамбль Моисеева. Но рука моя была как тряпка. И отец сказал: «Иди на каток, помогай своим друзьям. Тренеров нет ни черта. Бери детей — и, если будешь хорошо работать, будешь счастлива всю жизнь». Так и оказалось. Он определил мою судьбу, сказав, чтобы я в 19 лет шла на работу тренером. И это сделало мне жизнь.*

До того хотела поступать в ГИТИС на балетмейстерский. Но отец сказал маме: «Артистов у нас, Нина, в доме не было и не будет». Вопрос был закрыт.

Как-то спрашивает: «Сколько ты работаешь в день?» — «Восемь часов». — «А я к Жуку заходил, там работают восемь. И Чайковская работает восемь. Как ты их догонишь? Надо тебе работать годика четыре по двенадцать».

Ко мне на тренировку папа приходил ровно один раз. И ушел. Я тренировала Роднину с Зайцевым, у нас должен был быть прокат. И он пришел к нам на «Кристалл». Как там очутился? Может, к Анне Ильиничне Синилкиной, директору «Лужников», заходил, не знаю. Но на самом верху над катком был один стул. Почти под потолком. Туда наверх вело много ступенек.

На тренировках всегда бывала на коньках. Мне так удобнее, я хорошо каталась и была совсем молодая. А тут опаздывала и выбежала на лед в ботинках. И не сразу поняла, что сверху кто-то сидит. Потом посмотрела вверх. О ужас! Папа. А я — не на коньках. Фигуристы к тому же плохо разминаются. Тоже его не видят. И боковым зрением наблюдаю, как он, не дождавшись проката, уходит. Опустив голову. Я уже была взрослая, но домой ехать боялась. Потому что все это было неправильно. Такого нельзя себе позволять.

Я видела изнанку папиной славы. Как он работает, как отдается. И как страдает. Поэтому с самого начала понимала, что эта профессия — не сахарная. Но было так интересно, так захватывало! В том же Ростове мы с подругой Ирой Люляковой открывали каток — там не было ни заливщика, ни машины. А были только два шланга. И вот мы с ней чистили, заливали лед, потом на нем катались. И так — четыре раза в день. На одну заливку уходил час.

Думаю, что многое во мне, конечно, от природы. Кровь же не водица. Миша Жванецкий писал своему сыну: «Сынок, имей совесть, а потом делай все, что хочешь». Потому что совесть не дает делать как попало. И та же ответственность, которая у меня с юных лет, — она же не из воздуха взялась. А от мамы и папы.

Слышала ли я шепот за спиной: мол, с Тарасовой при таком папе все ясно, ей-де дороги везде открыты? А я всего это не чувствовала. Просто пошла туда, где с первого дня стала нужна и счастлива. При том, что папа писал в газете «Правда», что федерация фигурного катания, видимо, обалдела, доверив молодой девчонке работать в сборной СССР. А просто так получилось, что я взяла пару, которая сразу попала в сборную.

Да-да, папа писал такое. В «Правде». Что меня надо уволить. А что я могла ему сказать? Это было его мнение! Еще не хватало, чтобы я ему что-то говорила. Он-то лучше знает. И более того — это, наверное, было правильно. Я была 20-летней девочкой, которая в танцах, извините, ни ухом ни рылом.

Я не хотела опозорить отца. Это было как бы неприлично — работать там, где папа. Поэтому я никогда не была в ЦСКА. Когда каталась — в «Динамо», когда работала — в профсоюзах.

Став тренером, я к нему по профессиональным моментам никогда не обращалась. Кто же дома говорит о работе? У папы была огромная картотека. Каждое упражнение, его цель, задействованные в нем группы мышц — были прописаны от и до. Это был труд на века! Один раз я у него попросила ее.

И он мне не дал.

Более того, даже был удивлен, что я попросила. Отрезал: «Ты — начинающий тренер. Почему я должен тебе ее давать? Думай своей головой!» И уже потом, когда я хотела дать ему одну книжку, он, хотя и был человеком очень образованным, отреагировал: «Себе ее оставь. Я из своей головы питаюсь». И правильно он сделал, что мне картотеку не дал. Сначала вроде взялась как-то обидеться, а теперь все понимаю. Так ведь можно все отдать, а своя голова не будет работать. Что особенно важно на начальном этапе.

Молодых хоккеистов он называл «полуфабрикатами». И моих спортсменов — тоже. Он потрясающе видел ошибки. И говорил: «Дочка, ты должна очень быстро видеть». Папа видел очень быстро. Еще одним его любимым словечком было «огольцы».

Говорил ли когда-нибудь отец, что гордится мной? Нет. А чем гордиться-то? У нас в семье установка была — каждый делает то, что может. На максимуме. Это просто правильно — так чем гордиться? Только после пятой моей победной Олимпиады он сказал мне: «Здравствуй, коллега».

И мама не хвалила. У нас это не было принято. Это не значит, что мы с сестрой — недолюбленные. Как раз наоборот. У нас у всех была очень большая любовь друг к другу. Я выросла в семье, где царила любовь. Страха к отцу не было. Была боязнь его расстроить».

И спортивное воспитание дочери со стороны Анатолия Владимировича было ничуть не менее жестким, чем по отношению к игрокам ЦСКА.

«*Правда ли, что отец каждый день выгонял меня маленькую на зарядку даже в лютый мороз? Правда. И это не экзекуция. Папа же опережал время. И понимал, что я способная. Видел, как бегаю, прыгаю, какие у меня ноги быстрые — не как сейчас. И я делала то, что он считал нужным. Конечно, какой ребенок будет делать это с удовольствием?*

Плакала ли при этом? У нас не принято было плакать. Даже когда могли лупить — это сейчас нельзя, но ничего страшного, за вранье положено лупить. Нет, не папа. Мама. А с зарядкой —

вошло в привычку. Ты бежишь, тебе холодно, а папа смотрит с балкона и говорит: «Надо бежать быстрее — и будет теплее». Хоть в Новый год, хоть в день рождения. Для меня потом 31 декабря заканчивать тренировку в 22.30 не было никакой проблемой.

Кое-что мы от него, конечно, скрывали. Например, мы с сестрой рано начали курить. С бабушкой, папиной мамой. Если бы папа это узнал, то вместе с ней отправились с пятого этажа в свободном полете. Бабушка усмехалась: «Ой, девки, мать с отцом узнают — меня убьют!»

Мы бабушку просили: «Скажи отцу, что тебе курить нечего. Пусть он «Мальборо» из Канады привезет!» А то она курила «Прибой» и «Север». Говорила папе: «Толь, папиросы стали совсем плохие. Говорят, у них на Западе появились какие-то хорошие сигареты, «Мальборо» называются, что ли. Привези хоть попробовать на старости лет». Он привозил. Пробовали заодно и мы. Папа об этом никогда не узнал.

А так-то он к нам и пальцем не прикасался. Это маму я выводила из себя, и она могла меня отлупить, когда я в очередной раз от няни убегала. Но папа — нет.

Что касается воспитания, то однажды, когда мне было лет восемь, вот что случилось. У нас с сестрой были обязанности по уборке квартиры. Мама работала в пищевом институте на кафедре физвоспитания, и мы с Галей убирали по комнате. На мне была спальня. В тот день вся семья выезжала в Ленинград. Папа сказал, что есть три свободных дня, и он повезет всех показать этот город, где я никогда еще не была.

Приходит мама с работы, проверяет, как мы убрали, — и залезает под шкаф. А там я не мыла. После чего состоялся недолгий семейный совет. В результате трое — родители и Галя — сели в машину и поехали в Ленинград. А я осталась. Бабушка говорила им с балкона: «Звери!» Но обсуждению это не подлежало.

Нет, не плакала и не обижалась. С детства у нас в семье был лозунг: «Ищи ошибки в себе». Тяжеловато жить, когда почти всегда ты виноват. Но так, мне кажется, правильней. А бабушка мне тогда дала мелочь на мороженое…»

Зал огромных людей в Бостоне стоя аплодировал ему 40 минут

После такого рассказа неудивительно, что даже из детей Тарасов воспитывал великих игроков. Капитан сборной СССР следующего поколения Вячеслав Фетисов рассказывал:

«*Это он, величайший педагог, оратор, психолог, философ, сумел вселить в меня уверенность. Он приходил в детско-юношескую школу на собрания нашей армейской команды 1958 года рождения и приводил с собой пять игроков ЦСКА, на которых мы молились. И общался с нами. Так что главные понятия — честь флага, подвиг товарища, плечо друга — для нас были не пустыми словами. Когда они исходили из уст великого человека — очень многое для меня значили. Поэтому в майке ЦСКА я ни одного турнира не проиграл. Хотя состав нашего года был не таким уж и звездным, а соперники — непростыми*».

Тарасова, как вы уже поняли, очень ценили в Америке. Татьяна Анатольевна в деталях рассказала, как не раз была тому свидетелем.

«*Какой документальный фильм американцы сняли о папе! Он все премии там завоевал. И, полностью посвятив себя хоккею и всем своим изобретениям в нем, цену себе, конечно, знал. Вообще, мне кажется, каждый человек, который делает что-то серьезное, знает себе цену. И поэтому не обращает внимания на мелочи.*

За океаном люди все о нем понимают и ценят. Это радостно, но обидно. Помню, Галя с отцом ездила в Бостон, я уже работала в Америке с Ильей Куликом. Был сбор профессиональных тренеров, 500–600 человек. И папу туда пригласили. Он очень сильно хромал, ходил с костылем. Но решил, что на сцену выйдет без костыля.

Галя его нарядила. Мы очень волновались. Открылась дверь — и он пошел. Пожилой гений. Как по воздушной подушке. Весь зал встал. И стоял — сорок минут. Мы с Галькой плакали, как никогда в жизни. Папа был в белой безрукавке, чтобы живота не было видно. И вот он стоит — и все эти выдающиеся канадские тренеры ему рукоплещут. Потом он их потихонечку-потихонечку усаживал.

Мне показалось, что это был зал огромных людей. Огромных и ростом, и душой. Хоть они и с другого континента, говорят на другом языке, придерживаются других правил жизни. Но они были благодарны папе за то, что в своих книгах он подсказал им пути развития игры, придуманной в их же стране. И это при том, что в книгах написано не все, потому что он боялся выдавать секреты Родины!

У мамы сохранился экземпляр контракта в Северной Америке на издание его последней книги. В пункте «условия оплаты» папа написал: «По результатам труда». Бессребреник. Он так никогда и не получил эти деньги. А когда его уже не стало, из Америки маме прислали пять тысяч долларов. В России, кстати, книга вышла только что. А мы с Галей в Бостоне плакали не только от радости за отца, но еще и потому, что все это хотелось бы иметь у себя в стране.

У него даже не было мысли уехать. Правда, он не знал, что ему предлагали «Нью-Йорк Рейнджерс» тренировать. За три миллиона долларов. Но он все равно бы не поехал. Не представлял, как будет секреты Родины выдавать.

Письма из Нью-Йорка поступали, но до него они не доходили. Однажды — это случилось через несколько лет после того, как его убрали из ЦСКА и сборной — ему позвонил Арне Стремберг (многолетний главный тренер сборной Швеции. — *Прим. И.Р.*) *и говорит: «Анатолий, во всех газетах написано, что «Рейнджерс» тебе предлагает контракт. Мы все тут в ужасе, что ты не работаешь. Пишут, что ты болен и отказываешься. Чем ты болен, Анатолий?» Он только руками развел: «Ничем не болен. А я вообще не знаю, что мне кто-то что-то предлагает. Кроме Нинки, что она мне предлагает на обед».*

А ведь ему давали дом, машину, переводчика. Того, что в Америке никогда и никому не предлагали. ЦК КПСС же на все запросы отвечал, что Тарасов болен.

В конце 80-х его все-таки выпустили в Канаду — на операцию бедра. А меня с ним не пустили! Председатель Госкомспорта Марат Грамов сказал: «Вдвоем вы не поедете». Я пыталась возражать: «Он пожилой человек, никогда не оперировался. Я вас очень прошу! Хоть и с плохим английским, но буду за ним ухаживать. У меня есть пять тысяч долларов, только что полученных за золото Олимпиады в Калгари, готова ехать за свои деньги и быть рядом с папой». Не дали. И невозможно было объяснить, что и папа, и я, если бы хотели, давным-давно бы в Америке остались…

А через пару-тройку лет хоккей в Северной Америке стал уже не канадский, а канадско-русский. И, открути время чуть назад, папа мог бы там вообще творить чудеса».

Когда Анатолий Владимирович уже был действительно серьезно болен, у него с дочкой состоялся неожиданный для нее разговор.

«Незадолго до ухода папы вдруг услышала от него: «Дочка, почему ты не сказала, чтобы я ехал в Америку преподавать?» — «Как же, — говорю, — пап, не сказала? Говорила, и не раз. Когда

начала работать там с Ильей Куликом».

Я там только со своим работала. Мне американцы на два года запретили брать кого-то еще. Привозили проконсультировать Джонни Вейра или совсем маленькую Шизуку Аракаву, но заниматься с ними полноценно мне права не дали.

Тогда, после первого года в Штатах, и сказала: «Пап, давай поедем. Обоснуемся в доме, я все равно его снимаю, и по твою душу приедут через пять минут после того, как ты там окажешься». Но он возразил: «Нет, дочка, на твои деньги я туда не поеду. Ты мало зарабатываешь, и я не хочу жить за твой счет». А много заработать я действительно не могла, поскольку мне давали работать только с Куликом. «Пап, нам и на еду, и на врачей хватит. Я тебя застрахую. Поедем. Станешь консультировать, и будем жить на твои. Дашь мне возможность спокойно работать и не думать о куске хлеба». Но, когда я ему все это напомнила, покачал головой: «Нет, ты, наверное, мне не так сказала».

Гнойный сепсис, как наши врачи, там ему бы точно не занесли. Ездил бы на своей машинке спокойно и учил хоккею тех, кто хотел учиться…

В Лиллехаммер-94 отец приехал на коляске за год до смерти. Меня просили Торвилл и Дин, чтобы я в Лиллехаммер с ними приехала. Заглянула к отцу с Галькой…

Он все равно всем был доволен. При том, что они с ним сделали… А еще он хотел купить машину. Мы ему говорим: «Пап, вставай. Иди в сберкассу, забери все деньги. Послезавтра ты на них не сможешь купить даже мопед». — «Этого не может быть, потому что все мои деньги заработаны на виду у советского народа». — «Вставай. Или дай расписку. А то еще через два дня ты не сможешь купить даже дверь от машины». — «Нет, так не могут сделать с людьми».

В итоге ничего так и не купил. Хотя очень любил «Вольво» и мечтал о ней, хоть подержанной. Ему когда-то хотели подарить за границей, но он не мог взять. Говорил: «Если я у вас возьму и мы, не дай бог, проиграем — скажут, что я игру сдал».

Когда лет через шесть по наследству можно было получить деньги, которые он откладывал в банке, Галя туда пошла. А папа говорил маме: «Нинка, я всех девок обеспечил. Девки будут безбедно жить. 40 книг написал, никогда эти деньги не трогал. У меня есть 38 тысяч рублей». А это — три «Волги». Плюс дача и квартира. Мама ему: «Ты же знаешь, что девочки будут работать. А ты вставай, иди. Это твое, тебе это нужно забрать». Не пошел.

Так вот, Галя пошла получать спустя годы. Ей дали 890 долларов. Даже тысячи не дали.

Да он бы еще жил и жил, если бы наши врачи ему смертельную

инфекцию не внесли. А у него чемодан был собран, чтобы на чемпионат мира ехать. Они его убили. В 76 лет».

У Вячеслава Фетисова начинают играть желваки на скулах, когда он вспоминает:

«Знаете ли вы, что Тихонов запрещал хоронить Тарасова? Татьяна Анатольевна нам рассказывала, что привезла папу на панихиду в ЦСКА, а ворота были закрыты. Так Лена Боброва, которая в то время была там администратором, своим решением открыла двери».

Татьяна Тарасова уточняет:

«Лена сказала, что Тихонов ей заявил: мол, он взял дворец в аренду на 99 лет и с Тарасовым здесь прощаться не будут. После этого я носилась по дворцу как сумасшедшая собака, распахивала все двери. Хорошо, что я его не встретила. Иначе растерзала бы!

Ему сказали: «Тут Таня бегала, хотела оторвать тебе все, что у тебя есть». Он потом подходил ко мне: «Таня, я этого не говорил». Причем раз десять! Но Лена Боброва не с потолка же это взяла.

Я пришла туда в день панихиды в шесть утра. Ковры не постелены, постамент, на котором гроб должен стоять, не сделан. Я за все взялась со своими подругами и друзьями, а уже к половине восьмого пришли солдатики.

Тогда были большие телефоны. Лена Боброва мне в день похорон приносит такой аппарат. Звонят с Ваганьковского кладбища. Бандиты. Сказали, что, если я сейчас не вынесу пять тысяч долларов, — они копать не будут. Ответила: «Не копайте. Мы приедем, поставим, пока народ будет прощаться. А потом мы все вместе выкопаем». И повесила трубку. Приехали — все было готово».

Как Олег Меньшиков стал Тарасовым

Как и в главе о Харламове, не могу пройти мимо фильма «Легенда № 17», ведь Тарасов там играет если и меньшую роль, чем сам его бывший игрок, то совсем ненамного. А вот Якушева там, например, — по сути, нет. И я не могу не спросить члена Зала хоккейной славы в Торонто, не обижен ли он на это — при том, что был в Суперсерии-72 как минимум не меньшей примой, чем Харламов.

— Да какие обиды? — улыбается Якушев. *— «Легенда № 17» — хороший и очень нужный фильм. Особенно для молодых — и спортсменов, и болельщиков. Просто сюжет там сконцентрирован вокруг двоих — игрока* ***Харламова*** *и тренера* ***Тарасова****. А не упоминаются многие наши великие хоккеисты. Это же не документальный, а художественный фильм. Так что ничего.*

В художественных авторы имеют право на вымысел. Конечно, Тарасов не приезжал в аэропорт провожать сборную в Канаду на Суперсерию, и вообще там много неправдоподобных фактов. Но это не главное. Показать того же Тарасова как великого тренера, стиль его работы, получилось очень хорошо. Олег Меньшиков в этой роли очень убедителен. Да, внешность другая, но поймать нерв, стиль его работы у него вышло здорово».

Один из двух сценаристов «Легенды…» Михаил Местецкий рассказал мне о том, как вообще Меньшиков стал Тарасовым:

«*Открою небольшой секрет — думаю, теперь уже можно. Изначально ему предложили роль Балашова* (партаппаратчика, объявившего войну Тарасову и выигравшего ее, которого в итоге прекрасно сыграл Владимир Меньшов. — Прим. И.Р.). *Меньшиков, прочитав сценарий, сказал, что единственная роль, которая здесь как-либо может его заинтересовать, — это роль Тарасова.*

Думаю, он сказал это скорее в шутку. Просто чтобы вежливо отказаться от роли Балашова. Верещагин с Лебедевым очень долго обсуждали, как быть. Перебирали всех актеров. Понятно было, что Тарасова должен играть титан. И вдруг стало понятно, что еще пару десятилетий назад у нас были такие титаны, которые по фактуре могли бы подойти. Но сейчас много великих советских актеров вышли за седьмой десяток. Тарасова мог бы сыграть тот же Меньшов, будь он моложе. Или Шакуров.

В общем, выяснилось, что примерно 50-летнего, крупного и по масштабу, и по габаритам актера, который подошел бы на эту роль, просто нет! И, обсуждая это, продюсер с режиссером пришли к решению, даже сама постановка вопроса о котором была сложнейшей. Но Лебедев потом говорил, что первая же читка с

Меньшиковым сняла у всех любые сомнения. Это гениальный актер — и он сразу же перевоплотился в Тарасова. Счастлив, что он его сыграл — хотя, конечно, когда мне сказали об этом, я просто обалдел. Ведь когда мы писали сценарий, то представляли в этой роли грузного человека… Тарасова. Видимо, эта роль привлекла Меньшикова потому, что он понял — есть куда развиваться, какую еще грань таланта показать».

Строгий Михайлов высказался об игре Меньшикова так же восторженно, как и доброжелательный Якушев:

«*Великолепно! Если даже дочка говорит, что его характер передан в точности… Пусть актер не похож на своего прототипа внешне — но какое попадание в образ*».

Для этого попадания и сценарий должен быть соответствующий. О сложностях применительно к Тарасову рассказал мне Михаил Местецкий:

«*У нас была проблема. В фильме два главных героя — Тарасов и Харламов. Но кульминация фильма, первый матч Суперсерии-72 с канадцами, происходит без Тарасова. И мы понимаем, что треть фильма будет без второго главного героя. Любой драматург вам скажет, что это катастрофа. Особенно в свете того, что основной конфликт в фильме происходит между ними двумя.*

И вот мы сидели и думали. Дать ли какие-то флешбэки, когда Харламов находится в Канаде, — как он вспоминает, чему его учил Тарасов? Но это был бы очень пошлый, банальный прием. Возникла одна мысль, к которой нас склоняли в том числе и продюсеры. По крайней мере, был серьезный разговор — ну пусть Тарасов поедет с командой в Канаду! Кто, мол, в целом помнит, что он в Москве остался?!

Вот до такого доходило. Но мы понимали, что, если так поступим — это будет безобразие. И потом родилось решение, абсолютно иррациональное, что Тарасов ходит по своему двору с палкой и в каком-то мистическом состоянии помогает команде на расстоянии в тысячи километров. Таким способом была выполнена задача, которую, казалось, выполнить невозможно».

Еще одно невозможное, но не поймешь, в каком смысле — исключение из сценария… Аркадия Чернышева. Местецкий объясняет:

«*Это тоже большой грех, который у нас на душе. Конечно, Чернышев играл огромную роль в сборной. Но не влезал он в этот сюжет, вообще никак не влезал! Получалась просто картонная фигура. Кулагина мы увязали: он тренировал Харламова в молодежной команде ЦСКА, а потом стал вторым у Тарасова — и таким образом проходил через весь сюжет.*

А Чернышева мы с болью в сердце из сюжета в итоге вынули.

Разумеется, со спорами. Мы были этакой тренерской командой, которая думала, оставлять ли в команде игрока. Но в итоге пришли к общему мнению. Чернышеву надо было бы делать весомую роль, а сюжет был и так переполнен».

Интересуюсь у сценариста, насколько исторически правдива фигура Балашова, партийного босса и врага Тарасова. Сам-то их конфликт для того времени абсолютно типичен. Но был ли такой человек взаправду?

«*Это собирательный образ*, — говорит Местецкий. — *Хотя существовал человек, который являлся прототипом Балашова, но мы не стали употреблять его фамилию. Тогда часто бывало, что фигура куратора — то от партии, то от КГБ — была неоднозначной. Мы и фамилию его настоящую не стали называть потому, что этот человек в действительности сделал и много хорошего для команды — об этом и в различных воспоминаниях писалось. Он же многим игрокам помогал, как в нашем фильме, с квартирами.*

Но тогда была такая система, что аппаратчики не могли позволить тренеру получать полный контроль над ситуацией в команде — их задачей было проникать в разного рода щелочки, создавать конфликты. И он просто делал то, что требовала его работа. Что говорить про советские времена — я сейчас вижу много ребят, которые начинают курировать разные хорошие начинания и портят их изнутри. Абсолютно современная история.

Да, конечно, те хоккеисты были патриотами — хотя бы потому, что они находились в состоянии постоянного противоборства с иностранцами. То есть патриотизм для них — вещь совсем не абстрактная. Кроме того, они, конечно, были людьми системными. Многие — военными, а Тарасов — так тот просто пел «Интернационал» перед важными матчами. При этом они же, как куча советских людей, находились в состоянии скрытого диссидентства, этакой внутренней эмиграции. И эпизод с Брежневым в этом смысле абсолютно показателен. То есть Тарасов, конечно, системный человек, но… И вот эту двоякость мы хотели показать.

Очень жаль, что много людей проигнорировало то, что у нас главный антагонизм — между Тарасовым и Балашовым, человеком от системы. С другой стороны, как раз то, что у нас есть фигура Балашова, позволило значительной части интеллигенции этот фильм принять. Потому что, если бы это была простое патриотическое кино, ее отношение было бы совершенно иным».

А теперь почувствуйте весь драматизм ощущений авторов «Легенды № 17» в момент премьеры. Передам его в рассказе двух людей — Местецкого и Тарасовой.

Местецкий:

«*Тарасова была на премьере. До всякого Владимира Владимировича. Я сидел в другой части зала, а Коля Лебедев рассказывал, что она ему сказала: «Вы не обижайтесь, но если мне не понравится, то я встану и уйду прямо посреди показа». Это на официальной премьере, надо понимать напряжение! Страшное чувство. Когда тебе такое говорят и ты отдаешь себе отчет, что это Татьяна Тарасова, человек с непростым характером…*

И она сделает так, как сказала. Коля сидел, вжав голову в плечи, и время от времени косился на ее силуэт. Он рассказал, что после фильма она вышла и, боюсь соврать, по-моему, просто поклонилась ему. В любом случае я читал ее фразы, где она очень хорошо отзывалась о «Легенде…». И говорила, что это — ее отец. Мол, понятно, что Олег Меньшиков внешне выглядит не так, но по духу — вылитый Анатолий Владимирович. И этот фильм попал ей точно в сердце».

Тарасова:

«*Когда была на премьере «Легенды № 17», ни разу у меня не было позыва встать и уйти. Знаете, столько совершенно безобразных фильмов сделали об отце… В одном мама пьет не закусывая. Папа все время в качестве какого-то зверя выступает. И я это действительно сказала. В тот день мне позвонила Нина Зархи* (кинокритик, завотделом зарубежного кино журнала «Искусство кино». — *Прим. И.Р.*) — *и ей вообще заявила: «Не поеду». А она ответила: «Моя подруга была утром на журналистском показе. Тебе можно идти. Иди спокойно».*

Даже специально не одевалась, приехала как есть. И очень благодарна, что испытала… такое. Странное чувство. В конце боялась даже на экран смотреть. Мне казалось, будто папа — здесь. Это и называется великой силой искусства. Честно.

У меня даже два раза это было. Второй — когда мы поехали в Сочи, где фильм смотрела юниорская сборная России перед чемпионатом мира, и туда пришел Путин. И опять ко мне это состояние вернулось на несколько секунд. Я вообще не могла спать. Такая у меня была связь с отцом.

Конечно, матчи Суперсерии он смотрел. Как я уже сказала — на даче, один. Но смотрел. Тут в «Легенде № 17» — художественный вымысел. Это же кино.

Жаль только, что создатели фильма ко мне не обратились. Знала, что об отце снимают — и нашла много его старых фотографий. Думаю, можно было сделать его абсолютно похожим. Ведь у Олега Меньшикова в лице есть то, что было у отца в молодости. Есть у меня одно фото, где просто очень большое сходство. Но они позвонили, когда практически все

сделали, и позвали меня на съемочную площадку. Спросила: «Зачем? У вас же все сделано. Не пойду».

Но это не важно. Потому что в итоге я ему (режиссеру Лебедеву. — Прим. И.Р.) *позвонила и поблагодарила. И Меньшикову — тоже. Видимо, он, достойный актер, просто понял, что папа за человек.*

А ведь по большому счету никто этим никогда не интересовался. Каждая его клетка была направлена на служение флагу. Для него это — Отечество, и это не было придумано. Так мы жили».

Интересно, где Анатолия Тарасова помнят и ценят больше? По какую сторону океана? Иногда у меня возникают на этот счет сомнения. Вот вам на этот счет в качестве постскриптума две цитаты.

«*Мне тут недавно прислали из России книгу, выпущенную к его столетию,* — улыбается Скотти Боумэн. — *И российский почтовый конверт с его изображением. Это сделал Алексей, его внук. Президент клуба «Золотая шайба». Старый знакомый Тарасова Лу Вайро из федерации хоккея США взял то и другое у Алексея, чтобы переслать эти вещи мне. Великолепные сувениры, большое спасибо!*»

Татьяна Тарасова сетует:

«*Нет ни улицы папиной, ни школы имени Тарасова. Тот же Озеров жил недалеко от нас, в Загорянке. Они с папой в теннис играли. Улица Озерова там есть, а Тарасова — нет. Но то, что нет школы, расстраивает меня больше…*»

…А я, слушая потрясающую дочь титана, не могу отделаться от мысли-вопроса — что бы он придумал, чего бы добился, уйдя из профессии намного позже пятидесяти четырех?

В этом и видится мне великая недосказанность Анатолия Тарасова.

Часть III
Лев Яшин. Лев Яшин умер в 60 не от болезней, а от невостребованности

Куртка для Эйсебио, самовар для Пеле

Иное интервью планируешь месяцами, а от него в памяти не остается ничего: ни уму ни сердцу. В другой раз еще за час не подозреваешь о встрече — но запоминается она на всю жизнь.

В ноябре 2012 года нас с коллегой Евгением Дзичковским, приехавших в Лиссабон на матч Лиги чемпионов «Бенфика» — «Спартак», жизнь внезапно свела с Эйсебио. 70-летняя португальская футбольная легенда по прозвищу Черная пантера отреагировал на нашу просьбу об интервью так: «Вообще-то я уже давно интервью не даю, но русским десять минут уделить могу. Потому что вы представляете страну моего друга Льва Яшина».

Десять минут превратились в сорок. И на Яшина из них пришлось никак не меньше половины. Самой интересной. Вот один из его рассказов — и представьте себе нечто подобное в современном футболе.

«*Вспоминаю, как советская и португальская сборные играли в матче за третье место ЧМ-1966, и в нашу пользу назначили пенальти. Лев жестом меня спрашивает: «Куда будешь бить?» И я показал ему: вон туда, справа от тебя!*

— Зачем?!

— Потому что он мой друг. А другу и лучшему вратарю мира вдвойне почетно забить пенальти, заранее показав, куда будешь бить — и не обманув. Капитаном сборной тогда был Колуна, и он подошел ко мне: «Что ты делаешь? Это же Яшин, он возьмет мяч!» Отвечаю: «Нет, не возьмет. Причем я буду бить именно в тот угол, в который показал». И пробил так сильно, что мяч только задел его перчатки.

Я забил и, конечно, был доволен. Но мой друг был огорчен, и я сразу после гола подошел к нему и сказал по-португальски: «Мы друзья, но ты — вратарь, а я — нападающий. Мое дело — забивать, твое — защищать ворота. Лев, мне надо было это сделать. Надо». И я увидел, что он все понял».

«*Из России у меня было множество разнообразных подарков, —* расскажет также Эйсебио. *— А самым дорогим стала меховая куртка Яшина, которую однажды подарила мне его вдова. Она у меня до сих пор хранится. Для меня нет дара дороже, и эта куртка поразила меня в самое сердце. А в 2004 году, на домашнем Евро, я во время серии пенальти в четвертьфинале с Португалией так сказал нашему вратарю Рикардо: «Стой на месте, не надо отвлекаться ни направо, ни налево, сконцентрируйся на взгляде бьющего. Так, как делал Лев Яшин». Он последовал этой рекомендации, и мы победили».*

Добавлю к этому, что сам Рикардо, выйдя к журналистам после той победы, первым делом рассказал об этом совете Эйсебио и о том, что слова Яшина стали главной причиной той победы. При том что Льва Ивановича не было в живых уже 14 лет.

…Весной 2014-го в Краснодаре, в академии одноименного клуба, мне посчастливилось беседовать с Пеле, и речь снова зашла о Яшине. Король футбола сказал:

«*Мне всегда доставляет удовольствие говорить о Яшине — человеке, который стал моим первым другом за пределами Бразилии. Он был первым, кто еще тогда, в Швеции, напророчил, что я стану лучшим игроком мира. Потом мы много раз играли друг против друга и никогда не упускали возможности посидеть и пообщаться. Оттого и стали друзьями. А когда его не стало, жена Яшина Валентина подарила мне прекрасный русский самовар*…»

О самоваре вспомнила и Валентина Тимофеевна Яшина, когда мы с ней заговорили о Пеле:

«*С Пеле меня муж познакомил на ЧМ-58 в Швеции, в гостинице, где они все жили. Пробегает черненький мальчишечка по лестнице, а Лев его за шею — хвать! И говорит мне: смотри, этот мальчик скоро станет самым великим футболистом. Он его потом таковым всегда и считал. Правда, Пеле вряд ли понял, о чем шла речь, — переводчика-то рядом не было.*

И не зазнался потом Пеле, всегда нормально себя вел. Вот посмотрите на фотографию — отмечаем «Золотую бутсу» Олега Саленко на ЧМ-94 вместе с самим лауреатом, Пеле, Колосковым. А когда Пеле в Москву приезжал, я ему большой цветной самовар подарила.

Знаком был Лев и с Блаттером, причем задолго до того, как тот стал президентом ФИФА. Когда-то они с Авеланжем приезжали в Москву, и по их приглашению я попала на открытие ЧМ-98. Я, в свою очередь, подарила Авеланжу красивую вазу, а он мне — часы Longines, которые до сих пор ношу».

В рассказах иностранных звезд о Яшине меня всегда поражало одно — они называют его своим другом и рассказывают подтверждающие это истории, при том что советский вратарь не владел иностранными языками! И я попросил как Эйсебио, так и Пеле объяснить этот феномен.

Эйсебио: «*Мы говорили на одном языке — языке футбола. Вот он, мяч* (тут Черная пантера обхватил руками воображаемый предмет футбольной игры)*! Через него мы так понимали друг друга, что не нужно было больше ничего. Яшин был не просто вратарем, а господином в воротах. И большим джентльменом. Настолько уважительно относился к соперникам, что у него не могло не быть множества друзей! Лев всегда будет оставаться*

голкипером номер один в мире.

Часто вспоминаю о нем — и все больше прихожу к выводу, что как футболист во многом сложился благодаря ему. Когда оказываешься способным забить величайшему вратарю в истории мирового футбола — запоминаешь на всю жизнь. И осознаешь после этого, что способен забить кому угодно. У той симпатии, с которой я отношусь к вашему футболу, есть конкретная причина — дружба с Яшиным…»

Пеле на вопрос о феномене дружбы с ним ответил так:

«Мы говорили через переводчика. Но от него исходила такая доброта и обаяние, что разрушались любые барьеры — языковые или какие-то другие. Знаете, мой отец сам был футболистом и учил меня многому в обращении с мячом. Но первое, что он мне внушал, не касалось собственно игры: «Даже если ты станешь большим игроком, даже если родился для того, чтобы играть в футбол, в первую очередь ты должен стать хорошим, достойным человеком». Это я и хочу передать новому поколению. Таким человеком как раз и был Яшин».

Кажется, мы что-то начинаем понимать, правда?

Фуфайка для мальчика Изи и разговор с юным Шилтоном

«Доброта и обаяние», как формулирует Пеле, — то, с чем и ассоциируется, помимо вратарских достижений, фигура Яшина. Еще одну личную историю на эту же тему рассказал мне как-то в Англии выдающийся английский голкипер Питер Шилтон:

«Одним из моих героев, когда я рос в Лестере, был Лев Яшин. Я учился у него на расстоянии. Яшин был таким большим, мощным и в то же время расторопным! А еще он носил черную форму — и это тоже деморализующе влияло на чужих нападающих. С его габаритами, спокойствием, да еще и во всем черном, он казался мне неуязвимым. У него был свой стиль! Мне тоже хотелось быть таким, и я не раз признавался себе в этом.

Однажды мне ужасно повезло. В 15 лет я делал первые вратарские шаги в «Лестере». И московское «Динамо» приехало в наш город на товарищеский матч. Я был страшно взволнован тем, что увижу великого Яшина. Но оказалось, что он сломал руку и играть не мог.

И все-таки счастье оказалось на моей стороне. После матча я его увидел, преодолел робость и подошел. Мы поговорили. Не помню слов, которые русский голкипер — кажется, через переводчика, — мне сказал, давно это было. Но осталось ощущение. Вблизи Яшин оказался так приятен, незаносчив и скромен, что я был просто поражен. Только представьте, кем тогда был он и кем я. Когда ты юн и лично встречаешься со своим кумиром, то очень важно, какое впечатление он на тебя произведет. Таков ли этот человек, каким его себе представлял. И Яшин оказался таким, как мне хотелось, чтобы он был. Очень-очень добрым.

С тех пор я всегда разговариваю с юными голкиперами. От многих слышал, что людям это нравится. Иные коллеги ограничиваются раздачей автографов, а на вопросы, которые задают им начинающие футболисты, не реагируют. Это неправильно».

Легенду о черной форме Яшина, однако, в нашем разговоре развеяла его вдова Валентина Тимофеевна:

«Все говорят о черной форме Льва, а на самом деле она была очень темно-синей! Шерстяная фуфайка с нашитым номером «1». По-моему, все вратари его поколения играли в темной форме. Когда в 2000 году получала за Льва приз лучшему вратарю столетия, знаменитый Зепп Майер говорил: «Раньше все вратари были в черном — и их было не спутать ни с кем. А теперь красные,

желтые, синие — как попугаи! Иной раз смотришь на поле — и не понимаешь, где вратарь».

Почему все вратари в темном играли? Потому что поля, особенно по весне и осени, грязные были, а на черной форме эта грязь менее заметна. Когда он привозил домой свою амуницию, вся ванна становилась черной, да еще и опилками заполнялась: вратарские площадки, чтобы голкиперы совсем в жиже не тонули, тогда ими посыпали».

«*Улыбка Яшина всех притягивала*», — так объясняет магию вратаря за пределами поля Валентина Тимофеевна, человек, который об этом знает лучше всех в мире. Однажды она рассказала мне об истоках этой яшинской доброты, для которой Пеле, Эйсебио или юному Шилтону не нужен был никакой перевод:

«Во время войны Лева все время приводил домой мальчика Изю, который жил в многодетной семье где-то рядом, в бараках. Лев говорил: «Им есть нечего», — и Изю все время подкармливали. А как-то снял с себя фуфайку и отдал ему, сказав родителям: «Там много детей, им носить нечего». Мачеха даже немного обиделась: фуфайка новая, у самого Левы маленький братик растет, отдал бы ему…

В общем, доброта в нем сидела с детства. И когда молодые игроки приходили в «Динамо», он считал, что надо обязательно уделить им внимание. Потому что сам в дубле был года четыре. Однажды (в 1950 году. — Прим. И.Р.) *поставили в основной состав — вышел на замену вместо травмированного Хомича со «Спартаком». Получилось нормально, но в следующем матче, с тбилисским «Динамо», пропустил четыре гола. После этого еще на два года на лавку засадили.*

И вот то, что Лев тогда пережил, он переносил на тех молодых — мол, и им может выпасть такая же доля. Поэтому всегда был к ним внимателен. Не то, что заводил дружбу, но очень по-доброму к ним относился.

И сохранилась эта доброта до конца жизни. Как-то встречались ветераны, и локомотивец Виктор Ворошилов подошел ко Льву: «Помнишь, я тебе больше всех — шесть штук забил!» Иной рассердился бы, а муж ответил: «Каждый гол твой помню. Такой мастер и должен забивать!»

К нему всегда детишки тянулись. Причем даже ошибки исправляли! В Швеции на ЧМ-58 шел он по парку, а рядом мальчишка бежал. Лев выкурил сигарету и бросил окурок под ноги. Так его поразило, как тот мальчик подбежал, ямочку выкопал и окурок туда закопал. И показал Льву: нельзя так! А сколько фотографий, где Яшин на обожаемой им рыбалке, — и рядом с ним

ребятишки, которых он или угощает, или на чем-то расписывается.

Я удивлялась, как при незнании языков Льву удавалось с иностранными игроками задружиться. У футболистов есть общие слова, термины, жесты, мимика… Ну и улыбка Яшина всех притягивала. В 71-м, после прощального матча в Москве, ему итальянцы решили тоже устроить проводы в Милане. Так он то с одной группой игроков общался, то с другой… Смеялись, руками махали — и отлично друг друга понимали!

Хотя и Лев, и другие ребята жалели, что не выучили языков. Я много говорила и с Качалиным, и с Якушиным: организуйте уроки, они все равно месяцами сидят на сборах и время теряют! Первый год после нашей свадьбы отмечала, сколько дней Лев проводит дома. Получилось всего 144 из 365 — чуть больше трети… Но на эту идею никто не среагировал.

Футболисты — большие шутники, и необязательно нужны слова. На матче сборных Англии и мира в одной команде со Львом был классический немец Шнеллингер, который весь матч поворачивался к мужу и кричал нарочито: «Яшин, арбайтен, арбайтен!» Он сказал мужу в раздевалке на прощание: «Сейчас домой приедешь — и Хрущев тебе мешок с деньгами отвалит». Эта шутка тоже всем очень понравилась. Как же — отвалил…

Раньше тоже травмы были — Лев палец ломал, два раза лежал с сотрясением мозга. Но в основном друг друга берегли. Вот, смотрите фото — в полуфинале чемпионата мира Уве Зеелер перепрыгивает над Львом! Когда в 2000 году сильнейшим вратарем века признали мужа, Зеелер подошел ко мне с переводчиком: «Хочу с вами дружить. Мне так хотелось забить Яшину — но не смог сделать этого ни разу. Надеялся, что удастся хотя бы в прощальном матче, однако и там не вышло!» Я ответила, что для меня дружить с Зеелером — честь. И по сей день на Рождество и Новый год друг друга поздравляем».

Футболисты и журналисты, пишущие об игре, всегда смотрят на нее с разного ракурса. А потому интересно было узнать мнение о Яшине кого-то из именитых зарубежных коллег, лично видевших его в деле. Таких остались единицы, но мне повезло. Весной 2014 года в Лондоне удалось заглянуть в гости к легенде английской журналистики, культовому многолетнему автору журнала World Soccer, писателю и драматургу Брайану Глэнвиллу, которому тогда было уже далеко за 80.

Чтобы вы оценили уровень компетентности и одновременно остроту памяти в его возрасте, упомяну лишь один факт: он на одном дыхании перечислил мне состав «Динамо» в матче с «Челси» во время знаменитой поездки 1945 года в Англию. Потом

я сверился со статистикой — лишь одна ошибка! Причем на том матче он подростком был лично. И знает, например, что основной вратарь «Динамо» тех лет «Тигр» Алексей Хомич после карьеры футболиста стал фотографом.

Появившись на свет всего на два года позже Яшина, Глэнвилл видел множество его матчей. И говорит:

«*На ЧМ-62 в Чили он сыграл неудачно. У каждого вратаря бывают плохие дни, и к этому надо относиться с пониманием. А вот на ЧМ-66 после гола, который Беккенбауэр на «Гудисон Парк» ему забил в полуфинале, ваш тренер* (Николай Морозов. — Прим. И.Р.) *обрушился на Яшина с несправедливой, по моему убеждению, критикой. Я был на той игре, и это был просто идеально исполненный штрафной. А то, что Яшин отличный голкипер, не подлежит никакому сомнению. Как он сыграл тайм на «Уэмбли» в 63-м году за сборную мира против сборной Англии, не пропустив ни гола! Он устроил здесь настоящее представление.*

Яшин в Англии — это огромное имя, и многие люди считают, что он лучший голкипер в истории футбола. Но мой фаворит, особенно что касается мировых первенств, все-таки Гордон Бэнкс. Кстати, я ни на секунду не сомневаюсь, что его отравили в мексиканском Леоне перед полуфиналом ЧМ-70 против сборной ФРГ…»

С самим Бэнксом за год с небольшим до его ухода из жизни мне довелось коротко пересечься — он был одной из тех звезд мирового футбола, которые 1 декабря 2017 года проводили в Кремле жеребьевку группового турнира чемпионата мира-2018. Спросить его о Яшине сам бог велел. Англичанин безо всяких «но» назвал его лучшим вратарем мира в истории. Когда же поинтересовался, знает ли он хотя бы одно имя нынешнего игрока сборной России, — чемпион мира-66 ответил отрицательно.

Уже много лет гуляет байка, что в 1960 году в Париже на банкете после победы в Кубке Европы президент мадридского «Реала» Сантьяго Бернабеу раздал Яшину и еще нескольким игрокам сборной СССР готовые контракты, чтобы те сами проставили суммы. Валентина Тимофеевна говорит: «*Знаю лишь то, что Бернабеу сказал: «Вы не оценивайте Яшина. Он бесценный». А чтобы куда-то звали — не было тогда такого. Даже по одному ходить не разрешали. Боялись провокаций*».

Парад иностранных легенд, от которых доводилось слышать рассказы о Яшине, закончу немцем — Францем Беккенбауэром. В подтрибунных помещениях «Альянц-Арены» он вспоминал:

«*Лучшие моменты* (ассоциирующиеся с нашей страной) *связаны, конечно, со Львом Яшиным. С великим вратарем мы стали*

друзьями еще в 1968 году. Это произошло, как ни удивительно, очень далеко как от Германии, так и от России — в Рио-де-Жанейро. Нас обоих пригласили сыграть за сборную мира против сборной Бразилии.

Ваших и наших там было по трое — русских и немцев. Ваши — Яшин, Слава Метревели и Альберт Шестернев. Наши — Вольфганг Оверат, Вилли Шульц и я. Мы были соседями в отеле «Копакабана Пэлас» на протяжении шести дней! Русские парни привезли с собой водку и икру. Мы великолепно нашли с ними общий язык. Очень грустно, что ни одного из этих троих уже нет в живых…

А уже спустя много лет после того, как Яшин закончил карьеру игрока, мы с ним встретились в Москве. И у нас был ужин в его московской квартире. Тоже с водкой, разумеется. Это была фантастика, мы очень душевно поговорили!»

Валентина Тимофеевна рассказала мне, что у того визита Кайзера Франца к ним домой была конкретная цель. И вообще, очень хвалила Беккенбауэра за человеческие качества.

«*Когда Лев был жив, они ужинали с Беккенбауэром у нас дома. Франц тогда задумал и потом написал очень хорошую книгу. Он объехал всех, с кем играл в сборной мира, — побывал дома у Пеле, Эйсебио, Чарльтона, Яшина и других, а потом описал все увиденное. И прислал нам экземпляр.*

Уже после смерти Льва он приезжал в Москву, на его могилу ходил. А как-то раз на пересадке во Франкфурте я не знала, как дойти до моего терминала, — аэропорт-то огромный — так он довел меня до самой посадки. Была еще ситуация в 92-м, когда меня пригласили на церемонию объявления сборной мира за полвека, куда Яшин тоже попал. Вот только обратный билет мне наши товарищи взяли на следующий день, то есть я даже не успевала посмотреть открытие Euro! Спрашивается: зачем еду — чтобы взять приз и сразу уехать?!

И вот на церемонии встречаю знаменитого немецкого журналиста Хайманна, который хорошо разговаривал по-русски и был близко со Львом знаком. Описываю ему ситуацию, а мимо идет Беккенбауэр. Хайманн говорит: «Сейчас». И Франц в два счета решает вопрос, чтобы я на два дня позже улетела».

Бывает так, что дружба с мужем после его смерти на жену не распространяется. У тех, кто общался с Яшиным, всегда было по-другому. Такие люди.

«Я бы, может, и не вышла за него… да часы было жалко!»

Разговаривать с Валентиной Яшиной — огромное удовольствие. Каждую минуту что-то узнаешь. О том, например, что после победного для сборной СССР финала Кубка Европы-60 на поле «Парк де Пренс» выскочили тысячи болельщиков, и началась такая кутерьма, что один из фанов сорвал кепку с головы Яшина и рванул сквозь толпу — поминай как звали. Вопреки тому, что писали в газетах (будто кепку нашли, и полиция вернула ее Льву Ивановичу), головной убор так и сгинул. И, что самое интересное, больше ни разу в карьере Яшин в кепке не играл.

А каким был роман Льва и Валентины? Об этом спутница жизни великого вратаря рассказала мне тоже много небанального. Неглянцевого.

«*Он жил в Тушине — и я тоже. Мы, девчонки, ходили, смотрели, как тамошние футболисты заводской команды играют. Я знала, что есть такой — Яшин, но знакомы мы в ту пору не были. Зимой на каток ходили — и он за мной, оказывается, наблюдал. Я его там не видела, а он потом рассказывает: «Помнишь, ты там-то каталась?»*

Там, в Тушине (оно еще было пригородом, а не частью Москвы), у нас был первый парень на деревне, и я с ним какой-то кружок на катке прокатилась. Уже потом, когда поженились, Лев мне об этом напомнил. «Так ты видел? — говорю. — Что же тогда не подошел?!»

А лично познакомились на танцплощадке. Он уже играл за дубль «Динамо». Когда его первый раз поставили в основной состав, даже репортаж вели по радио — телевидения не было еще. И все у нас знали: ой, наш Яшин играет в «Динамо»! Но во втором матче он пропустил четыре мяча за один тайм от тбилисцев, и, хоть матч тот команда и выиграла, его еще на два с половиной года в дубль отправили.

Лев приезжал — родители-то по-прежнему жили там, в Тушине. И вот однажды футболист с завода подходит, говорит: девчонки, а сегодня Яшин приедет. Хотите, с ним познакомлю? Мы с подружкой: хотим. И вот появляется Яшин — долговязый такой, в солдатских сапогах большего размера, которые болтаются на ногах. Но танцевал неплохо».

Была ли это любовь с первого взгляда? Сейчас-то все равно уже не проверить, и Валентина Тимофеевна вполне могла бы

ответить: «Да». Но исторической правде противоречить не желает.

«Я бы не сказала. Но, когда он пошел нас провожать (а жили мы далеко от танцплощадки), подружка шепчет мне: «Кого последней пойдет провожать, значит, та ему и понравилась». Лев проводил сначала ее, потом меня. Так и пошло…

Правда ли, что долго не хотела выходить за него замуж? Да, года четыре встречались. Почему? Трудно сказать. Уезжал надолго, месяцами не виделись. Это, конечно, влияло на отношения. Потом, он в общежитии жил… Хотя Лев-то был настроен на свадьбу. Однажды гуляем по улице Горького: а там магазины, витрины, и в одну из них видим, что продается какой-то сервиз. Он и говорит: «Когда поженимся — такой сервиз купим». Вроде прямое предложение и не делает, а на что-то намекает.

Однажды говорит: «Бабушка уже рюмки покупает, готовится…» — «К чему готовится?» — «К свадьбе». — «А ты меня хоть спросил, хочу ли я за тебя замуж выходить? А то бабушка готовится, понимаешь…» — «Ты что, меня не любишь, что ли?» Отвечаю: «Да просто не собираюсь сейчас замуж выходить». И на какое-то время мы расстались. Он говорит: «Вот когда тебя все бросят, тогда позвонишь».

Как-то в одной компании с девчонками незамужними собрались: всем по 18–19, а мне — уже 24 с половиной. Старуха! Сейчас понимаю: как старость быстро приходит, так и молодость — проходит. Вроде все молодая, а потом — бах! И ребята-ровесники все уже вроде переженились… Ну, я и позвонила. А может, встретились случайно — трудно сказать. Но при встрече он сказал: «Ну как — все бросили?» Я промолчала.

Потом они с «Динамо» ездили в Швейцарию, и Лев оттуда привез мне настоящие швейцарские часы. И его друг Вова Шабров привез такие же своей девушке. Но та не стала с ним встречаться, а часы себе оставила.

Я бы, может, со Львом и разошлась бы, не вышла бы за него… Да часы было жалко! У меня никогда не было часов, а тут — такие. Если бы разошлись, их надо было бы отдать. Оставить себе, как та, шабровская, я не могла, совесть замучила бы. И отдать жалко…

В общем, приехал он как-то и говорит: «Я уже дату назначил. Бабушке сказал, всем сказал: «На Новый год мы поженимся»». Ладно, думаю, поженимся, а там видно будет. Так и поженились — в канун 1955 года. А через шесть дней он уехал на сборы. На два месяца! И я плакала. Думала: зачем я это сделала, кто заставлял меня замуж выходить?! Ну а потом приспособились друг к другу. И я его тоже полюбила…»

От каждого слова, которое произносит Валентина

Тимофеевна, веет поразительной искренностью. Это истинная, непридуманная история, и в ней, на мой взгляд, заключается ее главная ценность. Легко ведь было соорудить легенду о взаимной любви с первого взгляда, — а Яшина рассказывает, к примеру, быль про швейцарские часы, которые ей так не хотелось возвращать. Но ведь так оно в жизни по-настоящему и бывает. По утверждениям всех без исключения общавшихся с ними людей, они были настоящей семьей.

А свадьба у Яшиных вышла тоже своеобразная. Женитьбой мечты ее едва ли можно было назвать.

«Льву как раз дали комнату на Маяковской, в коммунальной квартире. Там и отметили. Это было на сам Новый год. А 1-го поехали к его бабушке, на ее квартиру. Там в одной комнате одна ее дочка с мужем, в другой — другая, а в третьей сама бабушка жила еще с двумя детьми. Приехали и другие — впервые после войны. Накрыли стол. Не виделись все вместе очень давно.

И когда все собрались, сидим — а все как-то сгруппировались по интересам. Родственникам — не до этой свадьбы, они между собой разговаривают, а о нас все забыли. Лев сидит-сидит, и как крикнет: «Горько!» А у меня была подружка, Шубина Лида, тогда в ГИТИСе училась, а по сей день артистка театра Ермоловой. Говорю ей: «Крикни: «Горько!» Они кричат, мы тогда поцелуемся, все спохватятся, встряхнутся… А потом опять забывают. В общем, часа через два-три мы тихонечко ушли, и, кажется, этого никто и не заметил. Уехали на свою Маяковскую».

Спрашиваю, часто ли Яшины ссорились. И бывали ли случаи в их отношениях, когда Валентине Тимофеевне было совестно.

«У нас никогда не бывало громких ссор. Не предъявляли никогда претензий друг к другу — хотя иногда надо было бы. К нему особенно… (Улыбается.) *Когда дулись друг на друга — замолкали. Но долго молчать не могли. На следующий день уже разговаривали, будто ничего и не произошло. Лев не мог долго молчать. Начинал подлизываться: «Ну ты что?» А вообще, кто виноват — тот и делал первый шаг навстречу.*

Однажды Лев меня подначил, сказал: «А у тебя ножки тоненькие!» Я же, только чтобы что-то ответить, заявила: «А у тебя кривые!» Во время следующего матча смотрю — он с ноги на ногу всю игру переминается. Так оказалось, что он все время насчет кривых ног думал!

Вот, думаю, идиотка! Я так жалела, что ему это ляпнула… Но всякая история же легендами обрастает — и спустя много лет я прочитала, что якобы каждый раз ему говорила, что у него ноги кривые. Да я в жизни такое хамство бы себе не позволила. Один раз сказала (и не потому, что это было действительно так, а

просто чтобы отреагировать на Левину реплику) — и потом места себе найти не могла».

«А что Лев Иванович любил есть? — тоже ведь интересно. — В первом номере еженедельника «Футбол» в 1960 году было его интервью, и на вопрос о любимом блюде Яшин неожиданно ответил: «Омар под майонезом. Лучше всего его готовят во Франции».

«*Это он схохмил. Просто команда ездила в Швецию, и один из ребят возмутился, что не то подали. И сказал: нам бы омаров под майонезом. И Лев так рассердился! Приехал домой и говорит: ишь чего захотели? Дома слаще морковки ничего не ели, а за границей начинается выпендреж. На самом деле он был всеядный, ел все подряд. Очень любил каши, что редко встречается среди мужиков. И сам готовил неплохо*».

«Одна бабка прибежала с ведром спирта: «где здесь Яшин?»

Яшин не был верующим — как и его родители. Но его жизнь доказывает, что отношение человека к религии не имеет вообще никакого отношения к человеческим качествам.

Его джентльменство не было наигранным, показным. Хотя в игре он мог и вспылить, но это оставалось только на поле. Спартаковец Валерий Рейнгольд вспоминал:

«*В матче с «Динамо» я пенальти заработал, и мы выиграли. Лева, Лев Иваныч, при выходе один на один двинул так, что меня нашатырем откачивали. Я вправо его обкидываю, и он мне двумя руками как дал! Но на Яшина никто обид не держал. Идем в автобусы, он мне в коридоре говорит: «Валер, понимаю — больно, я не прав. Но это футбол». — «Лев Иваныч, какие проблемы? Все нормально!»*

Не только от Рейнгольда — вообще ни от кого я не слышал ни слова о яшинской заносчивости. Ее не было — хотя уж у него оснований для «звездняка» имелось больше, чем у кого-либо другого в отечественном футболе. Но вот, например, Алексей Парамонов говорил:

«*Когда-то я в Тунисе работал старшим тренером и стал чемпионом страны. Так мальчишки мне как русскому там кричали: «Яшин!» А мы со Львом Ивановичем много лет работы в Федерации футбола СССР сидели в одном кабинете. После того, как Яшина освободили из «Динамо», никто его не брал, и только федерация пригласила его заместителем председателя комитета по воспитательной работе. Подсадили его третьим ко мне с коллегой, поставили дополнительные стол и стул. Нам было очень приятно.*

Скромный, добрый, даже застенчивый человек — несмотря на свой рост. К нему болельщики запросто приходили, беседовали — охраны тогда не было. Еще он отвечал на письма людей, которые нам переправляли из ЦК партии. Раньше таких писем было очень много — по результатам, календарю, судейству, да по чему угодно. И на каждое обязаны были ответить, и этот ответ пересылался из федерации в ЦК, а оттуда — автору. И, если обратное письмо было подписано Львом Яшиным, это людей успокаивало и удовлетворяло.

А однажды его позвали в Одинцово на 23 февраля. Полный зал народу, человек пятьсот. Лева как полковник внутренних войск выступил, а потом был небольшой фуршет, и мы сели перед двумя самоварами. Женщина — секретарь горкома загадочно сказала: «В

одном — чай с заваркой, в другом — без». Мы, конечно, выбрали с заваркой, и оказалось, что это — коньяк. А тот, что без заварки, — водка. Тогда в разгаре была кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, так что организаторам пришлось маскироваться».

Мы же понимаем, в чем в России выражается народная любовь. Вспоминал о том и Анатолий Исаев: «*А как нас, когда мы ехали после победы в олимпийском Мельбурне на поезде из Владивостока в Москву, люди встречали! Одна бабка прибежала с ведром спирта: «Где здесь Яшин?» Не взять его Лева не мог — людей уважить нужно было*».

Главный тренер московского «Локомотива» Юрий Семин выиграл вместе с 40-летним Яшиным Кубок СССР 1970 года — последний яшинский трофей как действующего игрока. В финале их «Динамо» обыграло тбилисских одноклубников — 2:1 при 103 тысячах зрителей в «Лужниках».

Юрий Палыч, который родился на 18 лет позже великого одноклубника, делится впечатлениями от игры и жизни рядом с Яшиным:

«*Он оказался невероятно простым для такой легенды человеком. И очень прямым, никогда не скрывавшим своего мнения — оттого с ним было сложно любому тренеру. А ребята его обожали — так много для Яшина значила команда. Когда проигрывали, нам в первую очередь перед ним было стыдно. Нас, молодых, всегда поддерживал и нашей компании никогда не чурался. А однажды мы со Львом Ивановичем съездили в гости к Владимиру Эштрекову в Нальчик, и там ради дорогого гостя зарезали барашка*».

Насчет «невероятно простым для такой легенды» Семин сформулировал абсолютно точно — чего у Яшина точно никогда не было, так это высокомерия. Он всегда стоял обеими ногами на земле. Может, потому что с самого начала жизни ему пришлось несладко, и он знал цену каждой маленькой радости.

«*Родители Льва были простыми рабочими людьми,* — рассказывает Валентина Тимофеевна. — *Папа — то ли токарь, то ли слесарь высокой квалификации. Мама работала на резиновой фабрике «Красный богатырь», но умерла от туберкулеза очень рано — Леве было где-то шесть лет. И сестреночка была грудная — но, пока мать лежала в больнице, тоже заболела и умерла.*

Через год отец женился по новой — на телеграфистке с Центрального телеграфа. Вскоре у них родился сын Борис — брат Льва. В 41-м началась война, и семья уехала в эвакуацию под Ульяновск. Там они — и маленький Лев тоже — под открытым небом строили завод, который потом перевезли в Тушино и где

муж подростком работал после окончания войны.

Отец и мачеха Льва меня приняли очень хорошо. У моего мужа с мачехой на какое-то время испортились отношения, когда в юности Лев вместе со своим другом Шабровым бросили работу, ушли с Тушинского авиазавода и подали заявления в армию (потом они служили в погранвойсках в Сокольниках). По этому поводу в семье начались распри, и Лев обиделся на нее, что она не организовала ему проводы. Но потом, когда мы уже поженились, они помирились, замечательные отношения были восстановлены. У Льва были прекрасные родители, и наверняка во многом благодаря им он был таким добрым человеком. Мачеха много рассказывала мне, какая доброта у Левы проявилась еще в детстве…»

Для других он делал много. Но не для себя.

«*Вот смотрите: холодильник у нас с 71-го года стоит,* — показывала мне кухню Валентина Тимофеевна. — *Лев ведь ничего для себя просить не умел. Для кого-то другого добиться квартиры, поехать, похлопотать — с удовольствием. Но только не себе… Он терялся: «Как я пойду, что скажу?» Те же холодильники тогда продавали по талонам — так он тоже кого-то из друзей попросил, чтобы добыли ему этот талончик. Сам не мог, стеснялся.*

Везде мы стояли в очередях, как все. Когда он уже перестал играть, поехали в «Лужники», встретили Симоняна. Почему-то пропусков на нас не было — так они, великие игроки, пошли в обычную кассу. Народ удивлялся, а кто и возмущался: надо же, Яшин и Симонян стоят за билетами!

За 20 лет Лев, может, две или три фуфайки сменил, когда у них рукава совсем уж, до дырок, протирались. Но брал точно такую же. Может, летом в шерсти жарко играть, зато не больно. Лев ведь еще обязательно под форму, которая была на всеобщем обозрении, надевал строченые ватные трусы. И сердился на вратарей, которые подобного не делали. Говорил: «Нельзя так играть! Бедра на ровном месте ушибить можно, синяки, кровоподтеки обеспечены, мышцы будут рваться. И упасть лишний раз будешь бояться. Здоровье беречь надо!» Еще его выводило из себя, что иных игроков не заставить было надеть щитки. Он их фраерами называл.

Майками тогда в Союзе никто не менялся: форму сдавать надо было. Помню, когда Лев провел прощальный матч в 71-м, из «Динамо» ему прислали распоряжение сдать всю форму и даже перчатки, которые он, рваные, сам зашивал! Мы смеялись, но он все сдал. Ни одной динамовской фуфайки не осталось. И так было каждый год: в конце сезона я форму перестирывала, чтобы в приличном виде сдать.

На память осталась только одна игровая майка, но не черная,

а желтая. И с 13-м номером. Та самая, в которой он сыграл на ноль в Лондоне за сборную мира в игре, которую видела вся планета. Никто этот 13-й брать не хотел, а Лев сказал: «Ну ладно, дайте его. Мне-то какая разница?» И после удачной игры до конца жизни считал «чертову дюжину» счастливым для себя числом».

Рассказы о холодильнике по талону, который стоит дома у лучшего вратаря мира всех времен уже без малого полвека; о форме, которую он обязан был сдавать, из-за чего дома сохранилась лишь одна игровая фуфайка, и та иностранная; обо всем том, еще более ужасном (поскольку не материальном, а человеческом), что вы узнаете ниже, — это ведь не только о яшинской судьбе.

Это о всей той нашей стране и ее людях, об отношении государства к ним.

Это о том, почему даже самые великие из них умирали, бог знает сколько не дожив до старости.

Это, наконец, — о сегодняшней странной ностальгии по Советскому Союзу, которую отчего-то испытывают многие из тех, кто тогда еще не жил.

По людям и человеческим отношениям тех времен (и то не всех — уж точно не в 30-е, например) ностальгировать можно и нужно.

Но не по системе, которая этих людей перемалывала и выплевывала, как только те становились ей не нужными. В том числе тех, кто приносил стране славу и не доставлял никаких проблем.

Перемолола и Яшина.

«Когда шла травля, нам окна камнями два раза разбивали»

Даже лучшие вратари планеты далеко не всегда находятся в идеальной форме. И, может, тот чилийский чемпионат мира 1962 года Яшину лучше было провести на скамейке запасных. Но, кажется, сама судьба неотвратимо вела его к этому тяжелому испытанию, к проверке на прочность, после которой Черный Паук стал еще сильнее. Об этом я думал, сидя поздней осенью 1994 года в квартире Владимира Маслаченко у метро «Сокол» и слушая драматичный рассказ прославленного вратаря, а позже телекомментатора.

«*Чемпионат мира 1962 года в наших газетах все эти годы преподносился как трагедия Льва Яшина. А другой главный неудачник Чили-62, о котором даже в зарубежных изданиях того времени писали не меньше, у нас обойден вниманием. Это я.*

В 60-м; после Кубка Европы, был товарищеский матч в Австрии. С утра зарядка в Венском лесу, и Яшин мне вдруг говорит: «Володя, хочешь сыграть?» Я ответил: «Нет, я еще слишком молод, чтобы руководить такими звездами». К тому же я не хотел никаких подарков. Прошел год, я завоевал приз журнала «Огонек» (лучшему вратарю сезона в СССР. — Прим. И.Р.)*, впервые обыграв Яшина. И тогда я понял, что готов. И мысленно сказал: «Иду на вы».*

Перед чемпионатом мира все знали — Лева не в форме. Он болел, у него была травма, он почти не тренировался. Он сам признавал: на чемпионате мира должен играть Маслаченко. О том же говорили такие авторитетные в команде люди, как Игорь Нетто и Валентин Иванов. Жизнь мне дала удивительный шанс посражаться с самим Яшиным, и я чувствовал — на этот момент победа за мной. Как бы я сыграл на чемпионате мира — другой вопрос, гадание на кофейной гуще.

Но стопроцентного места в составе я все равно не имел. Играли поочередно с Яшиным. Ни мне, ни кому другому не было дано победить комплекс Яшина, которым были больны все наши тренеры и руководители. Они не могли себе представить, чтобы кто-то другой мог встать в ворота сборной.

И играли мы с Коста-Рикой товарищеский матч прямо накануне чемпионата. Стоял Яшин. В перерыве зашел в раздевалку и сказал: «Володька, бери перчатки. Я не в порядке, тебе играть на чемпионате». Но Гавриил Качалин настоял, чтобы Яшин доиграл матч до конца. На следующий день стоял уже я. И, когда в

очередной раз бросился в ноги форварду, местный парень вместо того, чтобы ударить по мячу, что есть силы врезал мне ногой по лицу. Перелом верхней челюсти. Лучший хирург страны семь часов делал мне операцию. Накануне самого чемпионата я присоединился к команде уже чисто символически.

У Льва Ивановича был сумасшедшей силы характер. В памятном матче с колумбийцами, где мы вели 4:1 в середине второго тайма, а затем пропустили три мяча подряд, именно Яшин спас нас от поражения. На последней минуте он вытащил такой выстрел в левую «девятку», который был абсолютно неберущимся. Я в тот момент закричал так, что прямо на трибуне потерял сознание и упал на сидящих ниже зрителей.

Но на морально-волевых можно сыграть один, максимум два матча. И Яшин это прекрасно понимал и безумно переживал — как истый спортсмен и настоящий мужик. Я входил, несмотря на травму, в бюро делегации (был комсоргом) и был во все события вовлечен. Когда вышли в четвертьфинале на чилийцев, было бурное совещание, где Яшину, Нетто и мне удалось убедить Качалина поставить несколько свежих футболистов, не игравших с Уругваем. Мы вспоминали Швецию-58, тренер соглашался.

А потом была установка. Я боковым зрением заглянул в тренерский блокнот — и обомлел. Состав был прежним, уругвайским. Оказалось, после нашего совещания прибыли вышестоящие «наблюдатели». Которые все и решили.

Но матч с Чили мы все равно должны были выигрывать. Лев Иванович пропустил два нелепых, совершенно «неяшинских» гола. Сначала был штрафной, с левого угла, оставалось метров 18 до ворот. Никогда бы Яшин, будучи в форме, не занял так позицию, уйдя в дальний угол и поставив в стенку двух человек. Форвард Санчес сделал то, что сделал бы любой, обладающий резаным ударом.

А затем, при счете 1:1, диспетчер чилийцев Рохас, не видя вариантов продолжения атаки, решился на удар с 35 метров. Это был лучший для нас вариант, и поэтому я даже закричал: «Бей!» Кабы знать… Он, гад, ударил. И Лева опоздал с прыжком в левый нижний угол.

Потом была раздевалка, усохшие, опустошенные лица. И как ребенок плакавший Яшин. Я подошел к начальнику команды Андрею Старостину и тихо спросил его: «А если бы я был в потрясающей форме, вы поставили бы меня сегодня в состав?» Старостин честно ответил: «Нет. Как может Яшин не выйти на поле?» Это была действительно трагедия. Трагедия Льва Яшина и тренеров, не сумевших в этот момент победить в себе «комплекс Яшина…»

Валентина Тимофеевна говорит:

«Точно знаю: у Левы не было врагов. Он и со своими дублерами прекрасно общался. Много лет за его спиной был Володя Беляев. По таланту, может быть, он был даже и выше Левы. Но тренеров тоже можно понять: заиграл вратарь, значит, он и стоит. А они с Беляевым столько лет конкурировали — и дружили.

Даже в сборную иногда их брали вдвоем! Семьями общались, и отношения были такие хорошие, что мы даже ездили к Беляевым в гости в Нальчик. Оба — юморные… Лев за Володю особенно переживал. Я, говорит, виноват в том, что он так и остался в «Динамо», никуда не ушел. Он мог пойти в любую команду и стать первым. Но муж ему говорил: «Володь, ну я ж не вечный, долго уже играю. Могу сломаться в любой момент. Кто в «Динамо» останется?» В итоге Беляев остался, а потом уехал уже к себе в Нальчик.

И с другими вратарями были отличные отношения — с Ракитским и Лисицыным в клубе, Разинским и Маслаченко в сборной. Когда поехали в Чили на чемпионат мира, в Коста-Рике остановились на игру с местными, и Володе челюсть сломали. Его положили в больницу — и Лев первым пришел к нему. Там была смешная история. Когда Маслаченко хоронили, хотела рассказать ее, но порвала листочек. Потом пожалела.

Лев рассказывал, что приходит к Володе в госпиталь, тот лежит весь обмотанный. Одни ноздри торчат — и глазки в дырочках. А все остальное в бинтах. В это время приходит сестричка-костариканочка, черненькая, длинноногая, в коротеньком халатике — делать ему укол. Володька, парень юморной, и говорит: «Так и хочется пошлепать ее по попе!» Лев расхохотался. Представляешь, говорит, он лежит со шприцем в голой попе, весь обмотанный, лица не видно — и еще шутит! А в это время врач приходит: «Смеетесь? Это очень хорошо. Способствует быстрому выздоровлению».

Мне всегда хотелось знать о Яшине что-то настоящее, не глянцевое. О его футбольных достижениях все было зачитано до дыр еще в детстве. История о том, как после неудачного ЧМ-1962 его затравили в советской прессе и на наших трибунах, а на следующий год он выиграл «Золотой мяч», тоже стала классикой преодоления.

Об этом, конечно, я тоже не мог Валентину Тимофеевну не спросить. И вот что услышал:

«Когда после ЧМ-62 началась травля Льва, он хотел уйти из футбола. Первый раз после Чили в Москве на поле вышел — его так освистали, в его адрес столько всего орали… Два-три матча такое творилось. Телевидения тогда не было, спортивные журналисты так далеко не полетели, и вся страна судила о его

игре против хозяев по отчету корреспондента АПН, который смыслил в политике, а не в футболе. И все решили: Яшин чемпионат мира и продул.

Почему болельщики так отреагировали? Да разве это в одном футболе происходит? У нас все так… Должен быть крайний. И, чтобы начальству как-то «отмазаться», свалили все на Яшина. Он ведь какое-то время даже не тренировался. Тренер «Динамо» Александр Пономарев поддержал Льва, говорил: «Все обойдется». Видя, что творится, отпустил на какое-то время из Москвы на рыбалку. И только потом муж начал потихоньку в дубле тренироваться, но в «основе» вышел лишь в следующем сезоне.

Когда шла травля, нам окна камнями два раза разбивали. Но не знаю, в связи с этим или нет. У нас еще фонарь под окном висел — может, в него хулиганы целились? И на машине пыльной писали кое-что. Нецензурное — и вот тут точно в его адрес. Но думаю, что в основном все разжигали в печати и по радио, и людей заводило как раз это.

А вернулся в состав он в Тбилиси. Там все было добрее. Кто-то крикнул с акцентом: «Ящин — дирка!» — и все расхохотались. Но это звучало так по-доброму, что ему даже понравилось».

Вот красную ковровую дорожку для возвращения в ворота сборной СССР ему никто выкладывать не собирался.

«*Константин Бесков его тогда все время вызывал в сборную,* — рассказывает Валентина Тимофеевна. — *Но не только перед играми, но и перед тренировками говорил: «Лев, да ты отдыхай, отдыхай». И это продолжалось долго. Даже ребята глаза опускали, им было неудобно.*

Как-то приехала на электричке к нему на сбор. Муж говорит: «Я, наверное, с тобой сейчас уеду». — «Почему?» — «Бесков не дает мне тренироваться. Хочу работать, а он все повторяет: «Отдыхай, отдыхай». Не говорит ничего обидного, не «отцепляет» от сборной — но явно на меня не рассчитывает». Я ответила: «Он сказал «отдыхай» — ты и отдыхай. В клубе потренируешься. А вот уезжать не надо, потому что ты и со сборной, и с футболом тогда покончишь». Он уперся: «Нет, поеду с тобой». Еле отговорила.

В 63-м Лев, вернувшись в ворота «Динамо», в 27 матчах всего шесть голов пропустил! А к ответной игре в Италии все равно Урушадзе готовился. И тут — приглашение в Лондон. Лев поехал, здорово сыграл… Но и после сборной мира Бесков опять хотел Урушадзе поставить. Николай Озеров нам потом рассказывал, что сверху начались звонки. Бескову сказали: вас не поймут, если Яшина не поставите после такого матча в Лондоне! Воздействовали на него — и Лев отбил пенальти от Маццолы, а

ничья вывела нас на чемпионат Европы. И по итогам 63-го года Яшину вручили «Золотой мяч».

Владимир Маслаченко добавляет к этому рассказу жены Яшина еще пару резких штрихов:

«*На просмотре всех сборников в Воронеже стало ясно — ни Яшин, ни я Бескову не нужны, он делает ставку на Урушадзе и Баужу. Тренер относился к нам, как к рабам или подмастерьям, и игроков, знавших себе цену, это оскорбляло. Кстати, так же Бесков относился и к Яшину, и можно только позавидовать выдержке Левы — я удивляюсь, почему он не хлопнул дверью. Но судьба подарила ему знаменитый матч столетия английской лиги, где он сыграл божественно. И общественное мнение заставило Бескова вернуть в сборную великого вратаря, на котором он было поставил крест*».

Не знаю, общественное ли это было мнение или команда из высоких инстанций (хотя Бесков в этом плане был далеко не так договороспособен, как Качалин), но хронология событий заставляет относиться к версии Маслаченко всерьез.

13 октября в домашнем матче 1/8 финала Кубка Европы-64 с Италией ворота сборной СССР в «Лужниках» защищал вовсе не Яшин, а Рамаз Урушадзе. И сыграл, кстати, насухо — в присутствии 102 тысяч зрителей Советский Союз победил 2:0. Казалось бы — к чему искать от добра добра? Но 23 октября Яшин выдает спектакль на лондонском «Уэмбли», не пропустив за отведенный ему тайм ни мяча в показательном матче сборных Англии и мира, нормальным в котором был бы счет вроде 5:5.

6 ноября в товарищеском матче сборной с французской «Тулузой», тем не менее, снова играет Урушадзе. Но четыре дня спустя, 10 ноября, в ответной встрече со «Скуадрой Адзуррой» выходит Яшин — чтобы на 57-й минуте отразить пенальти от Маццолы и по итогам года быть признанным лучшим игроком (не вратарем!) планеты…

То есть голкипер завоевал «Золотой мяч» единственный раз в истории, даже не будучи в том году стопроцентно основным вратарем своей сборной!

Сколько же в футболе парадоксов. Хотя удивления становится чуть меньше, когда смотришь на список игр сборной СССР в 1963 году — и обнаруживаешь, что, кроме двух встреч Кубка Европы с Италией, официальные матчи в нем… отсутствовали вовсе: одни товарищеские. И так у всех — столь скудным был тогда в нечетные годы международный футбольный календарь.

Не играли тогда наши клубы и в еврокубках — это начнется два года спустя. То есть Яшина иностранцы могли увидеть в громких, резонансных матчах лишь дважды — за сборную мира и

в гостях с Италией! И этого хватило. Волшебно сыграв два раза из двух, Лев Иванович, как выразились бы сегодня, снял джекпот. Да, в том году «Динамо» в последний раз по сей день выиграло полноценный чемпионат СССР (в 76-м, уже без Яшина, первенство будет разбито на две части, и бело-голубые победят в весеннем), но за нашим-то железным занавесом никто в Европе этого видеть не мог!

А ведь был в том году и финал Кубка европейских чемпионов «Милан» — «Бенфика», в котором у победителей-итальянцев дубль сделал форвард Жозе Алтафини, а у лиссабонских «Орлов», бравших главный континентальный трофей в двух предыдущих сезонах, забил великий Эйсебио. В финале Кубка обладателей кубков лондонский «Тоттенхэм» громил мадридский «Атлетико» — 5:1 с двумя мячами выдающегося форварда Джимми Гривза…

В те годы «Золотой мяч», учрежденный французским журналом France Football, мог вручаться только европейцам, и можно было бы предположить, что Алтафини, становившийся чемпионом мира-58 в составе сборной Бразилии, попросту не имел на это права. Однако в 1961-м он получил итальянское гражданство и возможность играть за «Скуадру Адзурру» — такие мягкие тогда были законы.

Но нет — лучшим все равно признали Яшина, которому отдали первое место 11 из 21 голосовавших. Алтафини на удивление оказался лишь 11-м с одним-единственным первым местом, а даже ближайших конкурентов советский голкипер опередил с серьезным запасом: у него — 73 очка, у итальянца Джанни Риверы — 55, у англичанина Гривза — 51. Эйсебио стал пятым.

Пожалуй, именно тогда, в 1963-м, Лев Иванович окончательно стал одним из символов Советского Союза. Победитель Олимпиады и Кубка Европы, обладатель «Золотого мяча» (в 1966-м в Англии будет еще единственное в истории попадание сборной СССР в четверку сильнейших на чемпионате мира). И логичен вопрос жене, жили ли Яшины — понятное дело, по советским меркам — богато.

«Да что вы! — всплескивает руками Валентина Тимофеевна. *— Когда познакомились, он получал совсем немного — но и потом ситуация не сильно изменилась. Он всю жизнь мало получал, не знал, что можно больше. Все игроки «Динамо» уже были приписаны к части* (видимо, в воинской части внутренних войск они по тогдашнему обыкновению получали доплату. — Прим. И.Р.)*, а он почти до конца карьеры на стипендии «сидел».*

В 64-м мы вот эту квартиру на Чапаевском получили, тоже не какую-то шикарную. Зато теперь такую любимую… Лев вообще

никогда не умел для себя что-то пробивать — только другим помогал, хлопотал, а за себя ему просить неудобно было.

Водил «Волгу» — и хорошо. Он был единственным человеком, с кем мне спокойно в машине было. Никогда не лихачил, по-европейски всех пропускал, на «зебре» останавливался. Я, кстати, тоже никогда не кичилась, за кем замужем. Знаменитый матч сборной мира со сборной Англии на «Уэмбли» смотрела в радиокомитете, где работала. А потом надо было ехать за дочками — одна была в школе на продленке, другая в детском саду — и поймала такси. Тот сразу разговор об этом матче завел, но я, хоть и гордилась страшно, не сказала, что Яшин — мой муж. Постеснялась…

Общался ли Лев со знаменитостями из других областей жизни? Нет. С Юрием Гагариным он не был даже знаком. Лев не тусовочный, как теперь говорят, человек был. Другие заводили знакомства, он — нет. Разве что Герман Титов даже у нас дома побывал. Когда муж в Высшей партийной школе учился, с ним занимался космонавт — дублер Титова. Он их и свел, в ресторане знакомство отметили. Так отношения и завязались».

Все называют Яшина образцом воспитанности и терпения. Но и он — не робот, а живой человек, и мои собеседники расскажут по этому поводу несколько историй. Они сделают его образ еще более объемным.

Его ровно один раз за карьеру удалили с поля, и решился на такой шаг самый авторитетный футбольный рефери СССР — Николай Латышев. Ни много ни мало — в финале Кубка Союза против столичных армейцев! Правда, стоит отметить, что было это в 1955 году, когда Яшин еще не был ни олимпийским чемпионом, ни обладателем Кубка Европы, ни лауреатом «Золотого мяча». Но ведь и самому Латышеву еще было далеко до обслуживания финального матча чемпионата мира-1962 Бразилия — Чехословакия в Чили…

В 2013 году, к столетию со дня рождения знаменитого арбитра, мы беседовали с 89-летним на тот момент Марком Рафаловым, известным судьей и автором книг о футболе. Он вспоминал:

«*Насколько помню, один из форвардов ЦДСА* (Владимир Агапов, забивший в первом тайме два мяча. — *Прим. И.Р.*) *систематически подталкивал, слегка провоцировал Льва. Он не делал это грубо, но в конце концов, видимо, допек вратаря. И после очередного столкновения Лева не выдержал и то ли ударил, то ли сильно толкнул соперника. Латышев это увидел и тут же показал Яшину, чтобы тот уходил с поля* (красных карточек тогда еще не было. — *Прим. И.Р.*). *Это было правильно, но мог бы Николай*

Гаврилович и раньше пресечь такое поведение армейца. Может, тогда бы и не пришлось удалять Яшина».

Валентина Тимофеевна эту историю вспомнила. Причем в совершенно другой трактовке:

«*Агапов как-то написал, что Яшин ударил его ногой в грудь. Но это неправда. Игра шла у ворот ЦДСА, а Агапов остался один чуть ли не в центре поля. Мяч прилетел к нему, и он один понесся к воротам Яшина. Лев выскочил из штрафной — и, не доходя до нее метра два-три, сделал ему подножку. В грудь точно не бил.*

Агапов упал, назначили штрафной. Пробили — мимо. И тут же ушли на перерыв. Никакого удаления не было. На второй тайм вышли все, в том числе и Лев. Все вроде бы нормально. И вдруг Латышев к нему подбегает и говорит: «Я тебя удаляю с поля за грубую игру». Лев уходит из ворот, а замен ведь тогда не было! К нему подбегает полузащитник Женя Байков, говорит: «Давай, снимай фуфайку, я встану». Муж снял, Байков надел.

Народ ничего не понял, тишина была абсолютная. А когда по стадиону объявили, что с поля за грубую игру удаляется Яшин и в ворота встает Байков, поднялся такой свист! Ему, кстати, так ничего и не забили, хоть «Динамо» и играло в меньшинстве. Но ЦДСА после первого тайма вел в счете — 2:1, так все и закончилось.

Приезжает Лев домой, пасмурный такой. Я его спрашиваю: «Ты что сделал? Зачем ты его сбил?» — «Ну а что было делать? Он выходил один на один. Ни одного нашего больше нет. Он забьет мне гол, сделает 3:1. Да, я грубо сыграл, тот упал. За штрафной — значит, в любом случае не пенальти. Такой тактический фол. Карточек тогда не было, и Латышев меня не предупреждал. А когда вышли на второй тайм, вдруг говорит: «Я тебя удаляю».

Какой скандал после такой истории поднялся бы сейчас — даже представить страшно. А тогда — все «съели». Еще и потому, что авторитет у Латышева был безоговорочный. Его никто ни в чем не подозревал.

Возможно, удалений у Яшина было бы и больше, если бы не всеобщее уважение. Ему прощали больше, чем кому-либо другому. Об этом мне рассказал Владимир Маслаченко:

«*У Льва Ивановича был колоссальный авторитет, в том числе среди судей — его не наказывали даже в тех случаях, когда, казалось, это неизбежно. В финальной стадии ЧМ-58* (Маслаченко там был в заявке сборной. — Прим. И.Р.) *в матче с австрийцами судья (при счете 1:0 в пользу сборной СССР) придумал в наши ворота пенальти, и Яшин не сдержался — бросил в него кепку. Арбитр промолчал, и наш вратарь отбил сложный удар Буцека. В 61-м в отборочном матче чемпионата мира против Турции Яшин*

кулаком отмахнулся от насевшего на него Метина — судья из Израиля опять предпочел не заметить.

На ЧМ-62 соперники Яшина обнаглели. Тренеры, видя, что Лев Иванович не в форме, просили своих игроков постоянно бороться с ним, и однажды это чуть не привело к удалению. В решающем матче за выход из группы с Уругваем Лева опять отмахнулся от явно нарушавшего правила нападающего. Отделались, слава богу, штрафным».

Слегка сорвался Лев Иванович и в другой ситуации, уже обладая всеми своими главными регалиями. Причем забавно, что три человека, с которыми я разговаривал об этой истории в разные годы, излагают ее по-разному. Опять же — Кубок СССР, только полуфинал. 1965 год. «Спартак» — «Динамо». Участники эпизода, помимо Яшина, — Валерий Рейнгольд и Геннадий Логофет, главный тренер красно-белых — Никита Симонян. Плюс еще один первоклассный рассказчик, вспомнивший реакцию Николая Старостина, — Евгений Ловчев.

Логофет:

«*Незадолго до того Бесков впервые взял меня в первую сборную — тогда я был в олимпийской. После тренировок принято было оставаться и «подтягивать» слабые места. А я пробивал Леве пенальти. Куда он «по заказу» просил, туда и бил. Штук двадцать после каждой тренировки.*

И вот «Спартак» играет с «Динамо» в полуфинале Кубка. Рейнгольда сбивают, причем до штрафной, сантиметров на 80 точно, а может, и на метр. Судья дает пенальти. Правда, мы к тому времени уже вели — 1:0, Амбарцумян забил. 103 тысячи народу на трибуне. Понимал ли я, что пенальти «липовый»? Понимал, конечно. Но говорить ничего не стал и отказываться бить — тоже. В результате мы и «Динамо» тогда прошли, а в финале — «Шахтер». И Кубок выиграли.

Обычно пенальти у нас Севидов бил. Разводил мяч и любого вратаря по разным углам, но в тот момент Юрка был дисквалифицирован. И я предложил свою кандидатуру. А мы тогда в «Спартаке» вывели правило, согласно которому пенальти бьют холостяки. Считалось, что у них более устойчивая психика — если не забьешь, жена пилить не будет.

Ставлю мяч на «точку». А перед тем в 63-м году Яшин «Золотой мяч» получил, но мы с ним на «ты» были, он меня звал «молодой». У меня мелькает мысль: передо мной — лучший вратарь мира, а я кто такой? Начинающий защитник. Ну не забью — что с меня взять?

Разбегаюсь — и показываю, что буду бить в правый нижний, а в последний момент как завернул в левый верхний! А Яшин кинулся

туда, куда я вначале показал — поверил, что туда и буду бить. Он-то думал, что я простачок, как на тренировке сборной — куда показал, туда и пробью. И, когда Яшин завалился в другой угол, у меня вырвалось: «Куда ж ты, Вася?»

Почему «Вася»? А тогда песня была популярная — «Мой Вася», и мы друг другу часто говорили: «Вася, ты куда?» Лев Иванович, конечно, разозлился. Во-первых, пенальти незаслуженный, плюс еще я «накормил» его, отправив мяч в другой угол. Яшин выбил мяч в направлении нас, но попал не в меня, а в Рожкова. Потом встретились в сборной, и я ему осторожно: «Лева, ты на меня не обижаешься?» — «Да ну брось, все, проехали! Проиграли так проиграли».

Рейнгольд:

«Я пенальти заработал, и мы выиграли. Геша Логофет бьет пенальти. Забивает и говорит: «Тащи, Вася!» Яшину, лучшему вратарю мира! Лева взял мяч из пустых ворот — и как засадил! Только по Логофету промахнулся и попал в Славку Амбарцумяна, а рикошетом от того — в Гилю Хусаинова. Тот поворачивается: «Лева, ну а я-то здесь при чем?» — «Да ты вообще шпана!»

После игры он общался с нами уже совершенно нормально и все-таки возмущался: «Но этот хам Логофет! Какой я на х… Вася!» И все это было совершенно по-футбольному.

А перед тем Яшин за нас ездил во Францию играть, и мы с ним в одном номере жили. Но в спартаковской форме он не выходил. «Спартак», усиленный Яшиным и Витей Понедельником, поехал на один матч как сборная Москвы. Первый тайм Лева стоял, второй — Маслак (Владимир Маслаченко. — Прим. И.Р.). *В номере у Яшина было три блока «Беломора», и он смолил папиросы одну за другой. И говорил: «Кури, Валера, я знаю, что ты куришь». — «Да как можно, Лев Иваныч!» — «Кури, твою мать, сюда никто не зайдет».*

Ловчев:

«Люблю рассказывать историю, здорово характеризующую Старостина, показывающую его не как икону, а как живого человека. В связи с многолетним заключением матчи с «Динамо» были для Николая Петровича самыми принципиальными, что только может быть в футболе. Однажды дают пенальти в ворота динамовцев, и Логофет кричит великому Яшину: «Держи, Вася!» И бьет в другой угол.

Возмущенный Лев Иванович идет к раздевалке, дожидается после игры Старостина, к которому с уважением относился. И жалуется: «Николай Петрович, этот молодой, щенок, крикнул мне: «Держи, Вася!» Это что еще такое?»

Николай Петрович пообещал разобраться. Видит Логофета,

хмурит брови: «Геннадий, это правда, что ты Яшину сказал: «Держи, Вася?!» — «Правда». Старостин выдержал паузу и сказал: «Ну и правильно сделал!»

И, наконец, главный (тогда говорили — старший) тренер Симонян:

«*Гешка Логофет идет бить пенальти. Яшин падает в один угол, а мяч летит в другой. И вдруг вижу такую картину: Лев Иванович, обычно спокойный как удав, за мячом в ворота нагибается и в Гешку им пуляет. Спрашиваю: «Геш, что там случилось, почему Лев Иванович рассердился?» — «Никита Палыч, ничего особенного. Когда он прыгнул в один угол, а я ударил в другой, просто сказал ему: «Вася, ты куда?» Услышав эту историю, я укорил Логофета, сказал, что это неуважение к великому человеку.*

Кстати, в сборной Лев Иваныч держался в основном со спартаковцами — Исаевым, Ильиным, да и нас с ним связывали очень теплые отношения».

В этих рассказах, пусть детали в них за давностью лет и не совпадают (то «тащи», то «держи», то «ты куда?» — и только Вася фигурирует неизменно, да и фамилии, в кого Яшин вместо Логофета попал, разнятся), — масса любопытных штрихов. И вызов, который молодой-нахальный бросает знаменитому ветерану. И нежелание последнего оставлять такое безнаказанным — включая то, что он дождался после матча Старостина и нажаловался ему на дерзость его игрока. И юморок Николая Петровича, в котором на самом деле нет ни капли неуважения к Яшину, но есть его вечная неприязнь к «Динамо». И сработавшее чувство товарищества с бывшим партнером по сборной СССР (а не с нынешним подопечным) со стороны Симоняна, укорившего Логофета…

И абсолютно везде — то, что действующего игрока, которому на тот момент было 35 лет, соперники называли по имени-отчеству.

Валентина Тимофеевна во время нашей беседы в 2011 году развернула эту тему в неожиданную сторону. А прежде нахмурилась:

«*Тогда я об этом не знала, только недавно прочитала. Нельзя такое пренебрежение к вратарю показывать. Постеснялся бы, тем более ты младше. Льву много голов забивали, и если бы каждый ему при этом что-то говорил…*

А потом и он к нам приходил, и мы у него на дне рождения были. Однажды, уже в конце жизни мужа, мы поехали в Германию, где его наградили Золотым орденом ФИФА. Логофет ездил с нами от Спорткомитета переводчиком. У Льва уже был протез. Так он

половину выданной ему валюты отдал Логофету. «Он все-таки за мной ходил, переводил». При том что Геннадию дали командировочные, а Лев уже не работал, болел…»

Он не хотел быть свадебным генералом

Правильно говорят, что силен не тот, кого не бьют, а тот, кто после пропущенных ударов способен встать на один раз больше. Судьба Яшина — еще одно тому доказательство.

А вот каким он был человеком, страдал ли от чего-то, был ли счастлив? Вышедший в конце 2019 года фильм «Лев Яшин. Вратарь моей мечты», при всем уважении к его авторам и их стремлению следовать историческим фактам, ответа на эти вопросы мне не дал. Личность Льва Ивановича получилась в нем, по мне, какой-то плоской, и стремление впихнуть туда почти все значимые вехи карьеры голкипера (за исключением Мельбурна-56) только распылило впечатление.

И главное — в фильме зияла 19-летняя брешь между двумя совсем разными Яшиными. Могучим 41-летним мужчиной, гордо игравшим прощальный матч против сборной мира, и 60-летним стариком, незадолго до смерти на костылях с громадным трудом передвигавшимся по полю стадиона в Петровском парке к воротам, которым он отдал лучшие годы жизни. Как такое могло получиться? Почему? И как можно было, делая фильм о нем, выкинуть из его жизни эти самые драматичные годы?

О них мы задолго до появления этого кино говорили с Валентиной Тимофеевной на яшинской кухне в Чапаевском переулке. И многое стало понятно.

Несколько раз за время нашей беседы она беспокоилась: «Я вас еще не утомила?», «Вы, наверное, торопитесь?» По-моему, это было совершенно по-яшински. Я тут же вспоминал рассказ моего коллеги Сергея Микулика, как он незадолго до ухода Льва Ивановича пришел к нему брать интервью, и тот сам, уже на одной ноге, поскакал к двери отворить ему дверь — хотя это вполне мог сделать кто-то другой… Бог ты мой, куда я мог торопиться из этой легендарной квартиры, в которой Яшины поселились еще в 1964-м? Из-за стола, за которым говорили с ним о главном Беккенбауэр и Платини, Качалин и Якушин? От одной этой мысли пробирало с головы до пят. И хотелось спрашивать, спрашивать, спрашивать…

«Сначала после ухода из футбола Лев чувствовал себя очень комфортно. Сразу, когда закончил играть, стал начальником команды. С этим назначением ему помог Лев Дерюгин, председатель московского городского совета «Динамо», с которым у него были великолепные отношения.

Их так и называли — Лев большой и Лев маленький. Причем Яшин был маленьким. А Дерюгин — не только крупным по росту,

но и полным. Еще когда муж играл, тот говорил ему: «Закончишь карьеру — будешь начальником команды». И обещание свое выполнил.

А еще Лев в Высшую партийную школу при ЦК КПСС поступил. Там политэкономию преподавал один большой болельщик и заядлый охотник. Когда я училась на радиожурналистике, после коллоквиумов мы собирались в кафе, и этот человек там был. Он спрашивал: «Чем Лев Иванович будет заниматься, когда закончит играть?» — «Пойдет в Высшую школу тренеров». Он говорил, что для этого нужно знать психологию, другие общеобразовательные дисциплины. И позвал к себе. Тренером-то Яшин изначально быть не хотел, считал, что это не его.

Школу тренеров Лев все-таки закончил, но и в партийную школу пошел. Русским языком и литературой там занимался — да все учил! И много чему научился, даже к концу жизни стал трибуном, чего раньше за ним не наблюдалось. Приходил с занятий, начинал бросаться философскими категориями. Как-то прибегает запыхавшийся: «Экзамен по политэкономии сдавал. Они за 70 лет сами не разобрались, как наладить хозяйство — а хотят, чтобы я им за час все рассказал!» Мы все хохотали.

Но часто бывало не до смеха. Чтобы стать врагом Левы, нужно было очень большую подлянку организовать. Даже если ему кто-то не нравился, он просто с ним не сближался, но все равно здоровался.

Был такой Николай Русак, он стал председателем Спорткомитета СССР после Сергея Павлова. А каждый год весной на юг все клубы съезжались к сезону готовиться. И проходила конференция с участием тренеров, начальников команд, судей. Лев тогда был начальником команды «Динамо». Как-то у старшего тренера Качалина и его помощника Царева возникло неотложное дело, и они сказали: «Лев, проведи тренировку».

А потом он рассказывает мне: игроки работали, он сидел на лавочке и иногда им что-то подсказывал. Весной у него всегда бывали обострения язвы — потому и сидел, сжавшись, чтобы меньше болело. И тут появился какой-то большой спортивный начальник. Сел рядом, спросил, почему нет тренеров, как игроки сами по себе тренируются? Муж ответил: «Я, наверное, что-то понимаю в футболе. Может, вам что-нибудь объяснить?» Говорил — и еще сильнее сжимался от боли в желудке…

А на следующий день — конференция, и этот начальник выступает. Был, мол, в команде «Динамо». Главного тренера нет, помощника нет, сидит пьяный Яшин и руководит тренировкой. Лев так разозлился! Встал, пошел к микрофону — и при всей своей доброте столько наговорил: приходят всякие, ничего не

понимающие в футболе, и хотят руководить. «Что вы сейчас полезного сказали? Что именно на тренировке было не так? Ведь и сказать ничего не можете! А еще и в пьянстве беспочвенно обвинили…»

Сильно обижался и ругался он также на генерала Богданова, председателя центрального совета «Динамо». Там как было? Играл в команде Толя Кожемякин — хороший парень, Лев даже как-то сказал, что лучше Пеле может стать. Ехал в лифте с другом — и застрял между этажами. Там оставалось место, чтобы выползти — и друг выполз. А когда Кожемякин начал выползать, лифт поехал, и парень погиб. Лев плакал…

Так его вместе с Качалиным и Царевым сняли с должности за плохую воспитательную работу! За что, спрашивается? Какое отношение он имел к тому несчастному случаю? Перевели его в центральный совет «Динамо» — бумажки перекладывать. Оторвали от команды, от живой работы. В роли начальника команды Лев очень хорошо себя чувствовал. Это было как раз его — за ребят хлопотать, помогать им жить лучше. К тому же он еще и с голкиперами занимался, хотя профессии тренера вратарей тогда и не было.

А бумажная волокита — это совсем не его. Не любил он это дело. И сник. Да еще и с Богдановым не сложилось. Как-то тот вызывает: «Вы плохо работаете, без конца разъезжаете». — «Куда?!» — «Да вот у меня в столе сплошные приглашения вам из-за границы лежат». Лев растерянно говорит: «Так они же у вас и лежат, до меня не доходят». Завидовал ему Богданов. И еще при этом знаменем динамовским называл. Лев отвечал: «Вы это знамя свернули и в уголочек к себе поставили».

В общем, все это Лев очень переживал. И в 48 лет, как раз после того конфликта с Богдановым, инфаркт у него случился. А спустя много лет я от другого генерала узнала, что Богданов недавно сказал ему: «Одного не могу себе простить — что давил на Яшина и так к нему относился. Я тогда не очень разбирался, что к чему, чиновников разных слушал…»

Позже еще была такая история. Из московского совета «Динамо» Льва перевели в Федерацию футбола СССР, и у него поднялось настроение. Но однажды приходит: «Ухожу, пойду работать на завод». — «Что такое?» — «Колосков выступил: «У нас некоторые только в президиуме заседают…»

Когда Лев лежал в больнице после инфаркта, я ходила к председателю Гостелерадио Лапину. И, когда начала говорить, заплакала. Рассказала, что освободили от должности начальника команды. Спрашивает: «Меньше платить стали?» — «Нет. Делают из него алкоголика, не умеющего воспитывать людей.

Такого человека с грязью смешивают!» После этого разговора вдруг и в газетах стали появляться теплые статьи о Яшине, и по телевидению программы начали выходить. Один-единственный раз в жизни я ходила, просила за мужа…

Врачи говорили, что инфаркт — от курения, и ампутации ноги впоследствии поспособствовало оно же. Но я не думаю. Сама слышала от специалистов, что если человек долго курит, то в преклонном возрасте уже и бросать нельзя. А он и когда играл, всегда курил, и тренеры ему это позволяли. При всех, конечно, в раздевалке не дымил, но Якушин или Качалин разрешали ему зайти в какое-то помещение и выкурить сигарету.

Но однажды устроили партсобрание. Поскольку Лев был членом КПСС, он попал под партийную проработку: все обсуждали курение Яшина и даже состряпали постановление с запретом ему это делать! Тут, по-моему, Леонид Соловьев встал и сказал: «Что мы творим? Яшину бегать не надо, он в воротах стоит. Как он это делает — мы знаем, так какие претензии? Не каждый же бросить может». Так в итоге и спустили на тормозах.

После инфаркта месяца два не курил. А потом попробовал — вроде ничего. И продолжил. Ну и последние полтора-два месяца жизни, когда ему было уже очень плохо, не курил. Инфаркт у него был, во-первых, от переживаний, что его от команды отодвинули и вообще отнеслись не по-человечески. А во-вторых, он очень резко закончил играть. С ветеранами не ездил, нагрузок не было. Пока был начальником команды, хоть как-то двигался. Но когда в кабинет пересадили — сразу килограммов на десять поправился. И получил инфаркт.

Доктор потом объяснила: у него как спортсмена — очень большое сердце, через которое перегонялось много крови. Пока играл и двигался, в кровь выбрасывалось много адреналина, и холестерин сжигался. А когда закончил и начал поправляться — холестерин стал осаждаться в сосудах. Это не только к инфаркту — и к ампутации в итоге привело.

Лев тогда поехал с ветеранами в Венгрию — сам не играл, возглавлял делегацию. А перед этим у него был микроинсульт. Рука с ногой начали отниматься, но вовремя спохватились — и все прошло. В Венгрии после игры пошли в ресторан, оттуда — на автобусе в гостиницу. Муж в ресторане танцевал, сказали — даже плясал.

А как стал выходить из автобуса — ноги не чувствует. Думали, опять предынсультное состояние. Оказалось, нет. Сделали массаж — не помогло. Город, где они играли, находился далеко от Будапешта, километрах в трехстах. Его отвезли в столицу, в клинику. Там разрезали ногу — и опять зашили.

Потому что все вены до колена «захлопнулись». Этот институт в Будапеште сотрудничал с нашим институтом хирургии имени Вишневского, и они договорились, что операцию будут делать уже в Москве.

Но получилась нестыковка с вылетами — сразу ничего не было, ждать пришлось довольно долго. Леву из госпиталя прислали прямо к самолету, но в итоге операцию ему делали только в десять вечера следующего дня после того, как ему стало плохо. И время оказалось потеряно. Ничего уже было нельзя сделать, началась гангрена. В результате ампутировали ногу».

Зависть. Язва. Рак желудка

Истории о зависти, подобные той, о которой рассказала Валентина Яшина, тоже наверняка подтачивали здоровье ее мужа.

«Лев всегда хлопотал, чтобы меня взяли в ту или иную поездку. Иногда удавалось, иногда — нет. Как-то раз его пригласили в Бразилию на 75-летие клуба «Сантос», так он говорит: «Я у вас часто бывал, и специально брать отпуск для этого мне неинтересно. А вот если бы с женой — то приехал бы». Они ответили: «Нет проблем». Послали билеты на обоих, и попали они с приглашениями, кажется, в отдел ЦК КПСС, который курировал спорт. И кто-то из чиновников побоялся пойти к руководству с этим приглашением, о чем мы не знали. Знали только дату, когда должны вылетать, чтобы успеть на торжества.

А в итоге выясняется: не едем. Вроде бы уже взяли отпуска — и тут я обратно на работу являюсь. Надо мной смеются, у нас там сотрудница одна зловредная была. Смотрит нагло и говорит: «Как же, за границу собралась. Чо, не пустили?!» Я промолчала, не стала на конфликт идти. И в тот же день Лев встретил кого-то из руководителей федерации, который удивился. Муж все объяснил. За день-два все документы оформили — и мы полетели. Вот только прибыли уже после того, как все закончилось…»

Примерно о том же — коротенький фрагмент из моего разговора с Олегом Романцевым о его жизни в «Спартаке»: «*У нас были теплые отношения со Львом Ивановичем Яшиным, с которым меня познакомил Бесков. Он часто ездил с нами руководителем делегации — там поближе и пообщались».* Я уточнил у Романцева, правда ли, что Яшин рассказывал ему о том, как его не хотели пускать на один динамовский юбилей. *«Да, было,* — ответил он. *— Но это длинный и отдельный разговор, не имеющий отношения к нашей теме».*

Жаль, Олег Иванович не стал развивать тему. Даст бог, еще с ним об этом поговорим…

Слушая следующий рассказ Валентины Тимофеевны, сложно представить, как можно было стать лучшим вратарем мира с теми болезнями, которые были у Яшина едва ли не с детства.

«Язва желудка у него была с детства: результат скудного питания во время войны, которая началась, когда ему было 11. В 16–17 лет его уже отправляли на юг — лечиться в санаторий. Повлияли и очень тяжелые тренировки, которым Лев отдавался целиком. И ни разу на них не опоздал: сам был пунктуален и от других требовал того же. Если нам нужно было куда-то идти, а я

задерживалась — все нервы мог истрепать.

После каждой тренировки оставался и обязательно просил кого-то побить ему по воротам. Один раз я это застала и потом сказала: «Больше никогда туда не пойду!» 30–40 сильнейших ударов, которые муж принимает на живот, — видеть это было выше моих сил. Мне казалось, что ему пробили всю брюшную полость. Сам Лев говорил мне, что пресс у него накачанный, и к тому же мяч он ловит руками, и живота тот не успевает коснуться. Но я-то видела — еще как успевает.

После какой-то победы встретились с Якушиным в ресторане «Савой». Михаил Иосифович отозвал меня в сторонку и допытывался: «Скажи, Лев на меня жаловался?» — «Нет, а что случилось?» — «Наверное, он на меня обиделся. На предыгровой тренировке сказал, что желудок болит и падать не может, но я его все-таки упросил разочек упасть. А он потом с трудом встал и еле пошел в раздевалку». В самом матче, естественно, он прыгал и падал как надо…

Желудок у Льва болел постоянно — он и умер от рака желудка. Из-за очень высокой кислотности всегда носил в кармане пищевую соду в кульке — и пузырек с водичкой, когда возможно. А если ее не было… Изжога была такой сильной, что он даже не мог дождаться, чтобы, как полагается, развести чайную ложку соды в стакане воды. Насыпал соду из пакетика в ладонь, отправлял ее в рот — и потом искал, чем запить.

Однажды видела телевизионный очерк о Льве. Леша Парамонов говорил о Яшине очень хорошие слова. Но одна вещь вызвала у меня недоумение. Рассказывая про больной желудок и соду, Парамонов присочинил, что в другом кармане Лев всегда носил шкалик коньячку. Ел соду, коньяком запивал — и шел на тренировку. Не было такого! И не только потому, что соду невозможно запивать коньяком. А еще и потому, что коньяк Лев не любил, и пил его, только когда уж совсем ничего больше не было. И вино, и пиво не пил — только водку. Ему врачи так сказали — из-за язвы.

Иногда такие легенды выслушиваешь… Однажды ехала в поезде с юга, и со мной в купе сидели две важные особы: одна чуть ли не из ЦК партии, другая — из профсоюзов. Почему-то заговорили о футболе, и одна говорит: «Я вот была на приеме в Кремле и видела, какие они все, эти футболисты, алкаши. У Яшина в одной руке был бокал с водкой, который он целиком выпивал, а в другой — бокал с шампанским. Им он запивал!»

Я промолчала, хотя очень хотелось высказаться. Шампанского Лев не пил вовсе. А насчет бокала… Выпивал Лев только маленькими порциями, рюмками. Да, мог напиться допьяна. Но никогда не был алкашом, иначе не играл бы 20 лет на высшем

уровне. И вел себя, выпив, всегда нормально. Кстати, водку ему надо было обязательно запить водой. Без этого сразу закашливался. На рыбалке мог даже из лужи зачерпнуть, но запить — обязательно!

С утра Лев никогда не пил. И в одиночку не употреблял. Дома водка могла стоять сколько угодно времени — пока кто-то в гости не заглядывал. И на людях его пьяным никогда не видели. А когда выпивал — всегда добрый был. Никогда у него агрессия после выпитого не проявлялась. Примет лишнего — ляжет спать, и все. В отличие от того же Эдика Стрельцова, к которому Лев, кстати, очень хорошо относился, все время уделял ему внимание — как и многим молодым игрокам. Рассказывал: такой он тихенький, спокойный, десять раз на дню поздоровается. Но как выпьет — так дурак дураком…»

Орден перед смертью

А теперь — рассказ Валентины Тимофеевны о последних месяцах жизни мужа.

«После ампутации у Левы случился инсульт. Это, в свою очередь, подействовало на глаза и горло — стал плохо видеть и глотать. Все стало двоиться, причем странно — с одной стороны ему могло показаться, что впереди бугор, а с другой — яма. Шел неровно, оступался.

Если раньше он ходил с палочкой, то теперь уже не мог без костылей, поскольку плохо видел. В октябре 89-го мы были в Англии, в ноябре — в Израиле. Там были презентации «Золотого мяча», приглашали всех, кто им был награжден. Ди Стефано был, Платини. Еще в ноябре сборная ветеранов СССР ездила в Италию — Бесков приглашал и нас позвал.

В Израиле Льва пригласили полечиться. Но началась рекламная возня, его туда-сюда таскали. По дороге, когда мы туда летели, у него выпал зуб. Пока со стоматологом возились — никак до терапевта дело не доходило. Он начал нервничать, желудок заболел. Потом его стало тошнить. После этого его положили в израильский госпиталь. А до отъезда оставалось три дня. Его обследовали, но не лечили — и мы уехали. Никакого серьезного диагноза не поставили — язва, мол, и все.

В декабре перед Новым годом он в Москве слег в больницу. Плохо глотал, непроходимость была — решили оперировать. Думали, опять с язвой все обострилось. А потом приходит врач и говорит: «Давно это у него?» — «Что?» — «Рак». Оказалось, уже и метастазы по всей брюшной полости. Никто ничего раньше не говорил. Хирург мне сказал: «Там уже ничего сделать нельзя».

После Нового года его выписали. С этого момент он начал резко худеть. 5 марта вышел указ о награждении Яшина орденом Героя Социалистического труда. Тут началось паломничество — Гарри Каспаров приезжал, Анатолий Карпов, еще много разных людей. А Ринат Дасаев — еще до указа.

Орден, кажется, 15-го дома вручали — и Лева уже был страшный-страшный. Потом он говорил: «Раньше надо было. Зачем мне это нужно сейчас? Я даже и погордиться им не успею». Но во время вручения еще чувствовал себя более-менее неплохо. Из «Динамо» прислали врача, медсестру, они уколы какие-то сделали.

А получил он этот орден благодаря Николаю Озерову, царствие ему небесное. Молодец он! Сколько раз они даже перед заключенными со Львом ездили выступать. Николай Николаевич бегал по всем инстанциям, хлопотал, чтобы Яшин стал первым

спортсменом, которого наградили звездой Героя, хоть и труда. Потом Озеров хотел, чтобы Николаю Петровичу Старостину вторым дали — и это тоже произошло.

Озеров хотел, чтобы лично Михаил Горбачев приехал вручить. Но тот так и не нашел времени. Николай Николаевич действовал через Раису Максимовну, которая на Михаила Сергеевича имела большое влияние. А награждал в итоге азиат такой хороший, которого Лев очень любил, — *Рафик Нишанов* (тогда — председатель совета национальностей Верховного совета СССР. — Прим. И.Р.). *К нам тогда приехали еще Геннадий Хазанов, Никита Симонян, Алексей Парамонов, телекомментатор Георгий Саркисьянц с оператором. Еще фотограф, молодой мальчик, который потом передал снимки во все газеты.*

Только они зашли — звонок: все, мол, переносится. Я сказала телевизионщикам, они ушли. Поехали по Чапаевке (Чапаевскому переулку. — Прим. И.Р.) — *навстречу кортеж машин. Все поняли, развернулись и поехали обратно. Успели.*

Подъезд у нас грязный был, лифты меняли — и на каждом этаже двери стояли, детали валялись. Они все шли пешком на третий этаж по этой грязи. Когда телевидение уехало и мы думали, что ничего не состоится, я поставила Симоняну, Парамонову и Хазанову на журнальный стол поднос: коньяк, закуску какую-то. Только налили — и вдруг звонок. Открываю — все приехали. Побежала, взяла поднос, отнесла в спальню, даже на пол поставила.

Сначала Лев было прослезился, когда ему вешали звезду. Даже заикался, начав говорить. А потом вдруг приободрился — и так хорошо высказался! Вообще-то он всю жизнь был малоразговорчив. Но уже к концу жизни стал любить выступать. И по делу. Хотя поначалу у него с этим было так себе.

После вручения кто-то сказал: «Так, может, обмоем?» Нишанов отреагировал: «А почему бы и нет?» Я притащила обратно этот поднос и рюмки. В общем-то отметили хорошо.

Лев уже не пил. Когда все ушли, он расслабился, и ему стало плохо. Там-то он собрался. Так же, как и с язвой во время футбольного сезона, когда она не болела. Но только матчи заканчивались — как начиналось… А потом он и произнес эту фразу — к чему, мол, сейчас было награждать, это надо было делать раньше.

На следующий день, 16-го, ему стало совсем плохо. 17-го мы отвезли его в госпиталь, а 20-го он умер».

…Великого вратаря не стало, когда ему было всего 60.

Алексей Парамонов рассказывал: «*Был дома у Яшина за неделю до его смерти. Исхудал он ужасно. И, что меня поразило,*

был в красной майке. Спрашиваю: «Лева, ты что, спартаковец?» Он слабо улыбнулся: «А что, и «Спартак» люблю»».

«*В Мельбурне в 1956 году мы с Яшиным жили в одном номере,* — вспоминал Анатолий Исаев. — *У нас отличные отношения были. В день открытия Олимпиады, 22 ноября, мы как раз дежурными остались. Жара страшная, люди в обморок от солнечного удара падали, — и Качалин нас с Левой пожалел. Пошло на пользу — я первый гол забил. Дружеские отношения у нас до конца Левиной жизни сохранились. Мы с Симоняном к нему приехали, когда он уже умирал, две недели оставалось. Позвонила Валентина Тимофеевна, пригласила прийти попрощаться…*»

Вдова Яшина подтверждает: никаких клубных предрассудков у Льва Ивановича не было.

«*Не было тогда такого, чтобы клубное соперничество на жизнь переносилось,* — говорит она. — *С теми же спартаковцами он в сборной сдружился. Созваниваются с Симоняном и начинают друг другу фразы на армянском говорить. И оба хохочут. С ним, Исаевым, Ильиным, Парамоновым муж был не разлей вода, а я — с их женами. Все игры сборной вместе смотрели. До сих пор перезваниваемся, дружим — с Хусаиновой, Парамоновой, Ивановой, Людмилой Симонян…*

Однажды в игре со «Спартаком» смотрю — Толик Исаев грудью на Льва наскакивает, мешает ему выбить мяч. Приходим домой, спрашиваю: «Чего это Исаев так странно себя вел?» Так оказалось, муж и сам удивился, спросил его. А тот тихо говорит: «Извини, Лев, велели тебя нервировать». Опустил голову, пошел к центру поля и больше так не делал. С совестью у этих людей все в порядке, они очень ценили друг друга.

Один из моих зятьев — спартаковец. И ничего страшного! Когда у нас дома друзья собирались, футболистов там совсем немного было — Шабров да Царев. Остальные — из тех, кто в юности работал вместе со Львом на Тушинском авиазаводе. Все за разные команды переживали — и уживались нормально, подтрунивали друг над другом. Но даже в сборной он почти всегда играл в своей клубной фуфайке с буквой «Д». Даже фото есть: идут игроки с надписью «СССР», а он — в динамовской форме».

Я бы сильно удивился, будь Яшин не таким, нетерпимым к другим командам. «Динамо» было для него понятием святым. Но это не означало, что красные цвета «Спартака» или черные — «Торпедо» вызывали у него ненависть, а их носители — отторжение.

Он был для этого слишком масштабным человеком. И добрым — это ведь о том же, что и его дружба с Пеле, Эйсебио, Беккенбауэром, невзирая на незнание языков. Или с

англичанином Бобби Чарльтоном, который смог прилететь в Москву на его прощальный матч, хотя вроде как у него не было никакой возможности, и его не ждали.

Вот только они понимали его лучше, чем многие на родине.

«Часто ходите на Ваганьково к мужу?» — спросил я Валентину Тимофеевну в 2011-м.

«*Да,* — ответила она. — *Первое время вообще каждый день ходила, гоняла от могилы всякие экскурсии. А то превратили кладбище в музей, и такую ахинею несут! В прошлом году меня тронуло, как два вратаря «Динамо», Владимир Габулов и Антон Шунин, прямо в день матча, совпавший с днем рождения Льва, принесли очень красивый венок. Каждый год на день рождения у могилы собирается очень много народу, хотя никого специально не приглашаю. Приходят не только динамовские ветераны — остальные тоже. И болельщики. Там же и поминки устраиваем, по рюмочке за упокой души выпиваем».*

«Яшин говорил вам: «Я счастлив»? И был ли счастливым человеком?»

«*Счастливым — был. Я видела это. Но вслух он об этом никогда не говорил*».

В том, что Яшин был счастлив в личной жизни, — не сомневаюсь. Но именно ощущения нужности людям, востребованности здесь и сейчас без оглядки на великое прошлое, мне кажется, ему и не хватило, чтобы прожить намного дольше шестидесяти.

Часть IV
Константин Бесков. Невыносимый гений Константина Бескова

«Товарищ генерал, занимайтесь своими танками. А я буду заниматься футболом»

В конце 2019 года я смотрел в кинотеатре фильм «Грех» Андрея Кончаловского о Микеланджело — и иногда думал о Константине Бескове. Когда чуть ранее читал роман «Луна и грош» Сомерсета Моэма о вымышленном художнике Чарльзе Стрикленде, прообразом которого стал Поль Гоген, — иной раз возникала та же параллель.

С большинством гениев — страшно тяжело. Но без того, что они создают, не было бы всей красоты этого мира.

На панихиде по Бескову в мае 2006 года Никита Симонян нарисовал его, по-моему, идеальный словесный портрет. «*Когда Бесков возглавлял «Спартак», не раз бывало, что после матча я подходил к нему — поздравить с победой. Но Константин Иванович хмуро отвечал: «Поздравлений не принимаю. Не важно, что мы победили, — мы не показали игры, которая может понравиться зрителю…»*

В этом мини-рассказе Никиты Павловича о мэтре есть все. И извечный бесковский приоритет игры перед результатом, идеализм и отсутствие расчетливости, которые зачастую ему этого самого результата и стоили. И традиционно хмурое, насупленное выражение лица: легким человеком в общении его точно назвать было нельзя. И недипломатичность с любыми авторитетами: «Поздравлений не принимаю…», — что при более конфликтных поводах приводило к жестким столкновениям и отставкам. Слово «дипломатия» в его образе мышления отсутствовало.

Жена Бескова Валерия Николаевна в нашей беседе в конце 2005-го приводила мне такой пример:

«*Костя делал все в интересах футбола. Когда он работал в ЦСКА, в его дела все время лез генерал по фамилии Филиппов. Однажды Константин Иванович сказал ему: «Товарищ генерал, вы танкист? Вот и занимайтесь своими танками. А я буду заниматься футболом». На следующий день подал заявление об уходе, и ЦСКА не был наверху еще много-много лет…*»

Абсолютная классика Бескова. Но тогда-то такие Филипповы встречались большей частью в военных и милицейских командах. А представьте, как бы Константин Иванович разговаривал с нынешними президентами, генеральными директорами клубов. Допустим, с экс-президентом «Локомотива» Ольгой Смородской, заходившей в раздевалку с установкой: «Впереди пошире, сзади

поуже».

Бр-р-р, меня аж передернуло от одной мысли о таком диалоге. И ведь таких руководителей сейчас — два из трех, и лезут в тренерское дело они с максимальной степенью беспардонности. А есть еще и футбольные агенты, с которыми эти высокопоставленные дилетанты нередко финансово повязаны, — и вместе они думают исключительно о набивании своих карманов…

Вот потому-то, размышляя об этом титане, на футболе которого мне как юному болельщику повезло вырасти, ловлю себя на мысли: не факт, что сейчас Бескова бы поняли. В том числе потому, что в дилемме «казаться или быть» для него первого варианта вообще не существовало. А в бесконечно медийные годы начала XXI века заигрывать с публикой и выглядеть так, как ей этого хочется, не менее важно, чем делать дело.

Бесков же делал и говорил только то, что хотел он сам. И далеко не все готовы были это терпеть, даже когда он при этом многого добивался. Вот еще один рассказ из нашего разговора с Валерией Николаевной.

«*Никита Хрущев снял его с должности тренера сборной после проигрыша испанцам 1:2 в финале чемпионата Европы 64-го года. В финале! С хозяевами турнира! Никита Сергеевич выразил неудовольствие тем, что мы проиграли испанцам в присутствии генерала Франко, сидевшего в ложе для почетных гостей. И холуи Хрущева поспешили уволить Константина Ивановича, для которого это стало ударом ниже пояса. Потому что он готовил команду к чемпионату мира 1966 года, который ему был твердо обещан.*

Тогда Костя позвонил секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичеву и сказал: «Как же так, вы ведь меня приглашали до 66-го года, нельзя прерывать дело на полпути!» Ильичев ответил: «Вы, Константин Иванович, не волнуйтесь. Тренера для сборной мы найдем». Помню, как муж кипел. Чиновник, который ничего не понимает в футболе, позволяет себе говорить ему такое! В 66-м сборная под руководством Николая Морозова заняла четвертое место. Но уверена, что при Бескове могли подняться и выше».

Лично я убежден в другом: если бы за то время, которое Бесков проработал во главе сборной СССР, он наладил товарищеские, неформальные отношения с «холуями Хрущева» (что на его месте сделали бы многие коллеги), то смягчить первоначальный гнев вождя удалось бы без особого труда. Все-таки второе место, да еще и при проигрыше хозяевам в финале в упорнейшей борьбе до последней секунды, — отличный

результат. И доброжелатели Константина Ивановича, находясь рядом с Хрущевым, взяли бы паузу, дождались, пока тот успокоится — и тихо подсказали правильное решение. Короля-то все равно делает свита.

Но Бесков никогда не делал ничего, чтобы сблизиться с могущественными людьми. А они, в свою очередь, пальцем о палец не ударили, чтобы помочь ему в критической ситуации.

Где-то в конце нулевых я услышал от прекрасного тренера Валерия Непомнящего следующую формулу успеха для человека его профессии помимо непосредственно игры и результата. Для этого, по его мнению, нужно всегда и везде (а он отлично работал и в Африке, и в Азии) наладить отношения с пятью «ветвями» футбольного мира — игроками, руководителями, помощниками, прессой и болельщиками.

Так вот, Константин Иванович не искал расположения ни у одной из них. Это ни в коем случае нельзя назвать моделью поведения для его молодых коллег. Это просто персональный росчерк гения, который, несмотря на такой подход, добился очень многого. Смог бы больше, будь он погибче да подоступнее? Может, и да. Но тогда это был бы уже не Бесков…

Тренер с хореографическим даром

В XXI веке футбол одновременно с жизнью (а он ведь и является ее срезом), к сожалению, стал очень прагматичным: кто выиграл — тот и прав, а все остальное — лирика. Еще один феномен — болельщики, да и многие журналисты в своем отношении к тому или иному тренеру чрезмерно ориентируются не на его творческую суть, а на имидж.

Отсутствие эмоций на лице и в поведении, банальные и лаконичные высказывания на пресс-конференциях — и все, тут же наклеивают ярлык, что он и с командой такой же, и в нужный момент не сможет ее воспламенить. Людям невдомек, что в наружном и внутреннем кругах общения тренер может быть совсем разным. Как, например, в хоккее Олег Знарок, в котором души не чают игроки, тогда как многие репортеры терпеть не могут за короткие рубленые фразы и довольно грубую манеру общения.

Бесков тоже мало кого к себе подпускал, а уж откровениями не баловал даже тех, кому доверял.

Великий советский журналист, многолетний главный редактор еженедельника «Футбол — Хоккей» Лев Филатов выразительно назвал потрясающий очерк о Бескове — «Дружба без встреч». И сформулировал так, что пробирает насквозь: «*…Его футбольные идеалы сложились раз и навсегда. С ним не получаются споры, затеешь — и недалеко до ссоры. Его убежденность — как крепость, он готов обороняться, даже если на него не нападают… Ему есть что охранять и есть от кого защищаться. Это нельзя не уважать*».

Сегодня трудно представить и то, чтобы тренер в регулярном режиме наблюдал за матчами с трибуны. Бесков же поступал именно так, глядя на игры своего «Спартака» из… ложи прессы «Лужников». Ему в голову не могло прийти, что его могут подслушать и уж подавно — записать на видео, что непременно произошло бы в эпоху смартфонов и интернет-изданий. И если о прошлом столетии герой Сергея Довлатова в ответ на реплику, что, мол, Пушкин не смог бы жить в этом районе, бросил: «Пушкин не смог бы жить в этом… веке», то что бы он сказал о нынешнем?..

Сам Константин Иванович в давнем интервью «Футболу — Хоккею» объяснил привычку смотреть игру с трибуны так: «*Со скамейки не видно ни системы игры команд, ни маневров игроков. А сверху — все как на ладони. И еще — с трибуны я вижу игру не только как тренер, но и как зритель. Наряду с чисто*

профессиональным происходит и ***эстетическое*** *восприятие футбола. То есть с высоты я могу судить не только о том, правильно ли играет команда, но еще и о том, насколько* ***красиво*** *у нее это получается*».

Валерия Николаевна Бескова рассказала мне, когда муж начал смотреть матчи с трибуны:

«*С самого начала тренерской карьеры. Он всегда говорил: в первом ряду можно увидеть только ноги, бутсы, мячи и искаженные гримасами лица. А сверху как на ладони видишь Игру. На «Динамо» не было специальных лож, и сидевшие рядом болельщики непарламентскими выражениями вызывали у него дискомфорт. Но очень вовремя открылись «Лужники». С тех пор он со скамейки игры не смотрел. Когда нужно было внести коррективы или сделать замену, условным знаком звал к себе второго тренера*».

Есть, объективности ради, и полярная точка зрения, почему Константин Иванович это делал. Ее представляет Евгений Ловчев, и она послужит точкой отсчета для разговора о втором лике Бескова, не позволившем ему до конца реализовать свой творческий потенциал.

«*Мне кажется, его привычка смотреть футбол с трибуны была обусловлена не только желанием лучше видеть игру,* — говорит Ловчев. — *Представьте, что чувствует игрок, когда тренер ему на протяжении всего матча «пихает»: мол, все делает не так. А в раздевалке вся эта долбежка продолжается. У футболиста будет реакция отторжения и ничего больше.*

А Бескова они во время игры не видели и не слышали. И тем более эффективным становился в течение нескольких минут перерыва его грозный взгляд или ехидные фразы. А говорил он очень ехидно, это невозможно передать словами. В 77-м проспал отъезд на тренировку Женя Сидоров, Бесков говорит: «Ждать не будем!» — а на реплику, что Сидоров — игрок основного состава, прозвучало: «Основного состава чего — цеха, завода?»

Геннадий Логофет вспоминал, что смотреть игры сверху Бесков начал, еще когда работал в школе ФШМ с детьми.

«*Кроме тех случаев, естественно, когда на стадионе, кроме лавочки для запасных, ничего нет. Он объяснял нам, что с трибуны лучше видит игру, тактику. Идет атака левым краем, а где в этот момент игроки правой зоны, что делают? Или почему игрок отдал пас влево, а не вправо? Ни один телеповтор не даст точной картины, а со скамейки этого не увидишь. Только с трибуны*».

Правда, Юрий Семин, который играл у Бескова и рядом с Яшиным за «Динамо» в победном финале Кубка СССР 1970 года против тбилисских одноклубников, вспоминает: «*Бесков, кстати,*

сидел на скамейке. Мне кажется, с трибуны он стал смотреть футбол, уже когда возглавил «Спартак». Но раз и Валерия Николаевна, и Логофет утверждают обратное — значит, все-таки гораздо раньше.

Кстати, когда я спросил Валерию Николаевну, к кому из современных (на тот момент) тренеров Бесков относится с симпатией, она тут же ответила: *«К Семину. Он его ученик и добился безусловных успехов».*

В середине сезона 2017/18 у пресс-службы «Локомотива» зародилась идея снять фильм о реальной жизни команды, и для этого нужно было добиться согласия Юрия Палыча на съемки в раздевалке после матчей. Тот сначала предсказуемо отказался.

Но пресс-атташе Андрей Бодров напомнил историю его учителя Бескова, согласившегося на съемки киногруппы режиссера Алексея Габриловича посреди сезона-87. И «Спартак» стал чемпионом, а фильм «Невозможный Бесков» смотрела вся страна. Аргумент сработал — Семин согласился. И «Локомотив», от которого в начале сезона этого никто не ждал, выиграл чемпионство — точно, как бесковский «Спартак»!

Правда, был нюанс, о котором Бодров дальновидно не стал Семину напоминать: Бескову, талантливо представленному во всей его противоречивости, фильм не понравился, и одновременно выпущенную книгу его сценариста Александра Нилина (на мой взгляд, потрясающую) Константин Иванович подписывать отказывался наотрез…

Возможно, не выработай у себя Бесков необычной привычки смотреть футбол с верхотуры — не назвал бы его однажды тот же Лев Филатов (кто бы еще придумал такую изящную характеристику!) «тренером с хореографическим даром». Причем Константин Иванович не жалел для этого ничьих сил и нервов: его теоретические занятия продолжались по три часа, первую остановку видеозаписи с критическим замечанием он мог сделать после стартового паса из центрального круга. И так до финального свистка. Игроки выли — зато посреди ночи могли проснуться и на автомате выполнить все, чему он их учил.

…Чаще всего новые болельщики тянутся к победителям. Так было во времена «Спартака» романцевского, болеть за который было беспроигрышно — чемпионом он становился почти каждый год.

А вот в безумной популярности бесковского «Спартака» крылся парадокс. В те годы киевское «Динамо», а отнюдь не «Спартак», было самым успешным советским клубом — за время правления Бескова красно-белые взяли золото лишь дважды (хотя установили рекорд, девять раз подряд завершая первенство в

тройке призеров), тогда как у киевлян в тот же период было четыре медали высшей пробы. Зато поклоняться «Спартаку» при Бескове стали миллионы людей по всему Советскому Союзу.

Одним из этих миллионов был я.

Говорят, что в детстве легче всего поплыть по течению. То есть начать болеть за тех, кто чаще выигрывает. Но у меня не было сомнений, за кого начать болеть — и не только потому, что переживание за «Спартак» передалось мне по наследству. Футбол — в первую очередь игра. Меня завораживало, как бесковский «Спартак» играет. Как резвится на поле со своими «стеночками», а не делает тяжелую, невыносимую глазу работу.

На его романтической, радостной футбольной эстетике взошло целое поколение болельщиков по всей стране. Мое поколение. Поколение тех, кому лирик Бесков был милее физика Лобановского. Даже проигрывая.

В конце концов, именно мой Бесков привел меня в спортивную журналистику. Потому что бурю переживаний от его футбола всегда хотелось передать словами. Вначале это были странички школьных тетрадок. Теперь — публикации и книги.

А потому я не смог удержаться и, когда Константину Ивановичу исполнялось 80, по-болельщицки передал коллеге Елене Вайцеховской, отправлявшейся домой к тренеру на юбилейное интервью, книгу Бескова «Моя жизнь в футболе» — для личного автографа. И теперь, когда тренера уже почти 15 лет нет с нами, томик со словами: «Игорю Рабинеру с наилучшими пожеланиями от автора» — одна из моих самых драгоценных футбольных реликвий.

…У каждого поколения — свой Бесков.

Для поколения 40-х он блистательный форвард бело-голубых, один из героев легендарной поездки «Динамо» в Англию. Автор гола в ворота «Арсенала» и четырех — «Кардифф Сити».

Для поколения 50-х — молодой тренер, с которого началось потрясающее масловское «Торпедо». Связка Воронин — Маношин, о которой вспоминали еще десятки лет, возникла именно при нем, Бескове.

Для поколения 60-х — главный тренер сборной СССР, которая вышла в финал испанского чемпионата Европы-64. И жертва партийного произвола. Однако основа сборной, занявшей четвертое место на ЧМ-66, была заложена именно при нем, Бескове.

Для поколения 70-х — первый тренер в истории СССР, который вывел нашу команду, московское «Динамо», в финал еврокубка, где на «Камп Ноу» бело-голубые проиграли «Глазго Рейнджерс» — 2:3.

В 80-е, уже в «Спартаке», он, вновь первым, выйдет в четвертьфинал могучего тогда Кубка УЕФА. И именно его, Бескова, команде, сокрушившей в Лондоне «Арсенал» — 5:2, спустя 37 лет после турне «Динамо» по Англии будут стоя аплодировать тысячи болельщиков «канониров», старшие из которых наверняка были на стадионе и тогда.

Принять «Спартак», который вылетел в первую лигу, за три года сделать его чемпионом СССР и девять лет подряд не опускаться ниже третьего места в мощном советском чемпионате — на такое, вероятно, был способен только он, Бесков. И чтобы на каждый матч команды первой лиги ходило по тридцать тысяч болельщиков — тоже.

Даже поколение 90-х успело узнать Бескова. Сначала он взял безвестный «Асмарал», вывел его в высшую лигу, а затем — в финальную восьмерку первого чемпионата России. Но и на этом не успокоился — на полтора года пришел в родное «Динамо» и почти в 75 лет выиграл Кубок России — последний на сегодня трофей клуба.

«Святы перед футболом»

…Декабрь 2005-го. Полгода до ухода Бескова из жизни. На улице — метель, и Валерия Николаевна, взяв телефонную трубку из рук Константина Ивановича, восклицает: *«Как же вы поедете-то в такую погоду?!»* Господи, да разве может метель помешать расспросить о великом тренере самого близкого ему человека! И вот он — второй подъезд сталинского дома на Маяковке, где все дышит историей нашего футбола. И вот она — как и прежде, очень красивая женщина, в душе та самая актриса, союз которой с Бесковым стал символом взаимной любви отечественного футбола и искусства.

Сам тренер был к этому времени уже очень слаб и не смог даже выйти из спальни, чтобы присутствовать при разговоре. Но жена на интервью согласилась легко. И в словах Валерии Николаевны я слышал его — Бескова.

Например, в четырех бескомпромиссных ответах подряд.

— Правда ли, что отношения с Николаем Старостиным у Бескова были далеки от идеальных?

— Николай Петрович был интриган. Всегда.

— Как же они 12 лет вместе проработали?

— Так получилось, потому что жив был Андрей Петрович, наш ближайший друг. В 87-м его не стало, и сглаживать отношения между ними стало некому. А Николай Петрович уже видел на посту тренера Романцева.

— Олег Иванович звонит, с праздниками поздравляет?

— Нет. С Романцевым у нас нет никаких отношений. Вообще. У Константина Ивановича множество благодарных учеников, а вот неуважения он не любит.

— Как Бесков оценивает его как тренера?

— Романцев слыл гениальным, когда в стране вообще не было футбола. Сейчас футбол немножко поднимается, и где гений?

Когда интервью Валерии Николаевны с этими ответами вышло в «Спорт-Экспрессе», у меня было немало дискуссий с блюстителями чистоты спартаковской истории. Надо, мол, было смягчить формулировки жены Бескова о Романцеве и особенно о Старостине — Николай Петрович, мол, уже не ответит.

Неистребимо почему-то в нашей стране желание переделать историю на свой лад, превратить живые — пусть даже и нелицеприятные — слова во что-то уныло-аморфное. Для меня самого старший Старостин — безоговорочно великий человек, но, если Бескова сказала о нем именно так — значит, так и должно быть написано. Потому что это — историческое свидетельство.

Вот и Евгений Ловчев, один из самых страстных спартаковцев в истории клуба, когда я рассказал ему эту историю, со мной согласился: «*Я с вами согласен. Если она сказала — так и надо писать. Нельзя быть ханжами, цитировать нужно все, что говорят люди, столько в нашем футболе видевшие и знавшие. Даже если эти фразы мне или еще кому-то не нравятся. В рассказах о нашем футболе, мне кажется, всегда не хватало свободы. И в том как раз и состоит сила «Спартака» и Старостина, что они учили нас быть честными и свободными*».

Кстати, Ловчев, ушедший посреди сезона-78, как он подчеркивает, не из «Спартака», а от Бескова, тем не менее акцентирует внимание на следующем: «*Да, я — человек Старостина. Но Николая Петровича и Константина Ивановича, несмотря на всю разницу в характерах, объединяет то, что эти люди святы перед футболом*».

К 12-летней совместной работе двух колоссов нашего футбола и их громкому разрыву мы еще вернемся. А пока — о любви Константина Ивановича к театру, которую он пронес через всю жизнь. Что и неудивительно, ведь Валерия Николаевна была актрисой, и Бесковых знал весь театральный мир.

«*Я работала — и в театре, и на радио, и на елках,* — рассказывала она мне в 2005-м. — *Он этого не одобрял. Когда поженились, вообще забрал меня из ансамбля Дунаевского, где я танцевала. Но потом все же разрешил пойти в ГИТИС и осуществить детскую мечту — стать актрисой. Так вот, когда я получала зарплату совсем небольшую, приглашала Костю в «Арагви». Именно я приглашала — с условием, что буду платить! Это я так к нему подлизывалась. Боже мой, тогда пообедать в шикарном ресторане, с вином и цыплятами табака, стоило всего 25 рублей… Сходить в хорошее заведение мы всегда любили.*

А сколько у нас друзей из мира искусства! Игорь Кио, например, который всегда был с нами в самые трудные минуты. Недавно нас пригласили на юбилей Нелли Кобзон, и мы с удовольствием посидели за одним столом. Кио занимался у него в ФШМ. Бесков говорил, что из него получится изумительный футболист, но отец, Эмиль настоял на том, чтобы Игорь продолжил его дело. И из Кио вышел великолепный иллюзионист!

Дружим с Галиной Волчек, вместе с которой я начинала театральную жизнь. Сколько раз мы встречались в Кисловодске, куда Бесков всегда ездил отдохнуть после окончания футбольного сезона! Сейчас на юбилее она присутствовать не смогла. А вот на 80-летии Константина Ивановича, проходившем в Театре-школе современной пьесы, и она была, и Валя Гафт, с которым у нас тоже очень теплые отношения. Жаль, что в день 85-летия он был

занят в спектакле. Из-за болезни не смог приехать на юбилей знаменитый карикатурист Борис Ефимов, которому 105 лет. Мы дружны с ним и его семьей. Его сын учился вместе с Евгением Примаковым — так сдружились и с ним, много раз встречались на юге, в Гаграх. Он на 85-летие Кости пришел. Константину Ивановичу в театральном сообществе вполне уютно. Он ведь еще в середине 30-х годов, живя на Рогожской Заставе, каждое воскресенье ходил в клуб завода «Серп и Молот», где с лучшими спектаклями выступали Малый театр и МХАТ. Так что он вырос на великом поколении Грибова, Кторова и Царева, и когда мы познакомились, объяснять ему, что такое театр, мне не пришлось.

И вкус у него безупречный. Наверное, это эстетическое чувство — от природы. Ничем иным объяснить не могу: в Советском Союзе набраться со стороны этой элегантности манер было негде. Обратите внимание: у него ведь и футбол был такой же!»

Нет уже в живых ни самой Валерии Николаевны, ни Кио, ни Примакова, ни Ефимова, ни Кобзона, ни Волчек… С ней, великим худруком театра «Современник» до ее последних дней, я чуть-чуть пообщался на зимней Олимпиаде 2006 года в Турине. И она охотно подтвердила, что много лет дружила с семьей Бесковых.

«*Еще давно, когда я была молодым режиссером, да и теперь, когда накоплен большой опыт в профессии, мне всегда было интересно общение с тренерами,* — рассказывала Волчек. — *А именно — какова в спорте сущность взаимоотношений звезды и команды. И с Тарасовой, и с Бесковым, и с Олегом Романцевым мы не раз об этом беседовали, и я находила много общего с театром. Всегда пристрастно смотрю за поведением тренеров во время ответственных матчей — и как эти выкуренные за 90 минут пачки сигарет напоминают мне мое собственное состояние во время премьеры! Как я понимаю это чувство бессилия, когда ты уже здесь, а они — там. Как я ощущаю, что у них в эти минуты происходит внутри! Мне не нужно объяснять, почему тот же Бесков смотрел матчи не со скамейки, а с трибуны. Он понимал, что им уже ничем, никакими подсказками, не поможешь. Все должно быть сделано раньше*».

А Олега Табакова, тоже большого поклонника футбола, я как-то спросил, относится ли он к внешнему виду (не на сцене, а в быту!) своих актеров так же, как Бесков, который мог неопрятно выглядевшего на базе игрока отправить в дубль. Олег Павлович отреагировал так:

«*Думаю, что слова: «В человеке все должно быть прекрасно» — имеют смысл. Так что великий тренер прав. Я, может быть, публично таких вещей и не делаю, но запоминаю. К таким актерам постепенно пропадает интерес. Если молодая актриса постоянно*

ходит со спущенным чулком — она и к работе так относиться будет!»

Георгий Ярцев рассказывал, что футболистам «Спартака» бесковских времен по его инициативе от Министерства культуры СССР всегда выделялись бесплатные билеты в любой театр или кинотеатр Москвы, причем на два лица — подходи да получай.

Туфли из Англии в 45-м разнашивали всей коммуналкой

Костя и Лера познакомились прямо перед знаменитой поездкой «Динамо» в Англию в 1945-м — на променаде по Тверской, тогда улице Горького. Бесков уже был знаменит, но вернется он с Британских островов, как и его партнеры, героем нации.

О том турне выйдет книга с названием «19:9», означающим соотношение мячей, забитых и пропущенных «Динамо». Ею, по словам защитника «Динамо» уже следующего поколения Виктора Царева, будут зачитываться все мальчишки. Знаменитый английский журналист Джонатан Уилсон, автор получившей всемирную известность книги о развитии тактики в истории мирового футбола, в нашей беседе на Евро-2012 по-русски произнесет слово «пасовочка», пояснив, что в 1945-м это слово стало означать не знакомый прежде для Британии комбинационный стиль игры динамовцев. Если резонанс от той поездки «Динамо» в футбольном мире и уступал Суперсерии-72 в хоккее, то ненамного.

А когда заходишь в музей «Челси» на «Стэмфорд Бридж», то едва ли не на первом крупном фото видишь народ, висящий на деревьях, чтобы поглядеть игру. И выясняется, что матч этот — как раз с «Динамо», когда был установлен неофициальный рекорд посещаемости синих: более 100 тысяч зрителей!

Легенда британской журналистики Брайан Глэнвилл, в гостях у которого мне в 2014 году посчастливилось побывать, рассказал:

«Я, тогда школьник, был совершенно очарован этой командой и запомнил ее на всю жизнь. Более того, десять лет спустя в одной из своих первых книг я посвятил той поездке «Динамо» целую главу — «Снег на бутсах». По-моему, неплохой образ, берущий у нас начало еще из Первой мировой, тем более что «boots» — слово, означающее не только бутсы, но и сапоги. Тогда было — «Снег на сапогах»…

Ведущий обозреватель очень влиятельной тогда газеты Sunday Express наблюдал за «Динамо» на их тренировке — и с полной уверенностью написал, что эти парни и близко не составят конкуренцию нашим профи, поскольку русские — ужасно медленные: мол, ты можешь физически слышать, как они думают, что делать с мячом. После чего динамовцы вышли на «Стэмфорд Бридж» и вдруг принялись летать быстрее ветра!

Много лет спустя как-то встретился с Бесковым, уже

тренером, и перечислил ему весь их состав. Он был несколько удивлен…»

А теперь из Лондона 2014 года переносимся в Москву 2005-го — и Валерия Николаевна Бескова вспоминает 1945-й.

«*Приемники очень плохие тогда были, поэтому репортажи Вадима Синявского не слушала,* — рассказывала мне Валерия Николаевна. — *Но после каждого матча в Англии его фрагменты показывали в кинохронике на Сретенке. Техника, правда, была несовершенной, поэтому сейчас сохранилось так мало материалов. Плюс туман…*

Они ехали туда не без страха. Все-таки родина футбола! Но поскольку все с самого начала пошло хорошо, страх исчез. Ну а Лондон — как он может не потрясти, тем более человека, который в первый раз за границей! Костя очень любил голубей, у него в Москве даже своя голубятня много лет была (он отдал ее другу, когда уже не стало сил уделять ей внимание) — а на Трафальгарской площади, как вам известно, этих птиц видимо-невидимо. Это его очаровало окончательно. Как и дружелюбное отношение английской публики. До сих пор смотрим маленькие отрывки из тех матчей, так даже женщины встают и аплодируют динамовцам!

Тогда языка не знал. Но когда закончил карьеру игрока и писал кандидатскую диссертацию, английский был необходим, и Костя занимался со знаменитым педагогом Николаем Матвеевым, который учил языку Молотова. До сих пор может объясниться по-английски, и в Англии его всегда понимали!»

Из Англии Бесков прибыл не только с триумфальными победами, но и с подарком.

«С *этим связана смешная история,* — вспоминала Валерия Николаевна. — *В Англии Костя рассказал Вадиму Синявскому, что перед отъездом встретил девушку и ждет не дождется встречи с ней. А Синявский тогда не только комментировал матчи по радио, но и передавал репортажи в газету «Московский большевик». Вот он и попросил завотделом спорта этой газеты Семена Индурского, будущего главного редактора «Вечерней Москвы», чтобы на очередной сеанс передачи репортажа пригласили меня и дали нам с Костей перемолвиться парой словечек. Так и вышло.*

Поговорили о том о сем, и вдруг он спрашивает: «Какой у тебя размер ноги?» Отвечаю: «Да ты что?» — «Какой размер?!» — «Да не надо, не надо… 36-й». В итоге он привез шикарные туфли, о которых в ту пору и мечтать невозможно было. Вот только размера оказались они 35-го. И вся наша коммунальная квартира на Колхозной площади эти туфельки разнашивала. Какие только средства не применяли — в кипятке, помню, замачивали…

Весть о нашем знакомстве разлетелась моментально. (Смеется.) *Даже не ожидала, что Костя так популярен среди молодежи. О существовании футбола до того знала, пару раз даже на стадионе была — но ничего в нем не понимала. Когда Бесков вернулся и у нас начался очень красивый роман, мы зимой стали ходить на каток и на танцы. Иногда даже шла по улице одна и слышала, как люди шепчутся: «Вот это — девушка Бескова!»*

За триумф в Англии всем игрокам «Динамо» вручили царский подарок — по отдельной квартире!

Валерия Николаевна вспоминает:

«*Пробивать ничего не пришлось! После возвращения из Англии игроков «Динамо» готовы были носить на руках. Квартирного вопроса это касалось в первую очередь. В тот дом, где мы живем, въехали также Михаил Якушин и Леонид Соловьев. Вначале нас, правда, поселили в высотке на Котельнической набережной. Прожили там пару лет. Но оттуда было очень неудобно добираться на тренировки. Попросили переселить поближе к «Динамо», и нам пошли навстречу. Новоселье на Маяковской отпраздновали в 50-м году*».

Бесков помог освободиться из ГУЛАГа отцу Валерии Николаевны. Важная деталь для понимания его как личности — особенно с учетом тогдашних совсем не вегетарианских в политическом смысле времен.

«*Папу забрали в 44-м,* — рассказывала она. — *Он был инженером на заводе, и, как выяснилось позже, его фамилия просто значилась в телефонной книжке одного арестованного директора школы, с которым и знаком-то он был постольку-поскольку. Вот все, кто был в книжке, и «загремели» по одному делу. Отец получил десять лет, был отправлен в лагеря под Жигули. Как-то мы с Костей вместе с семьями других футболистов «Динамо» попали в Сочи, в санаторий КГБ «Бочаров ручей», где сейчас дача президента Путина. И судьба сложилась так, что оказались за одним столом с начальником лагеря, где сидел мой папа!*

Я попросила начальника о том, чтобы отцу хотя бы вставили зубы, потому что ему есть нечем. Нашу просьбу удовлетворили. А через некоторое время Костя совершил очень мужественный и рискованный поступок: пошел к заместителю Берии Абакумову. Сказал: «У меня дома большое горе. Жена плачет день и ночь, и я в такой обстановке чувствую себя плохо и не могу играть так, как умею. Прошу вас только узнать. Если ее папа в чем-то виноват, у меня не будет никаких вопросов. Но если это какая-то ошибка — помогите!» И дело пересмотрели! Нам, правда, ничего объяснять не стали, но в 49-м папа вышел на свободу. Ему было 50, и он

счастливо прожил до 70. Так что Костя сохранил ему 20 лет жизни. А мне недавно вручили свидетельство о том, что я — жертва репрессий…»

«Костя Бесков из крутого теста…»

Два лика Бескова здорово воплощаются в рассказе его дочери Любови Константиновны, жены, а теперь, увы, вдовы замечательного футболиста и тренера Владимира Федотова. В 2007 году, когда Владимир Григорьевич еще был жив, мы разговаривали с ней для книги «Как убивали «Спартак»-2», и по ходу беседы она заговорила об отце:

«*В нашей семье честь всегда ставилась превыше всего. Даже материальных интересов, которыми руководствуются очень многие в футбольном мире. Но папа всегда был другим, как и Владимир Григорьевич, который очень многое у него перенял. Потому ему и в голову не пришло затрагивать финансовую тему, когда Леонид Федун назначил его главным тренером «Спартака»… После отставки руководители «Спартака» начали твердить, что у команды характера не было, что Григорьич — слишком мягкий. Это все такая чушь!*

Вот о папе говорили, что он жесткий. И я помню, что сама, хоть и обожала папу (и счастлива, что у меня был такой отец), но боялась его панически. Когда поворачивался ключ в двери, у меня темнело в глазах, подкашивались коленки. Гром мог грянуть на ровном месте, если даже уронила на пол какую-то бумажку и нет ощущения абсолютной чистоты. Это полуобморочное состояние было и у игроков. И, к большому сожалению, многие главные матчи его команды проиграли именно потому, что папа слишком на них давил. У Володи же характер другой, и время сейчас иное».

Поразительное по откровенности признание, из которого многое становится понятно.

В 2013 году исполнялось сто лет со дня рождения лучшего футбольного рефери нашей страны всех времен Николая Латышева, и я беседовал с 89-летним арбитром Марком Рафаловым — человеком, поработавшим с ним в одной судейской бригаде в последнем для Латышева матче в классе А. Разговор зашел, в частности, о знаменитом эпизоде, в котором Бескову пришлось бежать к трибуне за мячом, а Евгений Евтушенко годы спустя написал об этом стихотворение «Ошибка Бескова». Прокомментировав его так: «Это был один из лучших прорывов — из бестактности в ее исправление».

Как рассказ старого судьи, так и отрывок из произведения поэта — квинтэссенция характера Бескова, для которого, с одной стороны, непреложным было понятие чести, а с другой — его невозможно было в чем-то переубедить.

Рафалов говорил:

«Та ситуация произошла у меня на глазах. Это был угол поля стадиона «Динамо» между Северной и Западной трибунами. Бесков проходил к чужим воротам по месту правого инсайда, и Латышев зафиксировал какое-то нарушение — уже и не упомню, какое. Дал свисток — а игрок с досады пнул мяч в сторону Западной трибуны.

Мальчик, подававший мячи, бросился было в том направлении, но Латышев свистком его остановил. И сказал Бескову: «Костя, иди принеси». И Бесков, сам Бесков, под свист трибун пошел в легкоатлетический сектор, и лишь когда сам пришел с мячом назад, игра была возобновлена. Много лет спустя я разговаривал с Константином Ивановичем, и тот сказал: «Я пошел, но все равно Латышев в оценке эпизода был не прав». Но обиды на арбитра он не держал».

А вот концовка стихотворения Евтушенко:

Костя Бесков из крутого теста —
за мячом он сам побрел сквозь свист,
сам его в руках принес на место —
вот что значит рыцарь-футболист!

Все мы с вами делаем ошибки —
вы, и президент, и я, поэт.
Почему же в драке, свалке, сшибке
покаянья действием в нас нет?

Почему всех оправданий вместо
не пойти в народ, туда, где мяч,
принести, поставить мяч на место
и начать по-честному наш матч?

«Покаянье действием», как выразился поэт, — это у Бескова случалось. Он ведь и футболистов своих бывших, тех же Юрия Гаврилова и Вагиза Хидиятуллина, позже возвращал. Но покаянья словом — никогда. Вот несколько рассказов на эту тему.

Юрий Гаврилов:

«Был один момент в Кутаиси, когда мы обыграли местное «Торпедо» — 4:0. Там предлагали деньги, чтобы мы отдали игру. Появился человек с чемоданом, ко всем подходил. Это вышло наружу. Вот тогда Бесков был в таком состоянии, что не захотел поставить нас на игру.

Я был одним из тех, кого вывели из состава. Потому что ко мне подходили. Но я оказался не один. Там оказались еще Володя

Сочнов, Юрка Резник — те, к кому тоже подходили, и это все видели. Слава богу, все обошлось, мы выиграли, и в конце он почувствовал, что был не прав по отношению к нам.

Потом со временем это все нивелировалось. Но он не извинился. Никогда не извинялся. Конечно, ему не по себе было, мы видели, что он с нами не разговаривает, ему неприятно. Чувствовалось: внутри он понимает, что виноват. Потому что за нас был результат, мы выиграли.

Там все определил Николай Петрович своим волевым решением. Бесков объявил состав без нас, мол, я этим ребятам в этой игре не доверяю. Если результата не будет, меня, дескать, тоже потом обвинят — зачем вы их поставили, если знали, что они пошли на договор. И Николай Петрович взял всю ответственность на себя. Сказал: «Ладно, пусть будет, как будет. Если даже проиграем, я буду отвечать сам». Это был единственный случай, когда состав определил Старостин».

Геннадий Логофет:

«*Играли за ФШМ с «Динамо», и я решил кого-то обыграть у своего углового флажка. Мог спокойно отдать, но решил пофорсить. Но финт не получился, у меня отобрали мяч, навесили и забили гол. И я от Бескова в перерыве услышал…*

Потом месяц не спал. Константин Иванович не извинился — он всегда прав. Зато это стало уроком на всю жизнь. Понял: да чтобы я теперь «водился» в районе своих ворот — ни за что в жизни!»

И просто констатация от Вагиза Хидиятуллина:

«*Ни разу не слышал, чтобы Бесков вслух признал свою ошибку. Не такой он был человек, чтобы, допустим, на разборе сказать: «Извините, виноват». Но это — Бесков, и глупо было ждать от него, что он изменится*».

Как зять Федотов дважды обыграл тестя

Каждое из больших событий его тренерской карьеры достойно не то что отдельной главы — книги. И выход в финал Евро-64 с последующим увольнением от Хрущева. И опять же финал Кубка кубков-72 с «Динамо» против шотландского «Глазго Рейнджерс» — первый в истории советских клубов в еврокубках. Снова минимальное поражение — только теперь не 1:2, а 2:3, да еще и с выскочившими на поле «Камп Ноу» за несколько минут до финального свистка шотландскими болельщиками. Но никакой переигровки или доигровки УЕФА в ответ на протест «Динамо» не дало.

Многие футболисты рассказывают, что сам Бесков в тот день нервничал так, что трижды за сутки (!) менял стартовый состав. Поскольку сам я интервью на эту тему не брал, единственный раз в этой книге возьму цитату из беседы коллег по «Спорт-Экспрессу» — Юрия Голышака и Александра Кружкова — с Владимиром Эштрековым, автором первого ответного гола при счете 0:3. Вот его подробная версия.

«*У «Глазго» был центральный полузащитник — Крейг. Маслову ничем не уступал по объему работы. Это казалось немыслимым, Валерка кого угодно мог перебегать. В 71-м году впервые мы увидели равного ему. Сыграли — 1:1.*

Два года спустя «Глазго» ждет нас в финале Кубка кубков. Константину Ивановичу память об этом Крейге перевернула сознание. Гадал: кого против него поставить? Как сдержать? В день собирались трижды — каждый раз была новая установка! То я вычеркивался из состава, то Гершкович. Но атакующую группу можно было тасовать. Главная ошибка Бескова в том, что перекроил защиту. Перед этим все матчи провели Басалаев справа, Зыков слева, в середине — Йося Сабо с Аликом Долматовым. Это была линия обороны, которую не прорвать!

Алик снимал мячи наверху, Йося подчищал, подсказывал. А тут Бесков из-за какого-то Крейга все смешал. Решил, что ни Жуков, ни Якубик с ним не справятся — если кто и сможет, только Сабо. Выдернул в опорную зону. На его место отправил Долбоносова. И нам тут же загоняют три мяча по центру! Причем как?! Заброс метров с пятидесяти, со своей половины поля. Нападающий борется, отскок, удар — вынимай. А Крейг — никакой!

0:3 «горим», я вышел на замену вместо Долбоносова. Йося оттянулся назад, два мяча отыграли. 2:3 — и мы поддавливали. Могли бы дожать, я уверен! У шотландцев уже пена шла изо рта».

Этому помешали выскочившие на поле шотландские болельщики. УЕФА в итоге дисквалифицирует «Рейнджерс», на два года (позже наказание будет сокращено до года) участия в еврокубках. Но результат матча оставит в силе.

Кстати, Юрий Семин, участвовавший в том розыгрыше Кубка кубков, но недоигравший в «Динамо» до его конца, рассказывал мне:

«*Единственное решение в роли игрока, о котором я жалею, — уход из «Динамо», где провел лучшие годы в карьере. В начале 72-го готовились к четвертьфиналу Кубка кубков против «Црвены звезды». Контантин Иванович уверял, что я буду играть, и даже называл оппонента на фланге — Ачимовича. Но в последний момент решил меня не ставить. Я очень обиделся — и пришел к тренеру с просьбой отпустить меня из команды. Потом понял, что погорячился. Пережди немного, успокойся — и, уверен, вернул бы себе место в составе*».

Главные успехи придут к Семину в другой роли. А четыре года с Бесковым оказались для него незабываемыми. Некоторые его занятия Юрий Палыч помнит до деталей, да и многое иное врезалось в память. Так, по инициативе Бескова к игрокам приходил человек, который объяснял им правила этикета за столом. Пытался тренер устроить и общекомандное изучение английского — увы, не пошло. Не любил, когда игроки отращивали длинные волосы, а потому динамовцам перед райкомовскими выездными комиссиями даже не нужно было укорачивать шевелюры. Длинноволосым Семин все-таки стал — но уже после ухода из «Динамо».

«Бескова в 72-м, после «Глазго Рейнджерс», убрали», — говорит Юрий Гаврилов. Да что же это такое: два финала — два минимальных поражения в острейшей борьбе — две отставки?!

Это — время.

То самое советское время, когда поэт Александр Кушнер написал бессмертное: «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

До поры это жесткое время, уже утвердив Бескова в качестве выдающегося постановщика игры, роковым образом не позволяло ему стать тренером-победителем. Максимум, что он выигрывал, — Кубок страны. Но, начав в высшей лиге с 1956 года, работая с «Торпедо» и ЦСКА, «Зарей», «Локомотивом», «Динамо», золото чемпионата Константин Иванович очень долго, 23 года, взять не мог.

Был максимально близок к этому (а также к золотому дублю) в 1970-м — но в переигровке в Ташкенте с ЦСКА за золото после нулевой ничьей в первом матче и ведя 3:1 после первого тайма

второго, «Динамо» проиграло — 3:4. И два гола в той встрече, включая победный, от знаменитой кочки, забил… зять Бескова Владимир Федотов. Любовь Константиновна Бескова, ставшая Федотовой, по собственному признанию болела не за папу, а за мужа.

11 лет спустя история повторится на новом уровне. В финале Кубка СССР 1981 года встретятся главные тренеры «Спартака» Бесков и ростовского СКА Федотов. Если в динамовско-армейском дерби явного фаворита не было, то здесь, казалось, все предрешено. Красно-белые, как всегда, шли среди лидеров высшей лиги, ростовчане — в самом что ни на есть арьергарде (и в итоге вылетели).

Это был мой первый матч в жизни, увиденный на стадионе. 9 мая в «Лужники» пошли два моих деда — ветераны Великой Отечественной, отец, дядя — знаменитый поэт-песенник Игорь Шаферан. Ну и меня, восьмилетнего, взяли за компанию. Результат-то с хорошим настроением, казалось, гарантированы. А вышло — 0:1. С нереализованным спартаковцем Александром Мирзояном пенальти и победным голом Сергея Андреева.

Рассказывает Валерия Бескова:

«*Был День Победы, и мы большой компанией ждали их обоих дома, с накрытым столом. Да, «Спартак» проиграл, и Константин Иванович приехал из «Лужников» грустный. Но жизнь продолжается, и грусть продолжалась до первой рюмки. И Володенька Федотов после той победы мужем нашей дочки быть не перестал…*

Дружили ли в молодости Костя и Григорий Федотов, знаменитый форвард ЦДКА и папа Володи? Нет. Один был в «Динамо», другой — в ЦДКА. Знакомы были, с уважением друг к другу относились. Но не более. А потом, когда Володя Федотов начинал в ЦСКА и часто бывал в доме своего тренера Бескова, наша дочь в него и влюбилась. У них замечательная семья».

Подоплека поражения в финале Кубка СССР-81 может проясниться из слов Никиты Симоняна, который очень четко высказался и о дуализме Бескова:

«*Николай Петрович говорил, что в решающие моменты главных матчей Бесков трусил. А перед ними — перегибал с жесткостью. Допустим, мне рассказывали, что за день до финала Кубка СССР против ростовского СКА команда собралась в холле базы в Тарасовке, игроки шутили, смеялись. Вошел Бесков, увидел все — и «понес» на них: «Вы что тут веселитесь? Пошли на собрание». И на том собрании как начал их чихвостить часа на два — чуть ли не до половины первого ночи сидели. Все позитивное настроение, ожидание долгожданного финала ушло, возникла*

напряженность — и на следующий день «Спартак» проиграл.

У Бескова был очень хороший вкус на подбор игроков и способность добиться от них прогресса. Это было очень важно, как и комбинационный стиль игры, который он проповедовал. Константин Иванович бывал очень недоволен, если команда выигрывала, но не показывала зрелищного футбола. И все же за 45 лет работы выиграть всего два чемпионата и два Кубка — на мой взгляд, слишком мало.

Приход Бескова в «Спартак» стал для меня в какой-то степени сюрпризом. Все-таки в традициях «Спартака» было то, чтобы команду возглавляли спартаковцы. И Николай Петрович потом не раз говорил, что Константина Ивановича все равно не переделаешь, и он остался бело-голубым.

Но сделал для возрождения команды он, конечно, очень много. Мы периодически общались, и когда обменивались мнениями по футбольным вопросам, он не раз говорил: «Ну, у нас с тобой полное взаимопонимание!» И это было неудивительно, поскольку его концепция по всем параметрам подошла «Спартаку». Видение футбола Бесковым — комбинационное, эстетическое, зрелищное — полностью совпало с тем, чего хотели болельщики. И за эту постановку игры на много лет вперед «Спартак» должен быть ему благодарен.

Однако в Бескове мне не нравилась, к примеру, его подозрительность. Так, он до конца жизни был уверен, что в ташкентском «золотом» матче 1970 года ЦСКА — «Динамо» Маслов и Аничкин продали игру. Но я в это не верю.

Бесков был диктатором. Как и годы спустя Олег Романцев. А такой метод управления я никогда не одобрял. «Спартак» — не тот клуб, где должна быть диктатура».

Андрей Старостин сказал: «Спасти «Спартак» может только Бесков»

Представить, что Бесков будет тренировать «Спартак», до 1977 года было невозможно. С чем угодно в футболе ассоциировался Константин Иванович — но только не с красно-белыми, которые обожают свое сообщество, но очень не любят впускать туда чужих.

Решающую роль в том, что это произошло, сыграл ближайший друг Бескова — Андрей Петрович Старостин.

Валерия Бескова:

«*Очень близок к нашему дому был Андрей Петрович Старостин. Сколько раз мы ходили в Дом литераторов, в ресторан ВТО! После игры, вне зависимости от результата, в выходной день… Они с Константином Ивановичем вместе работали в сборной СССР — той самой, что дошла до финала чемпионата Европы 64-го года. Тогда и сдружились.*

Для самого Кости такой поворот со «Спартаком» тоже стал удивительным. Первым секретарем московского горкома партии тогда был Виктор Гришин, и когда «Спартак» вылетел в первую лигу, в горкоме состоялось большое собрание. «Спартак» погибает! — воскликнул Гришин. — Что будем делать?» И Андрей Петрович Старостин сказал: «Спартак» может спасти только Бесков». Гришин пригласил его к себе, и Константин Иванович спросил: «Виктор Васильевич, я ведь майор, как я могу в гражданском клубе работать?» Первый секретарь отреагировал так: «За это вы не беспокойтесь. Только скажите: беретесь тренировать команду «Спартак»? Сможете вернуть ее на прежние позиции?» Бесков ответил положительно. Он давно уже стал человеком не какого-то одного клуба, а футбола в целом.

Сомнения у Кости оставались, и он пошел к министру внутренних дел Николаю Щелокову со словами: «Меня, динамовца, забирает «Спартак»!» Тот объяснил, что существует официальная бумага с просьбой откомандировать Бескова в «Спартак» от Гришина, который, в отличие от него, Щелокова, — секретарь ЦК. «Могу я отказать секретарю ЦК? Не могу. Идите работайте». Костя пришел домой, со вздохом сказал: «Отдали меня». И началась очень интересная работа. Самая интересная и продуктивная за всю его тренерскую карьеру. Со временем он полюбил «Спартак» по-настоящему. Но к некоторым людям, которые в «Спартаке» мешали ему работать, он относился плохо».

Любопытную деталь насчет еще одного Старостина,

Александра, добавляет дочка Бескова Любовь Константиновна:

«*Андрей Петрович был настоящим другом Константина Ивановича, а третий брат, Александр Петрович, на моих глазах поцеловал Бескову руку за все, что тот сделал для «Спартака». Но как только Андрей умер, Николай Петрович сделал все, чтобы папы в команде не стало*».

Как Бесков раньше относился к этому клубу и его символу Николаю Старостину, на момент вылета команды из высшей лиги в ней год как не работавшему (его убрали городские профсоюзы при помощи аппаратных интриг)? Свет на это может пролить сочное повествование для моей книги «Спартаковские исповеди» от защитника красно-белых Евгения Ловчева:

«*В 75-м году на базе «Спартака», занявшего годом ранее второе место, была сформирована олимпийская сборная СССР, которую возглавил Бесков. И вот поехали на отборочный матч с Югославией в город Нови-Сад. Играем 0:0 — и на следующий день переезжаем в Белград. Начальник делегации от Спорткомитета — Никита Симонян, главный тренер — Константин Бесков, второй — Николай Гуляев (который возглавлял тогда «Спартак»), начальник команды — Николай Старостин, а игроки, за редким исключением, из «Спартака».*

Выдали нам деньги — и все пошли по магазинам. Времена-то советские были, любая загранпоездка — за счастье! Заносим в гостиницу свертки с товарами — и на ужин. Бесков начинает разбор вчерашней игры и, слово за слово, распаляется. Говорит: «Да вы не думаете об игре, вы — шмоточники, я сегодня все видел!»

И, не понимая, что он находится в спартаковской среде, заявляет: «У меня в «Динамо», когда мы в 70-м играли под Новый год турнир в Чили, 31-го пришли ко мне ребята и предложили 1 января провести тренировку. Она не планировалась — но, чтобы «выгнать» выпитое накануне шампанское и хорошо сыграть на турнире, надо поработать. «Динамо» — профессионалы, а вы, «Спартак», — шмоточники!»

Когда я в этот момент посмотрел на Чапая (так спартаковцы того поколения называли Николая Старостина. — Прим. И.Р.)*, то понял, что его сейчас кондратий хватит. У него желваки по лицу пошли, он встал и говорит Бескову: «У тебя всё?»*

Тот не понимает — и продолжает разборы. Все уже ждут, что сейчас произойдет. Старостин еще раз спрашивает: «У тебя всё?» Тот вновь не замечает. И лишь на третий раз отвечает: «Всё». Будучи уверенным, что Николай Петрович продолжит гнуть ту же линию. А тот вдруг говорит: «Что ты несешь? Что плохого в том, что люди купят своим детям, женам, родителям вещи, которых нет в стране? Никита Палыч, ребята — все, собрание

закончено!»

Всех нас оттуда выгоняют — и мы в замочную скважину подсматриваем, как бьются «Спартак» и «Динамо». Старостин и Бесков. Эта история показала, как Бесков относился к «Спартаку». Почему Старостин терпел Константина Ивановича много лет? Не из-за того, что именно через Бескова Андрей Петрович вернул своего брата в команду. А только ради дела. Лишь бы «Спартак» был в порядке.

Мы познакомились с Бесковым через моего друга и его зятя Володю Федотова. Жили в одном доме на Маяковке, общались. Я видел, что Бесков не любит «Спартак». Это проявлялось во многих вещах. В 72-м я был признан лучшим футболистом страны, и Федотов мне сказал, что Константин Иванович хочет со мной встретиться. Я поехал к нему, Валерия Николаевна сварила кофе — и Бесков, «поливая» «Спартак» и обещая мне офицерское звание, квартиру, еще кучу благ, начал зазывать в «Динамо». Я отказался.

В «Спартак» Бескова привел Андрей Петрович Старостин. Он, в отличие от совершенно больного футболом Чапая, был человеком другого склада. Завседатаем ресторанов, бегов, его жена-цыганка работала в театре «Ромэн» и летом уезжала в кибитке на гастроли. Словом, Андрей Петрович был человеком бомонда.

И Бесков с женой Лерой — такие же! Они его очень любили. И после 76-го Андрей Петрович понимал, что для возвращения «Спартака» на прежние позиции нужен хороший тренер. А Бесков был не при деле, занимаясь офисной работой в «Динамо». Андрей Петрович же работал тогда председателем Федерации футбола Москвы. Он сообразил, что может одним ударом убить двух зайцев — и тренера сильного в «Спартак» привести, и через Бескова вернуть на должность начальника команды своего брата. Что и произошло. Андрей Петрович до своей смерти в 1987-м году был буфером между Бесковым и Николаем Петровичем».

Анатолий Крутиков, во главе с которым «Спартак» вылетел из высшей лиги в 1976-м, в нашем разговоре для «Спартаковских исповедей» высказался резко — в первую очередь в адрес Николая Старостина, с которым конфликтовал. Вряд ли найдется хоть один из спартаковцев, кто бы его поддержал, — но слово надо дать всем сторонам.

«*Уволили меня не сразу,* — рассказывал Крутиков. — *Поначалу остался тренером, но Старостины не могли с этим смириться. Андрей Петрович пошел к первому секретарю Московского горкома партии Гришину и начал доказывать, что Крутикова нужно менять. Тот спросил, кого они хотят. Андрей Петрович порекомендовал Бескова. И после этого меня уже*

освободили.

Николай Петрович ненавидел «Динамо», а Бескова — пусть даже руками брата — пригласил. Мы все поражены были этим поступком. Кстати, и с ним в конце концов расстался очень плохо. Тот поехал отдыхать, а Старостин ему в это время ножки-то и подрубил.

Но тогда, в 77-м, они с Константином Ивановичем хоть друг друга и не переносили, а работать вместе начали. Потому что у Николая Петровича было желание доказать всем, что это не он своим бездействием, а кто-то другой погубил наш «Спартак». Не случайно, когда команда возвращалась в высшую лигу, она била 12 пенальти».

Тему роли Андрея Старостина не только в появлении, но и в работе Бескова в «Спартаке» развивает Георгий Ярцев:

«*Убежден: всему нашему поколению, начиная с 77-го года, очень сильно повезло, что во главе команды стояли Бесков и братья Старостины. Причем очень большая роль принадлежала не только Николаю, но и Андрею Петровичу. Время показало, что именно он, рекомендовавший Бескова в «Спартак», все время являлся буфером между Николаем Петровичем и Константином Ивановичем, сглаживая острые углы.*

Сейчас фигура Андрея Петровича как бы ушла в тень — что несправедливо. Этот человек был единственным, кто на установке или на разборе Бескова всегда мог высказать свое мнение об игре, о том или ином футболисте. Причем открыто, не за дружеским столом, а именно в рабочей обстановке, при всех. Он мог сказать это, поскольку Андрея Петровича и Константина Ивановича связывала многолетняя дружба, и все это знали.

Когда в 64-м Бескова за проигрыш финала Кубка Европы франкистской Испании на ее поле убрали из сборной, то Андрей Старостин тоже ушел оттуда — можно сказать, в знак протеста. К Андрею Петровичу вопросов не было, и на его отставке, как я понимаю, никто не настаивал — но он проявил солидарность. Такие вещи запоминаются навсегда, и Бесков понимал: этот человек никогда не свернет со своего пути. Они дружили до конца жизни Старостина. И не зря, как только Андрея Петровича не стало, пошел раздрай между Бесковым и Николаем Петровичем».

Юрий Гаврилов:

«*У Бескова была единственная черта, которая мне не нравилась: он не мог слушать других людей. Это был у него самый больной момент. Единственный, кого он вроде бы слушал, — это Андрея Петровича Старостина. Они друзья были. Да и тот тоже в*

футболе хорошо разбирался, мог в тактическом плане что-то подсказать ребятам.

Андрей Петрович его порой поддерживал в плане дисциплины и так далее. А Николай Петрович в любой ситуации всегда стоял за ребят. И в этой связи у них было небольшое расхождение.

Константин Иванович ребятам «вваливал», а Николай Петрович наоборот: «Ладно, ничего. Не переживайте, все будет хорошо». Один давит на пацанов, а второй смягчает — и получается баланс. Плюс к тому, Бесков с Андреем Петровичем периодически выпивали вместе, был у них и в этом плане альянс. А непьющему Николаю Петровичу это не нравилось».

О том же — Вагиз Хидиятуллин:

«*С Андреем Петровым — Андрей Петрович Старостин называл себя именно так — они порой до утра засиживались. Но приходили к команде в безупречном виде: никогда в жизни не поймешь, что у них была бессонная ночь. Это и Лобановского касается. Пробор у Бескова всегда оставался идеальным. Внутренняя культура у тренеров этого поколения была высочайшая*».

Коль скоро затронули тему алкоголя — рассказ в лицах от Никиты Симоняна, красочно дорисовывающий штрихи к портрету.

«*Когда Бесков работал в «Спартаке», я в середине 80-х спрашивал Николая Петровича: «Как вам работается с Константином Ивановичем?»*

«Ну что тебе сказать? — вздыхал Старостин. — Можешь посчитать: год работы с Бесковым — за три, а я с ним работаю уже восемь лет».

Закоренелый трезвенник, Николай Петрович еще и пожаловался мне, что Бесков выпивает. Я в годы работы тренером не представлял себе, что можно до игры выпить даже 50 граммов водки или коньяка. А Старостин говорил:

«Представляешь, Никита, раньше он выпивал до игры, потом стал выпивать после игры, а сейчас — и в перерыве!»

Я смеялся: «Да ладно, Николай Петрович, тут уж вы загнули».

«Нет-нет. Пока он делает указания на вторую половину, в массажной Миронов ему уже готовит. Команда уходит из раздевалки, он хлобысь — и пошел».

Но удар Костя, надо сказать, держал. Мог ведро выпить — и не опьянеть. Как и Лобановский. Тот вообще наутро вставал — и на пробежку. Со временем, правда, заменил ее ходьбой.

Бесков, говорите, считал, что Николай Петрович Старостин не разбирался в футболе? Ну, это субъективное мнение Константина Ивановича. Он вообще был убежден, что мало кто,

кроме него, в футболе смыслит. А я считаю, что Николай Петрович разбирался, и еще как! Но еще лучше он разбирался в людях и в отношениях между ними».

В завершение же темы Андрея Старостина — колоритная цитата Валерия Рейнгольда, в своем неповторимом стиле повторившего тезисы Ловчева и Ярцева:

«*Николай Петрович вообще со стороны никого не брал, кроме Бескова, которого всучил ему Андрей Петрович, родной брат. Они с Константином Ивановичем в связке работали в сборной. Иначе Бесков никогда порог «Спартака» не переступил бы. Но и Андрей, и вслед за ним Николай Петрович не ошиблись. Как тренер Бесков — талант сумасшедший. И многое сделал для «Спартака»*.

«Многое» — это за три первых года сначала возвращение в высшую лигу, а затем, с разминкой в виде пятого места, — золото 1979 года. Спустя десять лет после предыдущего, достигнутого «Спартаком» под руководством Никиты Симоняна. Для 59-летнего Бескова, как вы помните, оно стало первым в тренерской биографии.

При этом любопытный штрих о его отношении к «Динамо» и «Спартаку» я услышал от Юрия Семина, который в конце 1960-х перешел как раз от красно-белых к бело-голубым, возглавляемым Бесковым. Оказалось, в те годы, что любопытно, Бесков не переносил красно-белого цвета и порой напоминал Семину о его спартаковском прошлом.

«*Как-то раз были в Южной Америке. В автобусе Константин Иванович обращается ко мне: «Представляешь, какое счастье, что ты в «Динамо» попал? Считай, что выиграл в лотерею «Волгу»!» Я, конечно, для порядка кивнул. Но и вправду именно в «Динамо» провел лучшие свои игровые годы*».

«У нас в «Спартаке» таких людей отродясь не было». Конфликт с Исаевым

Дома у Бесковых жил попугай, который со временем научился кричать: «Спартак» — чемпион! «Спартак» — чемпион!» Валерия Николаевна рассказывала:

«*Его звали Петруня. Он прожил у нас много лет, но, увы, трагически погиб. Потом у нас было еще несколько Петрунь, и всех мы учили простым домашним фразам вроде «Костя пришел», «Лерочку люблю». Последний улетел два года назад. Совсем забыла, что он сидит у меня на плече, и вышла на балкон…*»

Попугай Петруня мог сколько угодно быть фанатом красно-белых, — но Бескова симпатии спартаковского сообщества и легенд клуба волновали мало. Скорее наоборот. Послушайте историю, которую рассказал мне Анатолий Исаев, олимпийский чемпион Мельбурна-56, ближайший друг Никиты Симоняна и его ассистент, когда тот был главным тренером «Спартака».

«*Я же с Бесковым работал восемь месяцев в 77-м году. Он все время унизить меня хотел. Я чувствовал себя и работал свободно, как принято было всегда у нас в «Спартаке». До тренировки выходил с пацанами — Хидиятуллиным и Глушаковым. Те видели, что я могу с мячом делать, — и признали меня. Работалось с ними в удовольствие. Отдаю Вагизу пас «черпачком». И вдруг приходит Бесков: «Ты чего поле портишь?» А я даже не в бутсах был, а в тапочках! Отвечаю ему: «Вы серьезно или шутите?» И пошло-поехало.*

Мы перед тренировкой выходили на полчаса раньше, ставили жесткие барьеры и с Глушаковым (Валерием, дядей Дениса. — Прим. И.Р.) *отдавали друг другу передачи — он пятнадцать, и я столько же. Нужно было четко попадать в середину под барьером, чтобы мяч не коснулся земли. Вдруг Бесков сзади подходит: «Разве так бьют?»*

Я ему: «Пожалуйста, ударьте, как бьют». Он бьет — и не попадает. И еще раз — то же самое. Подначиваю его: «Я, между прочим, веду 1:0». — «Ты сколько сделал ударов?» — «Три». — «А я два». Он и третий не попадает. Я уже завелся, говорю: «Вот как надо бить!» — и кладу с левой ноги дважды подряд. Бесков уже к чему угодно цепляется: «А почему ты с левой бьешь?»

Закончилось все это после августовского матча с «Тереком». Бесков по натуре был трус. Имелась проблема с составом, и собрался тренерский совет, в который из числа игроков входили Ловчев, Папаев, Прохоров, Кокарев и кто-то еще. Они

проголосовали за тот состав, который назвал Константин Иванович. Он ко мне: «Ну ты-то можешь что-нибудь сказать?»

Отвечаю: «Почему же не могу? Могу». И выхожу к макету.

«Мы, — говорю, — команда «Спартак», нас уважает соперник, и мы должны ставить задачу атаковать. Вы поставили Ловчева левым защитником, а в центр полузащиты — Ноздрина. Но в этом случае Ловчева легче будет перекрыть, так как подключаться он будет только по своему флангу. От Ноздрина же впереди опасности не возникнет. А вот если Ноздрина поставить слева в защите, а Ловчева — центральным хавбеком, то Евгений сможет неожиданно врываться в зоны и слева, и справа. Будет разнообразие, при котором противнику будет труднее сориентироваться».

И сел. Минуты две была пауза, все молчали. Бесков сидел красный, как помидор. Ему же никогда и никто слова поперек не мог сказать, а тут я ему свою схему сказал, да еще и при всех — это вообще преступление!

Но я привык так в «Спартаке» работать — честно говорить, что думаю по тому или иному поводу. А задача главного тренера — выслушать все предложения и выбрать тот или иной вариант. Когда мы с Симоняном работали, было именно так. Демократия! А тут высказал свое мнение — и сгорел из-за этого. Бескова же подхалимы окружали: «Константин Иванович сказал, Константин Иванович попросил…» Все совсем по-другому. «Спартак» и «Динамо».

А в той ситуации Бесков вдруг говорит: «Ну, хорошо, состав, который назвал Исаев, будет играть». Я чуть со стула не свалился. И мы выигрываем — 5:1! Ловчев участвует в первом и последнем голах. Приезжаем в Тарасовку в 11 вечера. Говорю ребятам, чтобы готовились ко сну, а тут как раз Бесков на балкон второго этажа выходит. Спускается ко мне и спрашивает: «Тебе Старостин ничего не говорил?» — «Нет». — «Ну ты же понимаешь, у нас с тобой…» — «Все понял, Константин Иваович, дальше не надо продолжать».

Пошел, забрал шмотки и уехал. И подумал: «Дурак я, зачем мне вообще нужно было работать с ним? Он идет, а народ, как его завидит, разбегается. Иначе подойдет и начнет: не то надел, не так причесался. У нас в «Спартаке» таких людей отродясь не было.

Тогда ведь ребят после ухода Крутикова и прихода Бескова спросили, кого из помощников оставить — Хусаинова или Исаева. Игроки проголосовали за меня. Он меня взял, но ни к тактике, ни к чему-то еще не подпускал. Взял Бесков поначалу и Юрия Морозова, но уже на первых сборах его убрал. На каком-то разборе Морозов начал говорить о том, как должен играть центральный защитник,

и Бесков сказал: «Слушай, друг, как будет центральный защитник играть, говорить буду я, а не ты». И больше Морозова в команде не видели.

Однажды, когда я еще работал, в Тарасовку Качалин приехал. А мы с Бесковым на противоположных сторонах тренировочного поля стоим. Подзывает: «Анатолий, как дела? Как у вас отношения с Бесковым?» — «Вот такие отношения: он на той стороне, а я на этой. Как вы могли вообще его в сборную взять?» Он же никого не уважал. Считал себя выше собеседника в любой ситуации.

А может, Бесков мне припоминал ситуацию 56-го года, когда мы в Индии к мельбурнской Олимпиаде по жаре готовились. После травмы накануне игры выхожу проверить ногу — что могу делать, что нет. Качалин разрешил мне тренироваться индивидуально. А Бесков в общую группу зовет!

Я ему объясняю. Он не слушает: «Иди в группу!», а после тренировки еще и говорит: «А теперь сделай два круга пробежки и все мячи в авоську положи!» Продолжаю по инерции вести мяч — до Бескова-то еще полкруга осталось. Он как рявкнет: «Я кому сказал!» И я, заведенный, как засадил ему мячом! Хорошо, что попал в ноги, а не куда-то еще. И побежал дальше.

Потом он вызвал меня на беседу, я извинился, снова все объяснил. Но вот простил ли меня Бесков в той ситуации — не знаю. Не уверен. А я просто люблю справедливость, если же сталкиваюсь с хамством — не могу этого терпеть и стараюсь это как-то показать.

Хотя, когда я помогал Симоняну в Ереване, мы с Бесковым встречались, и все нормально было. Мы его угощали, шутки-прибаутки — словом, все в порядке. А в «Спартак» пришел — никакого контакта! Никогда не советовался. И ломать начал все спартаковское — из школы Осянина убрал…

Николай Петрович-то его вообще ненавидел. Бывало, приду к нему, а он вздыхает: «Анатолий, ты представляешь, динамовцы окружили везде. Председатель «Спартака» — динамовец, старший тренер — тоже. Врачи, массажисты, администраторы…» А для Старостина «Динамо» — это самое большое бельмо в глазу было. Как он нас на них настраивал…

И к нам такое же отношение было. Тот же Якушин «Спартак» не переносил. И даже Аркадьев из ЦДКА при всей своей интеллигентности называл нас «эти мотыльки ночные: сегодня полетали, а завтра их нет вообще». В олимпийской сборной Якушин мог меня на игру не поставить, а Качалин через неделю за первую сборную — ставил с первых минут.

Вот Гавриил Дмитриевич — чудесный человек был. Но вряд ли

Старостин мог Качалина в «Спартак» пригласить. Тот — интеллигент, а Николай Петрович рубил правду-матку, так сказать, по-чапаевски — недаром его Чапаем прозвали. И потом, он хотел управлять ситуацией в команде, а Качалин управлять собой не позволил бы».

Вы вправе относиться к очень жесткому рассказу покойного ныне Анатолия Константиновича, как пожелаете. Но он очень четко дает понять, насколько сложно все было во взаимоотношениях Бескова и людей «Спартака». Тем не менее Константин Иванович проработал в команде с таким количеством легенд-недоброжелателей целую дюжину лет, дважды стал чемпионом, еще семь раз — призером.

Другое дело, что недоброжелателей плодил во многом он сам. Вот что рассказывает Евгений Ловчев:

«*Бесков относился к «Спартаку» с пренебрежением. Я чувствовал это и в то время, когда он уже работал с командой. Когда мы по весне тренировались в манеже, на соседних полях занимались дети. А тренерами в школе были великие спартаковцы, олимпийские чемпионы — Огоньков, Тищенко.*

Как-то Огоньков вышел на тренировку, не переодеваясь — в цивильной одежде. Мальчишки с ним в «стенку» играли и били по воротам. И Бесков, глядя на это, отпускал весьма едкие реплики — об отношении к делу и т. д. Может, по существу он в чем-то и был прав, но интонация! Для меня это были кумиры, а для него — лишь детские тренеры.

Бесков создал в «Спартаке» специфическую атмосферу. Уйдя из команды, я не часто приезжал в манеж в Сокольниках — а когда приезжал, то слышал: «Тс-с… Сейчас Бесков будет здесь проходить». Все его боялись, что противоречило спартаковским нравам, воспитанию, ауре.

И Бескову не нужно было кричать — сама тональность была предельно уничижительной. Как и в Кисловодске в 72-м году по отношению к Симоняну, когда у того были семейные проблемы, он переживал, и от спиртного его быстро «развозило». Сидим с Федотовым, Володя говорит: «Константин Иванович, мы сейчас такси возьмем, Никиту Палыча завезем!» А в ответ — презрительное: «Да он пить не умеет!» Как я после такого — учитывая, что Симонян ко мне как к сыну относился, — мог Бескова воспринимать?»

Из общения с Владимиром Маслаченко выяснилось, что очень схоже Констатин Иванович вел себя и пятнадцатью годами раньше. Вот рассказ вратаря:

«*С Константином Ивановичем у меня были весьма специфические отношения. В 63-м году он возглавил сборную СССР.*

Он почему-то не воспринимал меня как игрока, хотя до того мы даже не сталкивались. И не вызвал на просмотр всех сборников в Воронеж. Но на него надавил тренерский совет, и Бесков скрепя сердце направил мне вызов. Единственное, что нас связывало, — один и тот же портной. Я любил красиво одеться.

Так случилось, что мы ехали с ним в Воронеж в одном купе. Он читал «Театральную жизнь», я — Аристотеля, которым вдруг заинтересовался. Бесков спросил, что читаю, и, получив ответ, почему-то метнул на меня такой взгляд, что я почуял недоброе. Может, он решил, что я над ним издеваюсь.

В Воронеже стало ясно — ни Маслаченко, ни Яшин Бескову не нужны, он делает ставку на Урушадзе и Баужу. А на мне за что-то пытается отыграться. Он даже хотел устроить комсомольское собрание по поводу моей прически — так я пошел в парикмахерскую и коротко подстригся.

Кончилось все тем, что после тренировки уже в Лужниках, когда со мной отдельно занимался Василий Трофимов, я подошел к Бескову и сказал: «Я не дурак и очень хорошо чувствую обстановку в сборной. Вижу, что сейчас вам не нужен. В «Спартаке» вы меня всегда найдете. Обещаю вам изо всех сил тренироваться и всегда быть в форме». Развернулся и ушел. А потом узнал, что уходом своим испортил Бескову образцово-показательное мероприятие, на котором он собирался меня за что-то чихвостить».

А теперь мнение того же Маслаченко — уже о приходе Бескова в «Спартак» и первом чемпионстве:

«Когда с Бесковым у «Спартака» все было на мази, я спросил Старостина: «А как же его динамовские корни?» — «Да ты знаешь, есть вещи, которые, наверное, надо как-то преодолеть». При этом опустил голову и в раздумьях теребил что-то в руках. Но ход с Бесковым в итоге оказался правильным, и команда вернулась туда, где ей и положено быть всю жизнь.

Бесков всегда подчеркивал, что является профессиональным тренером и ему все равно, где работать. До прихода в «Спартак» он трудился и в «Торпедо», и в «Локомотиве», и в ЦСКА, и в «Динамо», и в сборной. То есть стал таким внеклубным футбольным деятелем, не ассоциировавшимся исключительно с «Динамо», где сделал себе имя как футболист. Это, наверное, тоже облегчило решение пригласить его в «Спартак».

Бесков всегда работал плодотворно и дал нашему футболу целый ряд игроков, еще когда руководил ФШМ в Лужниках. В постановке игры он превосходил всех, и в конкурентной борьбе за игровые идеи, считаю, он был выше Лобановского. С точки зрения результата Валерию Васильевичу удалось все, но вот в этом постановочном искусстве уступал Бескову. Теперь думаю, что идеи

Лобановского в «Спартаке» бы не прижились, тогда как идеи Бескова оказались ему в самый раз.

Но тем не менее до «Спартака» Константин Иванович не выиграл ни одного чемпионата ни с одной командой! Побеждать он начал, уже возглавляя красно-белых. И Бесков не был бы Бесковым, если бы не посчитал это своей личной заслугой, а не клуба».

Последнюю фразу я вспомнил, когда услышал историю от Юрия Гаврилова:

«*Как-то возвращаемся на поезде с выезда. Бесков пошел по вагону. В купе ребята сидят — после игры вспоминают моменты. Он зашел и начал там: «Сочнов, а ты как играл сегодня?» Мол, не так, как надо. Потом другому, третьему. Я ему и сказал: «Константин Иванович, ну чего вы на ребят наезжаете, когда мы выиграли 3:0?» Он в ответ: «Еще бы вы не выиграли. Я вам все рассказал, как надо играть!» Ну, на это ничего, собственно, и не скажешь*».

Бесков сказал Ярцеву: «ты опоздал ко мне на десять лет. Но еще не все потеряно»

Как Бесков подбирал игроков — отдельная история, наилучшим образом продемонстрированная, выражаясь современным языком, в уникальном «кейсе» Георгия Ярцева.

«На тот турнир в январе 1977 года я не очень хотел ехать. Мы знали, что Бесков принял московский «Спартак» и решил провести в Москве смотр спартаковских команд со всего Советского Союза — и в это число вошел костромской «Спартак», за который я играл. Но мне было уже 29, и особого смысла срываться из дома сразу после отпуска, да и вообще участвовать в этом соревновании я для себя не видел.

В Костроме чувствовал себя вольготно и спокойно. Спортивная карьера, как мне казалось, на исходе, рядом — семья, многочисленная родня. Отец к тому моменту уже ушел из жизни, но мама — мать-героиня, сестры, братья — все там. Я заботился о них, заканчивал институт. Все у меня, словом, было великолепно, и никакой Москвой я не грезил.

Но команда поехала — и я поехал. Побывать в столице, повидать товарищей, да и, как жена выражалась, «еще апельсинов с колбасой купить для семьи» — все это в конечном счете заставило поехать. Турнир мы провели хорошо, и в один из дней в коридоре манежа в Сокольниках ко мне вдруг подошел Константин Иванович, поздоровался, причем назвав по имени.

Я оторопел. Когда такой человек среди толпы подходит именно к тебе — это даже не удивление, а чуть-чуть даже испуг. Ведь это же Бесков! Тот самый, при появлении которого в манеже все вставали. И вот этот самый Бесков говорит, что хочет видеть меня в московском «Спартаке».

Задаю ему встречный вопрос: «Вы знаете, сколько мне лет?» И слышу ответ: «29. Ты опоздал ко мне на десять лет. Но не все потеряно». Мы крепко пожали руки — и все.

Это было под конец турнира. Тем же вечером подошли люди из костромского «Спартака» и сказали, что мне звонили из дома: нужно срочно возвращаться. Я испугался, что с родными что-то произошло, а со связью в ту пору было не так легко, как сейчас. И тут же уехал. Оказалось, что все в порядке, и это, скорее всего, был некий ход руководства костромичей, прослышавших об интересе Бескова и пожелавших меня таким образом «спрятать», пока утрясется. Все-таки я был лучшим бомбардиром и капитаном команды.

Но не утряслось. В конце турнира был выставочный матч сборной этого соревнования против московского «Спартака». Я был включен в сборную. А Бесков, не увидев меня в составе, начал интересоваться, что да как. Поднялась большая волна. Моя команда вернулась в Кострому, после чего было сказано: «Бесков рвет и мечет. Уезжай срочно в Москву, иначе нас тут всех поснимают!»

Давление было очень сильным, и я, опять же не больно того желая, поехал на сборы в Сочи. Ни нагрузками, ни сложными упражнениями меня было не испугать. Я быстро понял, что в футбол, который ставит Бесков, играть могу. Плюс тренер меня поддерживал. Ну и ретивое взыграло: скоростные качества сохранил, игру понимаю — так почему не могу играть на таком уровне?

Был, правда, момент в 77-м, когда я уехал из команды. Вернулись из Ташкента, и пошли слухи, что кому-то из ребят дали квартиру, а Ярцеву — нет, хотя я стоял на очереди раньше. Вначале после каждой игры уезжал к семье в Кострому, а потом Бесков мне первому разрешил жить в Тарасовке с семьей. Но когда случилась эта ситуация с квартирой, я посчитал, что свое дело сделал, — и на попутном грузовике укатил в Кострому. Константин Иванович мне быстро позвонил. Разговор был секундный: «Я тебя жду. А если не приедешь, то с большим футболом попрощаешься».

Я понял, что это не шутки. Бесков пригласил меня к себе домой на Маяковку. Надо отдать должное Валерии Николаевне, она как настоящий дипломат беседой «рулила». Знаете, с чего Константин Иванович начал? «Лера, — говорит, — ну налей ему, он с футболом все равно закончил!» «Ты коньяк будешь?» — это уже мне. «Я водку пью!» Так и посидели за «рюмкой чая», и я вернулся в Тарасовку.

В один из моментов это «я водку пью» меня, кстати, спасло. Опять кто-то Бескову «наклепал», что мы пили, он вызвал: «Что вы там разливаете коньяк в пельменной?» Я ответил: «Да кто вам это сказал? Вы же знаете, я коньяк не употребляю!» — «Да, я тоже подумал — ты же водку пьешь»…

А квартиру мне в итоге дали. В Сокольниках, где я мечтал жить. И до сих пор люблю этот район. Даже когда в «Локомотиве» предлагали переехать в Крылатское, отказался».

В течение трех лет подряд Ярцев будет становиться лучшим снайпером «Спартака», а в 1978-м — и всего чемпионата СССР. И лепту в завоевание золота-79 внесет огромную.

А теперь просто представьте, что сегодня главный тренер «Спартака», какой бы ни была его фамилия, пригласит в команду

29-летнего нападающего из клуба даже не ФНЛ, а ПФЛ. Да в соцсетях такая истерика поднимется, столько «экспертов» повылезает — мол, тренер проталкивает в команду клиентов такого-то своего приятеля-агента, а половину зарплаты игрок будет ему отстегивать, — что ни у игрока, ни у тренера не будет ни минуты спокойной жизни.

В 1970–1980-е годы не было ни соцсетей, ни Интернета вообще, ни института футбольных агентов, которые влияют на очень многие процессы. Не собираюсь выступать в режиме «когда деревья были большими» и утверждать, что тогдашняя система была лучше. Но факт, что ни одному болельщику не могло бы прийти даже, как выразился бы популярный видеоблогер Евгений Савин, в «угол головы», что кто-то дал Бескову за появление Ярцева в команде взятку. А сейчас тренера имярек обвинил бы в этом примерно каждый первый. Вот и думайте, когда тренеру в нашей стране работалось легче.

Из Красноярска (опять же — вторая лига) прибыл будущий капитан «Спартака» Олег Романцев, ненадолго мелькнувший в команде в 1976 году. Но его так возмутила атмосфера в команде Крутикова, что он развернулся и уехал в родной Красноярск. Бескову стоило больших усилий и хитростей на следующий год заманить его обратно. Вот как рассказал мне об этом сам Олег Иванович:

«*Это произошло с подачи Ивана Варламова, хорошего человека, который тогда работал помощником у Бескова. Они отправили телеграмму, что я должен лететь в Сочи или Геленджик — точно не помню — на сборы сборной РСФСР. А тогда пропускать эти игры и даже сборы нельзя было, так как сразу же, автоматом, на пять игр дисквалифицировали. Иначе я бы никуда не полетел!*

Прилетаю в Москву, встречает меня Варламов. Селит у себя дома, пока эта так называемая «сборная РСФСР», а на самом деле «Спартак» — на выезде. Потом они приезжают, и меня везут на базу. Константин Иванович говорит: «Ну чего ты боишься, сибиряк, выходи на поле!» Отвечаю: «Нет-нет, я, если можно, потренируюсь там, за воротами, на (легкоатлетическом) секторе».

Смотрю — а там у сектора уже ворота маленькие поставили и народ какой-то собрался. Оказывается, это тоже была хитрость Бескова. Он вел тренировку — и незаметно на меня смотрел. А я в «дыр-дыр» играл — супер. И он мне тогда сказал: «Ты уже сейчас можешь в составе играть и будешь лучше многих». Отвечаю: «Давайте, я заявление напишу».

Почему? Да потому что отношение тренера — суперважно. Когда один при всех бросает, что ты, может быть, зря поедешь —

это одно. А когда говорит, что ты лучший (пусть это даже не так, о чем и я знаю, и он) — совсем другое. Неправда, а приятно! И, конечно, с таким тренером хочется работать сразу».

Третьим пришельцем из второй лиги, доказавшим, что у Бескова — глаз-алмаз, стал полузащитник Сергей Шавло из рижской «Даугавы». Ярцев рассказывает:

«*Будучи на сборах, мы поехали на центральный стадион Сочи смотреть матч «Динамо» (Киев) — «Зенит». Пошел проливной дождь, и тренеры команд, большие друзья Лобановский с Морозовым, решили от спарринга отказаться. Вместо них на поле вышли дубль «Зенита» и подвернувшаяся под руку рижская «Даугава».*

А мы, коль скоро уже приехали на стадион, остались и смотрели. И вот по грязи, в которой копошились команды, на этом черном фоне резко выделялся блондин из «Даугавы», который делал огромный объем работы и при этом играл здорово. Когда Константин Иванович развернулся к Старостину и спросил: «Николай Петрович, а в каких мы отношениях с «Даугавой»?» — я сразу понял, что «Спартак» получит очередного новичка. И, увидев вечером в гостинице Сергея, ничуть не удивился. Но ведь, если бы играли Киев и основной состав «Зенита», Бесков бы его просто не увидел!»

А вот версия самого Шавло:

«*Приехав в 17 лет из украинского Никополя в Рижский институт физкультуры, год выступал в первенстве Риги, в 18 — на чемпионате республики, в 19 отыграл год в «Даугаве», во второй лиге. В марте 77-го поехали на сбор в Сочи. И в самом конце месяца — контрольная игра со «Спартаком».*

Не помню, что я там такого исторического сделал, но, когда после игры пошли париться в баню, меня подозвал Бесков: «Твоя игра мне понравилась. Хочешь попробовать себя в «Спартаке»?» Я аж онемел — настолько невероятным показалось мне предложение. Целую ночь не спал — боялся, что все это во сне. Потом я зашел к Бескову в гостиницу, и мы обо всем окончательно договорились. И началась настоящая футбольная жизнь. Бесков научил в настоящий футбол играть. За что я ему по гроб жизни благодарен буду».

И, наконец, 1978 год — и четвертый игрок из второй лиги, которому суждено было спустя десять лет получить приз лучшему вратарю мира. «От Москвы до Гималаев лучше всех — Ринат Дасаев!»

Еще со времен Галимзяна Хусаинова существовало поверье, что в «Спартаке» для успеха обязательно должен быть как минимум один татарин. В бесковском их оказалось сразу двое —

Дасаев и Хидиятуллин (некоторое время играл еще Ринат Атаулин). Второй рассказывает о первом:

«*В «Спартаке» 80-х было два человека, которым Бесков прощал все, — Дасаев и Черенков. Он их очень любил. Я уже играл в команде, когда Дасаева взяли к нам из Астрахани. Честно говоря, поначалу он не произвел на меня никакого впечатления: долговязый, довольно неуклюжий.*

И где, подумал, они такого откопали?! Когда на тренировках мы отрабатывали удары по воротам, Бесков запрещал нам добивать мяч в сетку, если Дасаев сразу не ловил его. Чтобы, мол, не травмировать психику молодого голкипера. Скажи мне тогда кто-нибудь, что этот парень станет одним из лучших вратарей мира — ни за что бы не поверил!»

А вот тренер, хоть и не был вратарем и специалистом по вратарям — разглядел. Он видел что-то недоступное остальным. И даже недоступное на тот момент самому Дасаеву, о чем можно судить по его словам:

«*Поверил он в меня сразу. А потом эта вера укрепилась во время тренировок. Это правда, что Бесков предупреждал ребят, чтобы те не били мне сильно с близкого расстояния. Я все-таки был тогда щупленький, худой. Наверное, тренер почувствовал, что во мне что-то есть, и решил беречь — чтобы травму ненароком не получил. Как-то он мне сказал: «Я из тебя Третьяка сделаю!» И потом не раз любил повторять эту фразу. Наверное, ему это удалось* (улыбается)*.*

Дистанция между Бесковым и мной действительно была меньше, чем у других. Как все нормальные молодые люди, мы порой довольно весело отдыхали. Иногда Бесков нас ловил. Приходилось объясняться. Многих прощал, меня — в первую очередь. Я мог вспылить, и Бесков бы мне за это ничего не сделал. А вот если кто-то другой вскипал, то уже на следующий день этого человека в «Спартаке» могло и не быть.

Когда я пришел в «Спартак», был «сырой». Да что там говорить, техники просто не было. Шутка ли: из «Волгаря», второй лиги — в такой клуб! Надо было работать и работать. Но, наверное, были и упорство, и талант, а главное — трудолюбие. В общем, все, что нужно для вратаря, чтобы адаптироваться и заиграть.

Поскольку школы у меня не было, брал у каждого из лучших вратарей понемножку и старался создать что-то свое. Иногда кое-что подсказывал Бесков. А пахал я всегда одинаково. Тренера вратарей тогда в «Спартаке», да и в других командах, не было, так я после каждой тренировки звал Новикова: «Федор Сергеевич, давайте поработаем». Он, бедный, уставал от меня, потому что

меньше, чем через 30–40 минут, его не отпускал. Я всегда анализировал — чего мне не хватает, в чем виноват, почему пропустил? И на тренировках исправлял ошибки».

Рассказ Дасаева — идеальная иллюстрация к популярной максиме: «Невозможно научить, можно только научиться». Бесков будет влюблен в Дасаева всю карьеру, и даже когда тот в 1987-м году после домашней победы 4:1 над «Вердером» из Бремена в Кубке УЕФА провалит ответную встречу и команда проиграет — 2:6, не обрушит на него свой фирменный гнев:

«*Перед началом той игры мне вручили приз второму вратарю мира — и отчего-то у меня разыгрались нервы. Сам не понял, что со мной случилось, но в 30-летнем возрасте вдруг перегорел, как мальчишка, и матч превратился в кошмар. Я не чувствовал ни ворот, ни себя, ни партнеров. Бесков был тогда очень обижен, причем на всю команду. Я осознавал свою вину и в раздевалке пытался извиниться, но Константин Иванович остановил: «Виноваты все, не только Ринат»*.

Если возвращаться в 1977-й — 1978-й, то Бесков в одном лице выполнял функции и главного тренера, и тренера-селекционера. Высмотреть в основной состав будущей чемпионской команды сразу четырех игроков из третьего по рангу дивизиона, а нити игры отдать в руки еще недавно глухого динамовского запасного Юрия Гаврилова, — уметь надо! Эта история, — классика о том, как тренеру из минимума выжимать максимум.

Кстати, по словам Ярцева, Бесков активно участвовал и в распределении материальных благ среди футболистов, и недооценивать его роль в этом вроде бы не имеющем отношения к творчеству процессе не стоит:

«*Когда говорят, что все нам «пробивал» только Николай Петрович, — это неправда. Очень многое делал и Константин Иванович. Но он не считал нужным самому выдавать нам ордера на квартиры и т. д. Бесков все это переложил на Старостина. А человек ведь так устроен, что благодарит того, кто ему непосредственно что-то дает.*

Помню, скажем, разговор о том, кому какую машину дать. На команду пять «Волг» выделили, и они должны были достаться Хидиятуллину, Гаврилову, Шавло, Романцеву и Ярцеву. И вдруг Бесков спрашивает: «А что, Дасаев не достоин большой машины?» — «Достоин». — «Значит, и ему!» И нашлась шестая «Волга» для Дасаева. С квартирами — так же. Бесков просто не афишировал свою роль в этом плане».

Влиял он и на премиальные — при помощи оценок, которые выставлял игрокам за матч. Но, как выясняется теперь,

Константин Иванович только так думал. Юрий Гаврилов рассказывает:

«Если тебе двойку поставят за игру, то ты лишаешься поощрения. Даже если выиграли. Но опять же, Николай Петрович, который как раз владел всеми финансами в команде, проставлял свои оценки. Которые отличались от бесковских.

В одном чемпионате Константин Иванович мне вообще выставил 50 % двоек. Воспитывал так. Но премиальные за все победы я получил в полном объеме. Старостин мне сказал: «Юр, ты не волнуйся. У Бескова свои оценки, у меня свои. Команда же выиграла, что теперь, премиальные не платить из-за этих двоек? Команда выиграла — все получают одинаковые поощрения».

Приглашения на Маяковку

Приглашения игроков домой на Маяковку, где Валерия Николаевна накрывала стол, — это вообще была одна из «фишек» Бескова, и сегодня подобное можно представить себе только при очень богатом воображении. Подобные встречи не вполне монтируются с представлением о Бескове как о диктаторе.

Вот вам пример — Станислав Черчесов. Несколько лет он был в бесковском «Спартаке» вторым вратарем, но без малейшего шанса стать первым (тем более что редкими шансами молодой осетин пользовался не ахти) — им был Ринат Дасаев, капитан и суперзвезда. В 1988-м он будет признан лучшим голкипером мира — а Черчесов тот же сезон по рекомендации Бескова проведет, как выразились бы сегодня, в аренде в «Локомотиве». Хотя тогда аренд не бывало — просто так вышло по факту.

Год в «Локомотиве», пусть в его начале, по собственному выражению Черчесова, он «был далеко не Великой Китайской стеной», нынешний главный тренер сборной России в итоге провел здорово, принципиально поднял планку уверенности в себе — и вернулся в «Спартак».

Черчесов рассказывает:

«*На всех трехчасовых теоретических занятиях Бескова я сидел в первом ряду. Правда, сам, хоть до Константина Ивановича мне еще очень далеко, стараюсь делать их короче. Современная наука с тех пор ушла далеко, и выяснилось, что после 30 минут человек уже не воспринимает сказанное, его внимание распыляется.*

О вратарях Бесков во время разборов ни разу за все годы слова не сказал. Ни при всех, ни один на один. Даже после 2:5 от «Жальгириса» в 87-м, когда я «привез» все, что можно и нельзя было. Похвалить одним словцом после удачной игры мог, но критики вообще не было. Хотя с полевыми игроками обстояло совсем иначе…

Зато на тренировках Константин Иванович все ошибки замечал! Как нарочно! Аж досада порой брала. Тренируешься как зверь, ловишь невероятные мячи, бросаешься из угла в угол — Бесков в другую сторону смотрит. Но как только мяч пролетает у тебя, допустим, между ногами, тут же раздается: «Ну, Станислав, нужно же ловить!»

Не думаю, что в первые годы был готов играть на серьезном уровне. И запусти меня туда в тот момент — мог бы и сломаться. Так что низкий поклон тому же Бескову, что столько «выдерживал».

Константину Ивановичу я в плане советов доверял

безоговорочно. Потому что он — Бесков, и чувствовал все на интуитивном уровне. В 87-м году главным тренером тбилисского «Динамо» был Кахи Асатиани. Он очень хотел видеть меня в своей команде. Приехал в Москву, встретился со мной в гостинице «Космос», долго говорили. Но потом я пришел к Константину Ивановичу, рассказал, и тот ответил: «Не торопись!»

А вот когда после того сезона сообщил ему об интересе Юрия Павловича Семина и его «Локомотива», он сразу сказал: «Иди!» Я прислушался, и Бесков оказался прав. Почему он так сказал — потому ли, что Семин у него в «Динамо» играл, или по другим причинам — мне неведомо. Главное, что его совет здорово помог в карьере.

Обратно в «Спартак» меня позвал не Романцев, а Бесков. Это было сразу после сезона-88, когда смена тренера еще не произошла. Более того — Константин Иванович пригласил меня к себе домой на Маяковку.

Вот потому-то футболистов в свою команду не беру, пока с ними лично не поговорю. Я должен понять — что за человек, чего от меня хочет, к чему стремится? И что ты можешь ему дать? Правильно Сент-Экзюпери написал: «Ты в ответе за того, кого приручил».

А тогда Валерия Николаевна встретила, стол накрыла, мы хорошо пообщались. Ярцеву, говорите, он однажды рюмку налил? Мне ничего не наливал. А просто сказал, что Дасаев собирается в Испанию и у меня появится шанс. И спросил, готов ли я. Ответил: «Готов».

Часто вспоминаю тот разговор. Константин Иванович не сказал, что я буду основным вратарем. И никогда он никому не говорил: «Приходи, будешь у меня все время играть». Никаких обещаний, кроме одного: у тебя будет шанс. Я поступаю так же».

Правда, спустя несколько недель Бескова заменит Олег Романцев, но Черчесова он все равно сделает основным вратарем, и в следующем же году, 1989-м, «Спартак» станет чемпионом.

Это уже совсем другая история. А пока вернемся к первому бесковскому чемпионству 1979-го. Георгий Ярцев расскажет, как был пройден этот путь и что сделал для этого взлета его главный тренер:

«Не согласен с теми, кто говорит: мол, Бесков в 77-м году построил новую команду. Неправда! Прохоров, Ловчев, Кокорев, Самохин, Букиевские, Гладилин, Булгаков, Сидоров, оставшиеся в «Спартаке», и в том сезоне еще во многом определяли его игру. А новички, включая меня, удачно вписались. Костяк мы начали составлять позже — с 78-го, когда пришел еще и Дасаев.

«Спартак» в первой лиге — это был невиданный ажиотаж! В

каждом городе, куда мы приезжали играть. Всегда полные стадионы, игры «от ножа» — всем хотелось внести в историю своего клуба победу над самим «Спартаком». В результате первый круг мы закончили на 6-м или 7-м месте. В какой-то момент даже встал вопрос о снятии Бескова. «Спартак» же всегда был объектом большого внимания руководителей.

И тут между первым и вторым кругом Константин Иванович вывозит нас в Италию. И мы десять дней, проведя в первый и последний из них контрольные матчи, упорнейшим образом тренируемся. И там к нам приходит игра, взаимопонимание, которому потом все удивлялись. Уехали на Апеннины одной командой, вернулись — другой.

Ну и появление в тот момент новичков сказалось. Мне, форварду, стало намного легче играть, когда из «Динамо» пришел Юрий Гаврилов. У нас сразу образовалась связка. Мы с полуслова поняли друг друга — бывает же так!

Потихонечку отпочковывалось то, что не нравилось Бескову. Пусть это и прозвучит пафосно, но с каждым месяцем мы все больше становились сторонниками его футбольной идеи. И когда теоретические занятия в первой лиге начинались с тезиса, что наш основной соперник — киевское «Динамо», все уже действительно этого ждали. Хотя вначале слушали его и думали: где Киев, а где мы? Состав киевлян все наизусть знали, а наш… Но если в первом круге никто не верил, что мы вернемся в высшую лигу, то в круге втором в этом уже никто не сомневался.

Не было ничего удивительного, если в каком-то провинциальном аэропорту в ожидании самолета в 10–11 вечера Бесков устраивал теоретические занятия. Операторы всегда готовы были подключить технику — и показывать, показывать. Тактики было не просто много, а очень много. В результате вскоре мы уже знали наизусть маневры друг друга. Полностью это ощущение закрепится в 79-м — 80-м, но уже второй круг в 77-м мы провели на ура. И как на нас народ пошел!

С Бесковым нельзя было расслабиться ни на секунду. Для него не существовало авторитетов, и в команду он брал именно тех игроков, которые были ему нужны. А тех, кто, по его мнению, играли неправильно и тормозили игру, — отсеивал. Уйти пришлось многим игрокам высокого уровня — вроде Папаева. Тогда кипели такие страсти: ну как может самого Папаева заменить какой-то Шавло?!

Недовольных решениями Константина Ивановича было много. Динамовец во главе «Спартака» — это всегда почва для конфликта. И вот мы неудачно стартовали в высшей лиге в 78-м, потом случился демарш Ловчева… Но после того, как инцидент

был исчерпан и Ловчев ушел из команды, начали потихоньку набирать очки. Подросла трава, и мы принялись показывать свою игру. Вот говорят — «спартаковская игра», а ведь это Бесков такую игру поставил. Потому и предпочитаю говорить — «бесковская игра».

Одна из многих заслуг Бескова — в том, что он со своим видением игры полностью вписался в спартаковскую традицию. Просто, может, Бесков шагнул повыше — при нем возросла командная скорость. Может, кто-то ехидно усмехнется, но игра нынешней «Барселоны» — это тот самый спартаковский футбол! Выверенный до миллиметра короткий и средний пас — это все было заучено, как «Отче наш».

И тут стало ясно, что Бесков дает Дасаеву карт-бланш. Когда ушел Прохоров, мы поняли: Ринат — главный. И Константин Иванович до конца карьеры Дасаева оберегал. Двух человек тренер никогда не трогал — Дасаева и Черенкова. Даже при ошибках Бесков выводил их из-под удара. И думаю, что Ринат еще и потому так уверенно заиграл, что над ним не довлела конкуренция. Он принял на себя всю ответственность и стал вратарем номер один.

В 78-м все ждали нашего помпезного возвращения, но оно вышло чуть скомканным. Никто не думал, что мы так плохо стартуем и окажемся к концу первого круга в конце таблицы. С динамовцами — что Киева, что Москвы — нам тогда конкурировать еще было рано. У тех был их футбол, который имел право на жизнь, — но однажды мы поняли, что у нас появился свой, совсем иной. Во втором круге уже никого не боялись. И золото 79-го без сезона-78, когда мы поняли, что многое умеем, было бы невозможно.

Планов выиграть первенство у нас перед началом сезона-79 не было. Но в том, что выступим сильнее, чем в 78-м, не сомневались. Даже после кубкового разгрома от «Динамо» мы вместе с Сашей Кокоревым и его тезкой Минаевым пришли на «Красносельскую» в гости к Николаю Ивановичу Паршину, у которого и Кокарев, и Минаев учились в спартаковской школе. И я Минаеву сказал: «В этом году мы вам «вставим»!»

Хотя не думал, что до такой степени. Но когда пошла игра, все так закрутилось, что мы сами поверили — все возможно. В том году дважды обыграли киевлян. Николай Петрович на установке перед киевским матчем сказал: кто выигрывает в Киеве — становится чемпионом. Так было в 69-м, так же произошло и десять лет спустя».

В том киевском матче Ярцев забьет с прострела Хидиятуллина, а в последнем туре, обыграв на выезде ростовский

СКА — 3:2, «Спартак» станет чемпионом. Парадокс, но первое золото в тренерской карьере Бескова случится в клубе, к которому у него никогда прежде не лежала душа. Бывает и так.

Ряд занятных психологических штрихов от Вагиза Хидиятуллина:

«*В 77-м мы смотрели Бескову в рот, четко выполняя все, что он хотел. И пусть в первом круге ладилось не все, шли на седьмом-восьмом месте, понимали — должно прорвать. Переломной стала победа в Ташкенте, и второй круг прошел просто на ура. О чем говорить, если на нас в первой лиге по 30 тысяч собиралось, фанатское движение как раз в тот момент зародилось, а на «Динамо» и «Торпедо» в высшей лиге две-три тысячи в том же сезоне ходило?*

Когда Бесков хотел команду «вздернуть», разозлить — понимал, за какие ниточки дергать. Зная мою эмоциональность, мог легко меня спровоцировать, чтобы я бучу поднял прямо на собрании. Упрекал: «Подкаты не делаешь, в борьбу не идешь». — «Как не делаю?! У меня с половины жопы кожа сошла!» И понеслось. Я говорил, что полузащита не помогает, завязывалась горячая дискуссия — а ему только этого и надо.

Привычки Константина Ивановича мы со временем изучили. И знали, что, если он появлялся на базе в кожаном пиджаке и галстуке, губы в струнку — хорошего не жди. В этом случае он всегда говорил: «Я не зря тревогу бил!» И начиналось… А если в красном спортивном костюме — значит, настроение нормальное.

В автобус он всегда заходил одним из последних и садился в свое третье кресло. Тишина была полнейшая, готовились к игре, никаких шуток. Вообще ни полслова — не говоря уже о музыке в ушах. Мне водитель Коля Дорошин рассказывал, что, когда в середине 90-х в команду пришел Руслан Нигматуллин, он за три ряда слышал музыку, которая у того гремела. В наше время это было в принципе невозможно.

Командные приметы? Однажды Бесков в первой лиге, перед игрой в Кемерове, сказал: «Идите поприветствуйте зрителей, их много собралось». Пошли, помахали им — и проиграли 0:2. После этого о приветствиях до матча не было и речи.

Как ни парадоксально, с Бесковым гораздо легче было общаться после поражений, чем после побед. Мы шутили, что, когда проигрывали, он слезал с Эвереста и опять начинал работу, засучив рукава. И становился таким, каким мы его знали в 77-м. Мы-то в такие моменты думали: ну все, сейчас будет такой разбор полетов, что разорвут нас в клочки, которые будут летать по Тарасовке. А получалось противоположное».

Бытовая сценка в изложении Сергея Родионова, из которой

можно сделать вывод, что Бесков очень даже хорошо знал, как с кем из игроков нужно разговаривать:

«Самое страшное — это если проиграли, или даже 0:0 сыграли, едем назад на поезде, и Константин Иванович заходит в наше купе. Я всегда лежал на верхней полке, потому что помоложе был. И он к каждому по очереди обращается: «Ну что, Сергей, сколько ты сегодня забил?» — «Ноль». — «А сколько отдал?» — «Ноль». — «Значит, ты кто? Ноль целых, ноль десятых». «А ты, Федор, — обращается к Черенкову, — что сегодня сделал?» — «Ничего». — «Не смогли мы сегодня Киев обыграть, да? Значит, ты тоже ноль сегодня!»

Но ласково. Потому что Бесков понимал, на кого можно кричать, а кому нужно просто подсказать. Федор был ранимым человеком, и тренер это знал. Константин Иванович был очень требовательным. Просто на Федора не надо было кричать — ему достаточно было намекнуть. Бесков прекрасно знал, что Черенков сильно переживает каждую неудачу. И он об этом вслух говорил. «Как же так, почему же я не смог? Надо было…» Сейчас пресса уничтожает всех, может, это Федору бы и мешало. Но тогда не было такой критики. И он сам был себе самым жестким критиком.

Только один раз, после гостевого матча с «Андерлехтом», Бесков заметил на разборе: «Федор, как же ты можешь прыгать козлом?» Тренер имел в виду, что он купился в момент ложного замаха соперника. Вот после тех слов Черенков очень сильно переживал».

Истории Бескова и игроков. Часть 1. Ловчев

К тому моменту, как бесковский «Спартак» выиграл титул, в нем уже больше года не было Евгения Ловчева — единственного остававшегося в команде чемпиона-69. Следующие части главы о Бескове будут посвящены историям его взаимоотношений с отдельными игроками, которые, на мой взгляд, во многом объясняют, почему при всем своем гениальном даре футбольного режиссера Константин Иванович выиграл гораздо меньше, чем мог бы. А потому, что за исполнителями футбольных ролей он не больно и стремился видеть живых людей, не умел в правильные моменты нажимать на нужные кнопки в их душах.

И еще. Из-за современных тенденций к увеличению роли психологии и индивидуального подхода к игрокам не убежден, что сегодня Бесков был бы так актуален и востребован, как он, творец, того заслуживал. У Константина Ивановича главным действующим лицом был мяч, а не люди. Такой подход имеет право на жизнь, но и оборотные стороны у него есть.

Ситуация Ловчева несколько выпадает из общего ряда последующих историй, поскольку те будут касаться футболистов как раз уже построенного Бесковым «Спартака», а Евгений Серафимович — одно из главных лиц команды добесковской. Что и делало его фигурой, во многом обреченной.

Но раз команда без него стала чемпионом — тут Бескова нельзя назвать неправым. По крайней мере, профессионально. А уж как там по-человечески — это куда больше волновало Николая Петровича, чем Константина Ивановича…

Ловчев:

«*Именно на отношении к людям Николай Петрович разошелся с Бесковым. Да, Константин Иванович пригласил многих ребят, вылепил из них классных футболистов — это бесспорно. Но они были для него не более чем рабочей силой и должны были полностью подчиняться ему — имел место беспрекословный диктат. По-динамовски.*

А Старостин их любил. И не случайно Хусаинов, Логофет тихо заканчивали карьеру в дубле «Спартака» и никто не пытался их выпихнуть. Но это было при Симоняне или Гуляеве. А у Бескова тот же Ярцев р-раз — и в «Локомотив», Гаврилов — в «Днепр», Шавло — в «Торпедо»…

При всех непростых отношениях, которые были у меня с Бесковым, невозможно не признать, что он и Крутиков как

тренеры — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Константин Иванович с первых дней в первой лиге начал показывать нам фотографии киевского «Динамо» — и говорил: «Вот к кому стремиться надо!»

Симонян же всегда признавал главенство в «Спартаке» Николая Петровича. В отличие от Бескова. Который полагал, что это он вернул Старостина в «Спартак» — и уже хотя бы поэтому имеет право быть с ним как минимум на равных.

Старостин всегда воспитывал в нас людей со своим мнением, которое мы свободно могли выразить. Из-за этого наши отношения с Бесковым были испорчены еще задолго до его прихода в «Спартак». В 74-м Бесков возглавлял первую сборную. В начале года играли в Одессе с чехами и уступили. Вечером Константин Иванович подошел к компании игроков, среди которых был и я. Мы что-то обсуждали, смеялись, а он сказал: «Смеетесь? Народ сегодня переживал, а вы за страну не переживаете, поэтому и проиграли».

Я ответил: «Почему это — «вы проиграли»? Это мы все проиграли — вы как тренер, а мы как игроки». После чего услышал, что как футболист деградирую на протяжении последних двух-трех лет. Всю ночь мучился, а утром меня пришел будить Алексей Парамонов. Мы улетали в Киев на игру «Динамо» — «Спартак», и я сказал ему, что не хочу больше играть за сборную. Тот говорит: «Да успокойся ты!»

Затем Парамонов пошел докладывать, что всех разбудил, и вернулся ко мне возбужденный: «Он на меня наорал! Больше с ним работать не буду!» Я встал, пошел к Бескову и сказал, чтобы в команду меня больше не вызывали. Понимая, что за это придется отвечать, добавил «страховочную» фразу: «Считаю, что недостоин сейчас играть в сборной». Он ответил, что наши с ним мнения совпали.

Еду в Киев. На следующий день туда прилетает «Спартак», и Старостин спрашивает, что я натворил. — «В каком смысле?» Выясняется, что Бесков сказал в ЦК партии, что Ловчев отказался защищать честь страны на международной арене.

Больше в этом году меня не вызывали — благо, матчи были только товарищеские. Но я здорово отпахал в тот сезон, перешел в полузащиту, мы заняли второе место после Киева. В конце года должен был состояться единственный официальный матч в Ирландии, и я был уверен, что буду вызван. Однако прежде пригласили в Спорткомитет. Старостин пошел со мной и говорил: «Только молчи».

Для начала Бесков начал все в мой адрес высказывать. Я хотел ответить, но Старостин не позволил. И в сборную таки вызвали.

Ребята в пику Бескову выбрали меня комсоргом. Мы проиграли — 0:3, Константина Ивановича, убрав из первой сборной, которую сделали «киевской», перевели в олимпийскую. И он пригласил меня на разговор. Сидели в креслах, пили кофе.

«Создают олимпийскую сборную на базе «Спартака», — сказал он. — Ты — один ветеран. Помоги мне собрать команду. И скажи, на какой позиции хочешь играть».

Я обещал помочь, насколько смогу. Сказал, что команда у нас по составу слабовата, но духом мы сильны. «Добавим, кого нужно», — ответил Бесков. Это был нормальный разговор нормальных людей, и такие беседы окрыляют. А что касается позиции, то я уже в силу опыта прекрасно чувствовал себя в роли центрального полузащитника, держал все в своих руках. О чем и сказал тренеру.

В первой же контрольной игре в Сочи против «Днепра» на четвертой минуте забиваю гол, но в этот момент мне шипами разрезают колено — чуть ли не без наркоза мениск вырезали. Десять дней лежал. А когда встал, мы сразу поехали за границу, и Бесков вдруг ультимативно заявил: «Или выйдешь защитником, или вообще играть не будешь!» Когда летели обратно, я в самолете подошел к Старостину и сказал, что больше не играю в футбол. Потому что хочу зависеть от футбола, а не «от этого самодура, который…» После чего не поехал на сборы даже со «Спартаком».

Приехал Старостин, вызвали меня в Спорткомитет, долго разговаривали и уговаривали. Тем более что и первая сборная во главе с Лобановским на меня рассчитывала. В футбол я, конечно, вернулся, но каким после этого было мое отношение к Бескову, догадаться нетрудно.

По ходу 77-го я все время чувствовал, что Бесков меня потихонечку выталкивает из «Спартака». Даже из первой лиги Симонян вызывал меня в сборную на отборочные игры ЧМ-78. И после апрельского матча в Венгрии я прибыл в Москву с полной уверенностью, что тут же надо лететь на игру «Спартака» в Ашхабад. Оказывается — не надо. Потом уже администратор рассказал, что Бесков запретил брать мне билет. Стало ясно, что он просто изолирует меня от команды.

18 мая — ответный матч с теми же венграми в Тбилиси. Перед вылетом говорю Николаю Петровичу, что обязательно полечу в Свердловск на матч «Уралмаш» — «Спартак». Прилетаю в Домодедово, сразу иду в кассу, беру билет — и перезваниваю Старостину, что все в порядке, завтра буду играть.

Я же оставался безумным патриотом «Спартака» и хотел быть на поле все время, поскольку нам надо было вернуться в

высшую лигу! Газетные заголовки вроде «На наших глазах умирает «Спартак» рвали мне душу. Меня еще в 75-м Лобановский в Киев звал. Но я отказался.

В Свердловск было два рейса — в 10.00 и 10.10. Я перепутал, не обратив внимания, что «мой» рейс летит с посадкой в Кирове. В итоге прилетел за полчаса до игры. Выскакиваю — стоит одно такси, причем полное. Говорю, что я — футболист «Спартака», и прошу довезти до стадиона. Таксист отвечает, что люди едут на похороны, но если согласятся взять меня четвертым за заднее сиденье и в тесноте доехать до стадиона, то он не против. Взяли.

Приехал уже по ходу первого тайма. А у меня нет ни билета участника — ничего! Подбегаю к контролеру, представляюсь, меня впускают. Нахожу Старостина и администратора, открывают раздевалку, я мигом переодеваюсь и минуте к 35-й бегу по кругу к скамейке запасных. Народ узнает, начинается шум, овации. Я подбегаю и спрашиваю Константина Ивановича, кого мне менять. Тот пребывает в растерянности, потом указывает на кого-то: «Вот его».

Подхожу к боковому судье, а он говорит: «Не могу выпустить. Тебя в протоколе нет». Как?! Я же звонил и говорил, что буду. Вчера за сборную играл, через полстраны летел… «Ищи инспектора матча». За три минуты до конца первого тайма по стадиону объявляют, что инспектора просят зайти туда-то. Он приходит и говорит, что ничего уже не может сделать.

Так и не пустили. Я был как обос…нный. Переоделся, обиженный до безобразия. Игра заканчивается, кажется, нашим поражением — 1:2. Тягостная обстановка. Заходим в гостиницу, все берут свои ключи и расходятся по номерам. Проходит полчаса, а я со своими шмотками сижу внизу и даже не знаю, кто в каком номере. Никто меня и не думает селить! То есть просто показывают: «Иди на фиг!» Слава богу, в какой-то момент выходит Николай Петрович и с удивлением спрашивает, что это я тут сижу. Он меня в итоге и разместил, но угнетенность была страшная.

Да и то, что из капитанов меня разжаловали, добавило ощущений. Бесков сделал капитаном Прохорова. Нет, формально были выборы, но ребята мне рассказывали: Константин Иванович обходил всех и говорил, что нужно выбрать Прохорова.

Андрей Петрович до своей смерти в 1987 году был буфером между Бесковым и Николаем Петровичем. А Чапай, в свою очередь, был буфером между Бесковым и командой. Уже в 77-м году мы с нетерпением ждали, когда Старостин приедет к нам на сборы в Сочи. Сказали ему, что не можем с Константином Ивановичем работать, но он нас успокоил. И терпел это очень долго.

Сергей Рожков, который играл в «Спартаке», а потом работал с Константином Ивановичем, сказал о нем точную фразу: «Не Бесков сделал «Спартак», а «Спартак» сделал Бескова». Смысл ее дошел до меня не сразу.

К концу 77-го наши отношения с Бесковым уже были испорчены. Решение большой задачи обычно снимает напряжение, тем более когда уходишь в отпуск. Однако я с Бесковым работать уже не хотел, и в этот момент меня пригласили на комсомольский «огонек» на Ленинские горы. Там в кафе собрались комсомольские вожаки района.

Когда мне дали слово, чтобы я рассказал, как «Спартак» триумфально вернулся, я начал с того, что Бесков в начале сезона удачно провел селекцию, на турнире спартаковских команд нашел Ярцева, ставшего лучшим бомбардиром команды. Тут какой-то человек сказал: «Евгений, прошу вас, не хвалите Бескова!»

Мне это было в кайф. Но, промолчав на эту реплику, я начал говорить вновь и все равно сказал что-то хорошее о Бескове. И опять тот же человек повторил ту же фразу. Тут я спросил: «А почему не хвалить?» В ответ прозвучало: «А назовите хотя бы одну команду, которую он сделал чемпионом!»

Вот поэтому «Спартак», с которым Бесков дважды стал чемпионом, его и «сделал»! До «Спартака», работая во многих командах, чемпионат он не выигрывал. Потому что его величие — в чутье, вкусе на футболистов, умении их раскрыть. Но потом этот талант наталкивался на его же личностные качества. Везде и со всеми он конфликтовал. Известна история, когда он пришел в «Торпедо» и сказал: «Уберите Иванова и Стрельцова, и я сделаю вам команду!» Убрали, естественно, самого Бескова.

И таких историй было много. Не мог он с людьми ладить, как бы хорошо ни складывалось, начинал их «душить». Подозрением, взглядом… Константин Иванович никогда не срывался на крик. Он просто говорил с таким пренебрежением, что это не могло не оскорбить.

Нескольких игроков Бесков не унижал, но таких был минимум. Почему? Возможно, потому что те же Черенков или Родионов были тихими, безответными. Зато Пасулько, Шмаров, Бубнов — со своим мнением, с гонором. Вот им и доставалось по полной программе.

Поколение чемпионов 79-го года клянется Бескову в любви. При том что он же их и раскидал по другим командам. Понимаю — у них других тренеров, по большому счету, не было. А у меня был Симонян, Блинков в молодежной сборной. Я всегда воспитывался в семейной футбольной обстановке, где мы могли быть нерадивыми, но все равно оставались любимыми. И даже несмотря на то, что

Старостин на меня очень обиделся за уход в «Динамо», он не позволил журналисту Колядину из «Советской России» утопить меня, когда тот приехал собирать материалы для фельетона.

Уже в 77-м мне стало ясно, что Старостин и Бесков не смогут нормально сосуществовать. Они представляли собой противоположные модели жизни в обществе — демократию и диктатуру. Модель Бескова мне не подходила, и я ушел.

Впрочем, знаете… Я столько всего про Бескова рассказал, что он предстает сплошь нехорошим человеком. Но это не так. Это — мое видение взаимоотношений с этим человеком. Бесков точно так же, как Старостин, чист, честен и свят перед футболом. Просто я — человек Старостина. Но и к Бескову, несмотря ни на что, отношусь с уважением».

А вот мнения о «деле Ловчева» некоторых футболистов чемпионского «Спартака». И одно — от их предшественника Геннадия Логофета:

«*Унизить человека Бесков мог запросто. Женя Ловчев-то в «Динамо» именно от Бескова ушел. Самым любимым словом у Константина Ивановича было «бездарный», причем он прямо в лицо говорил: бездарный игрок, бездарный пас*».

Вагиз Хидиятуллин:

«*На меня произвела сильное впечатление ситуация в 77-м. В тот момент мы шли не очень хорошо и играли в Кривом Роге. Ловчев сказал: «Нападающие у нас худо-бедно забивают, поэтому давайте сосредоточимся на том, чтобы сзади сыграть «на ноль». Мне эти слова запали в душу, поскольку показали, как опытнейший игрок за команду переживает. И действительно тот матч провели по-боевому. Ловчев всегда был человеком своеобразным, но по мастерству и самоотдаче к нему никогда вопросов не было.*

В возвращении в высшую лигу он сыграл большую роль. Другого флагмана «Спартака», Папаева, Бесков сразу не постеснялся убрать из команды — за одну неосторожную фразу (что-то вроде «Зачем нас учить, как мяч останавливать?»), после которой решил, что Виктор вносит в работу команды дисбаланс. А Ловчева до поры оставил. Но когда костяк новой команды утвердился, стал его немножко «поддушивать». В конце концов это закончилось его уходом в «Динамо».

Слова Ловчева, что мы якобы уже в 77-м ходили к Старостину и говорили, что с Бесковым невозможно работать, — неправда. Да сейчас кого ни спроси, любой скажет: человека, лучше понимающего футбол, чем Константин Иванович, не было! Может, для Ловчева или Папаева он был тяжелым человеком. А мы, молодые, жили на базе, слушали Бескова и играли в футбол, который доставлял нам огромное удовольствие. И ни о каких жалобах на тот момент не

думали».

Георгий Ярцев:

«*Сейчас о том времени пишут многое, и с тем же Ловчевым я во многом не согласен. Когда он дает негативную характеристику Бескову — это его субъективная оценка. У них были свои отношения. Ну, для него он не учитель, а для многих из нас — не просто учитель и наставник, а человек, который дал дорогу в большой футбол!*

Позицию Ловчева я в то же время понимал. И скандал, который произошел в 78-м вокруг его ухода, не принес радости ни самому Евгению, ни команде. Помню, как в 79-м, когда «Динамо» обыграло в Кубке «Спартак» — 3:0, Ловчев подбежал к лавочке показывать всякие жесты… Стоп, дальше об этом не буду. А то мне говорят: когда, мол, книгу напишешь? Отвечаю, что никогда, ведь если напишу, то скажу правду, а это не всегда и не для всех будет сладко.

В конце 70-х Николай Петрович понял, что Бескову надо не мешать, а только помогать. Они объединились — и это были уже не растопыренные пальцы, а мощный кулак. Вот Ловчев говорит, что уходил не из «Спартака», а от Бескова. Но ведь, при всем позитивном отношении старшего Старостина к Жене, он не выступил за то, чтобы того оставили. Допускаю, что, займи Николай Петрович более жесткую позицию, общий язык все-таки был бы найден. Но, очевидно, Бесков и Старостин тогда до такой степени были тем самым сжатым кулаком, что и Дед понял: Ловчев в какой-то мере мешает Бескову работать с остальными, в его понимании плохо на них влияет. И не стал препятствовать разрыву.

Конечно, характер у Бескова был не сахар. И если во времена Симоняна со Старостиным благодаря их дипломатии расставания с игроками проходили гладко, то у Константина Ивановича разрывы становились неожиданными и происходили по ходу сезона. Иногда было и непонятно, за что. Могу массу примеров привести — да с тем же Ловчевым можно было найти компромисс, и Женька бы остался. Он был лидером команды, фигурой, авторитетом. Да, своеобразный человек — но, главное, в игре нельзя было сказать, что Ловчев уходил от борьбы. И он вовсе не «пошел с базара», даже разговоров таких не могло быть! Он был в порядке! Уверен, что Никита Палыч с Николаем Петровичем, у которых тоже были с Ловчевым конфликты, нашли бы с ним взаимопонимание.

А Константин Иванович четкую границу провел: нет — и все! Так же потом было со мной, Хидиятуллиным (у того, правда, другая история — он сам в ЦСКА ушел), Романцевым, Шавло, Гавриловым… Как только тренер решал, что игрок «не тянет» —

его освобождали из команды. А те же Шавло с Сочновым потом в «Торпедо» доказывали, как умеют играть, Гаврилов вообще до сорока лет на поле выходил… Вообще, если наше поколение взять, то никто не ушел нормально, все покинули «Спартак» с какой-то обидой. Правда, в отличие от нынешних игроков, никто не бросал в адрес команды публичные обвинения».

Рассуждения Ярцева и особенно его вывод перебрасывают логический мостик от Ловчева к историям звезд следующего, бесковского, поколения.

Истории Бескова и игроков. Часть 2. Ярцев

С Георгия Александровича, ушедшего из «Спартака» первым, и начнем. Тем более что ярчайшая история его прихода к Бескову уже описана выше.

Ярцев:

«Весь негатив, который Константин Иванович обрушивал на нас, нивелировал Николай Петрович. Помню, после одной победы Бесков в раздевалке такой разнос устроил! Мы сели в автобус, поехали в Тарасовку — и стояла просто гробовая тишина. Никто ни с кем даже не разговаривал, до такой степени в каждом копилась обида.

И каково же было наше удивление, когда утром встали — и на завтраке и зарядке вдруг появился Николай Петрович, которого в такие дни на базе не бывало. Начал рассказывать истории и потихонечку разогнал негатив шутками, воспоминаниями. Все заулыбались, начали смеяться — и в хорошем настроении разъехались по домам.

Тогда я уже понимал, что он великий педагог. Ведь характеры у людей разные, а обида в тот день у всех была общая. И чтобы вот так всех расслабить и развеселить, причем по-разному — одного подковырнуть, другому что-то рассказать — надо обладать удивительным даром. Он очень тонко чувствовал ситуацию в команде, и если Бесков мог дать волю эмоциям, то Старостин никогда себе этого не позволял.

Даже когда ты как бы находился у Бескова в любимчиках, иногда бывало очень некомфортно, а уж когда он положил на тебя «черный глаз» — тут уж совсем невмоготу. Я в полной мере испытал на себе и то, и другое. В 80-м, на первом собрании после проигранной московской Олимпиады, он сказал, что «виноваты те, кто не попал в олимпийскую команду». А на мой вопрос, в чем наша вина, ответил: «Вы не составили достойную конкуренцию». Это и положило конец моему пребыванию в команде.

В следующей игре мы победили «Локомотив», причем я на ту игру в отсутствие Романцева вышел капитаном. И каково же было мое удивление, когда на следующий день Константин Иванович вызывает меня: «Ты хотел ехать отдыхать в Кострому, так я тебя отпускаю».

На Бескова и его тогдашнее отношение к нам, полагаю, очень сильно повлиял тренерский штаб, который выбрал Константин Иванович. Не буду скрывать, что лизоблюдство и подхалимаж там были на высшем уровне. Любые твои слова, даже ничего не означающие, тут же передавались Бескову, но с совсем другим

смыслом. Не исключаю, что лизоблюды — только уже другие — и на Романцева в какой-то момент сумели повлиять не в лучшую сторону.

Так вот, после «Локомотива» Бесков мне сказал, что я могу ехать отдыхать. И я пошел к Николаю Петровичу, который сидел в своем кабинете с братом. Они еще ничего не знали. Андрей Петрович, увидев меня, сказал: «Жорж, ну мы вчера отыграли! Молодец!» А я ему: «Да, хорошо вроде бы отыграли, но Константин Иванович меня в отпуск отправляет».

Что сказал Николай Петрович, услышав это, я опущу. И тут ему звонит сам Бесков. Я потихонечку вышел, а дверь у него плотно не закрывалась. И слышу, как один брат говорит другому: «Да, Андрей. Он Ярцева освобождает из команды». Открываю дверь: «Николай Петрович, а чего это Константин Иванович отправляет меня в Кострому? Я хочу в Крым поехать, на море отдохнуть. Я же тут не баклуши бил, а работал!»

Он отвечает: «Да, Жорж, а в Алушту поедешь?» Там была спартаковская база. Поехал с семьей и пробыл там 24 дня. Если бы сыну Сашке не надо было в школу, пробыл бы и дольше. Загорел здорово. Играть в «Спартаке» уже не рассчитывал — ведь Николай Петрович, завершая тот наш разговор, сказал: «Не волнуйся, зарплата до конца декабря сохранится».

Возвращаюсь, а в команде не из-за меня, а из-за общей усталости от происходящего, раздрай пошел.

На базе в тот момент при Бескове муха пролетит — и то слышно. В 77-м, когда у нас были великолепные отношения, он говорил мне: «Что это ты все время спишь после завтрака?» А он любил русские пословицы, и я ответил: «Константин Иванович, есть пословица: золотой сон — до обеда, а после обеда — серебряный». Он это запомнил, и, когда мы с Хидей ложились спать, говорил другим: «Не шумите, люди отдыхают!»

После того, как отношения испортились и я спал, Бесков стучал в дверь: «Опять лежишь? И этого приучил!» К Хиде в комнату он не заходил, все время с меня стружку снимал. А когда Вагиз из соседней комнаты говорил: «При чем тут он?» — Константин Иванович вроде как и не слышал.

Нам он говорил: «Пойдите, погуляйте, чего валяетесь?» Мы одеваемся, выходим на улицу. Навстречу идут Гаврилов с Шавло. И узнаем, что их он увидел на дороге и сказал: «Вы здесь до простуды, что ли, собираетесь гулять? А ну-ка пошли в номера!»

То есть на базе в 80-м году покоя не было. Кто в номерах — на улицу, кто на улице — в номера, все в «накрутке», никакой возможности расслабиться. Плюс Федор Новиков и другие помощники, которых мы уже не боялись, поскольку все равно не

знали, что они Константину Ивановичу расскажут. Невозможно было предсказать, что в Тарасовке будет и как себя вести. Порой с утра вдруг слышали шум-гам. Выходим — Бесков в шашки играет. А играл он в них здорово. Часа полтора — два база просто шаталась от гогота. В другие же дни слова нельзя было проронить.

В карты Бесков играть запрещал, а мы это любили. В сборной с Блохиным, с которым и по сей день дружим, у нас вообще исключительный тандем был. Хотя в день игры в Тарасовке азартные игры были исключены — на такой «пинок» от Бескова можно было нарваться! Он всегда говорил, что нехорошо эмоции растрачивать. Разве что для шахмат, игры молчаливой, делалось исключение.

В чемпионском 79-м мы не больше 30 раз за сезон ночевали дома. У нас был закон: после игры Бесков вез в Тарасовку, мы ужинали, отдыхали, наутро вставали — зарядка, баня. Потом распускали по домам, но уже вечером снова собирали и везли на базу.

Молодым ребятам, не обремененным семьями, справиться с этим было легче. А нам-то надо обустраиваться! Это сейчас заказал все по Интернету, тебе привезли и поставили. Раньше нужно было самим все доставать, привозить, прикручивать. Если у нас появлялся выходной, мы разрывались на части, и времени ни на что не хватало. Отсюда напряг, который поначалу выдерживать еще можно было, а потом — все сложнее.

В 79-м атмосфера была гораздо лучше, чем в 80-м. Думаю, как ни странно, вся эта накрутка началась с… победы сборной над бразильцами на «Маракане». После нее никто уже не мог с Константином Ивановичем совладать — хотя это и так трудно было. Доказывать что-либо Бескову стало бесполезно. И когда кто-то сейчас говорит: «Я поспорил с Бесковым» — мне становится смешно — кто с ним мог спорить?!

За ту же Бразилию он футболистам пять или шесть «двоек» поставил. После победы! На «Маракане»! К тому же у нас в том сезоне расцвел талант Федора Черенкова, появился Сергей Родионов, другие молодые — Никонов, Калашников. И Бесков уже видел новую команду. А потому начал расставаться с людьми нашего поколения.

Вернулся 9 сентября — и вдруг звонит Варламов: «Георгий, ты должен завтра явиться в Тарасовку». Приезжаю, иду на взвешивание — как нарочно, с бронзовым загаром и в белых трусах. Константин Иванович смотрит на меня: «Бронзовые гладиаторы появились!» Встаю на весы — абсолютно игровой вес. Бесков в шоке. А у меня мало того, что нет склонности к лишнему весу, —

я и в Алуште бегал, не собирался ведь карьеру заканчивать.

Выхожу на двустороннюю игру — в порядке. После нее все и решилось. Понимаю, что команда завтра летит в Люксембург играть на Кубок чемпионов, а мне домой ехать. И вдруг Бесков вызывает. Там еще сидит Андрей Петрович и говорит, что завтра еду с ними. Тут надо отдать Бескову должное, он благородно поступил, нигде не распространил информацию, что меня выгнал.

И я вернулся в команду. Единственное, было очень обидно, что против «Реала» в Кубке чемпионов не сыграл. Смотрел матч — сколько моментов у Сашки Калашникова было! Он промахивался — может, потому что в Европе это для него был дебют. И, конечно, внутри зудело: «А я бы…»

В команде оставался до той поры, пока точно не стало ясно: мы берем не золото, а серебро. И сразу после решающей игры с киевлянами опять начался «наезд». На первом же разборе понял: это все. Мы расстались, и я ушел в «Локомотив». Потом он приходил на матчи «Локомотива», хвалил: «Вот сейчас Ярцев снова играет так, как может!» Слышать такое было приятно, но о возвращении речи не шло. Поезд ушел.

Последний раз перед моим уходом мы виделись на награждении серебряными медалями. Потом за общим столом сидели. Но все было смазано, поскольку Вагиз в тот момент уходил в ЦСКА, и Бесков на меня совсем уж косо смотрел, думая, что в этом как-то поучаствовал. Так что какого-то прощального разговора у нас не получилось.

В какой-то момент я почувствовал с его стороны такое критическое отношение, что и сам, откровенно говоря, встал в позу. Идти к Старостину, пытаться остаться в ситуации, когда Бесков — а это знал точно — уже на другого нападающего надеется…»

Как только люди переставали быть действующими футболистами, Бесков превращался в совершенно другого человека. Георгий Ярцев рассказывает:

«*Когда я принял решение об уходе, он сразу меня пригласил и сказал: «Ты должен пойти в ВШТ». Я мог в любой момент ему позвонить. Предположим, получал травму, играя за ветеранов, он приглашал в Тарасовку, чтобы оказали медицинскую помощь, мы с ним разговаривали. Он даже говорил: «Может, на теорию зайдешь?» — «Нет, Константин Иванович, я уже наслушался, пусть они слушают».*

В мою бытность главным тренером «Спартака» Бесков однажды пришел под трибуны и спросил меня об игроках: «Ну как они?» Я ответил: «Да такие же, как и мы». Он даже похвалил мою работу. Наверное, Константин Иванович видел, что та команда

стремилась играть в спартаковский футбол. Мне это доставило большое удовлетворение, и от теплых слов Бескова, конечно, я почувствовал радость».

Истории Бескова и игроков. Часть 3. Хидиятуллин

Вагиз Хидиятуллин:

«Бескова до его прихода в «Спартак» я особо не знал. Это ведь не нынешнее время с Интернетом, когда все обо всех известно. Слышал только, что он в «Динамо» играл и тренировал. Легендой он для меня не был. Вышел на тренировочное поле, сказал, что надеется на молодежь — и начали работать. А уж когда Константин Иванович лично мне стал говорить, что на меня возлагаются большие надежды — тут я по-настоящему проникся ответственностью за результат. И все пропускал через себя.

Кстати, именно Константин Иванович нашел мне место на поле. В юношеской сборной, в составе которой я в 77-м году выиграл чемпионат мира, действовал в полузащите — в центре или слева. А Бесков отодвинул меня в оборону, откуда не только разрешал, но и поощрял мои подключения вперед. За них меня в прессе даже «новым Беккенбауэром» называли. Слышать это было приятно, поскольку в детстве именно Кайзер Франц наряду с Осяниным был моим кумиром, и фотографии Беккенбауэра висели над моей кроватью в ростовском интернате.

На мой взгляд, проблемы 80-го года начались с… победы над сборной Бразилии на «Маракане». У Константина Ивановича эйфория проявлялась не в самоуспокоенности и снижении требований, а наоборот. Он начинал всех дергать, до каждого «докапываться».

Лично мне он то говорил, что пью, то подозревал, что закуску припрятываю. Я-то никогда не ел сразу после игры. Настолько выкладывался на поле, что голод начинал испытывать только глубокой ночью. И поэтому просил, чтобы мне в Тарасовке оставляли в холодильнике еду. Сначала выпивал пива, ноги «отпускало», а потом ночью начинал есть. Так Бесков в Венгрии, где мы выиграли то ли 4:1, то ли 4:0, начал на меня волком смотреть: «Опять закуску берешь с собой?»

И так доставалось всем, кроме Дасаева и Черенкова, которые для него были неприкосновенными. Спокойно все воспринимал только Саша Сорокин, у которого вместо кожи, по-моему, была броня. Остальные психовали. До поры до времени все сглаживал результат.

«Спартак» лидировал, но потом была московская Олимпиада, где сборная во главе с Бесковым в полуфинале проиграла ГДР. Сказался, думаю, мандраж, который, как многие заметили,

охватывал его в решающих матчах. А я так хотел тот турнир выиграть! Словно чувствовал, что больше в моей жизни Олимпийских игр не будет. И был так опустошен после поражения, что Бесков увидел это и проявил несвойственный ему либерализм, отпустив меня в Сочи. Неделю ходил как зомби, только потом чуть отошел. Но куда ни зайду — везде моменты полуфинала показывают. Как назло.

В общем, сил и эмоций в Москве-80 было потрачено много, а команда в большинстве из спартаковцев состояла. И начался спад. Бесков продолжал неистовствовать. Тут-то все копившиеся конфликты и полезли наружу. Ну а чего можно было ожидать, если за 79-й и 80-й годы мы в общей сложности были дома 79 дней?! Остальное время — на сборах. Нервы были на пределе. Любой выходной мы, молодые, использовали по максимуму, стараясь взять от жизни все. Бескову люди звонили и рассказывали — кто, где, сколько…

В плане самоотдачи ко мне никогда придраться нельзя было. А вот по качеству игры у Константина Ивановича придирок хватало. Теперь-то понимаю, что он видел во мне определенные задатки и спрашивал больше, чем с других. По молодости казалось, что он ко мне просто придирается — а на самом деле, наверное, хотел таким образом вызвать злость, «вытащить» из меня как можно больше. Но я огрызался. А в итоге получилось так, что мы поднадоели друг другу, и любая маленькая вспышка могла привести к взрыву.

В середине 80-го года Бесков подходит ко мне: «Вагиз, говорят, ты хочешь перейти в ЦСКА?» Я был ошарашен, возмущен. «О чем вы говорите? Какой ЦСКА?!» На тот момент для меня существовал только «Спартак». А закончилось все тем, что после сезона, когда встал вопрос, куда уходить — в ЦСКА, «Торпедо» или «Динамо», — то выбрал армейский клуб, поскольку надо было служить. Вот и получилось так, как он и говорил. Но тогда-то у меня и мысли такой не было! То есть в глазах всех я соврал. И оттого еще больше внутренне бесился, что перед собой был чист, но доказать это было невозможно…

Момент, после которого я решил уходить, наступил во Львове. Для нас матч уже ничего не решал, а «Карпатам» победа была нужна кровь из носу, чтобы не вылететь. В тот день Бесков праздновал юбилей, 60-летие. Перед игрой он сказал, что стол для нас накроет. Мы же ему купили в подарок телевизор «Электроник» за 400 рублей. «Сони» с «Филипсами» тогда в Союзе не продавались…

В конце игры судья поставил пенальти после того, как мяч то ли попал, то ли не попал мне в руку. Мы проиграли — 0:1, и Бесков,

когда мы дарили ему телевизор, заявил: «Не надо мне ваших подарков, банкета не будет, играли безобразно!» Короче, вразнос пошел, накричал.

А я был молодой, нахальный. Поднимаюсь по ступенькам в автобус и говорю: «Кто-то здесь обещал шампанское?» Это, конечно, наглость была, я на месте Бескова вообще бы кулаком засадил. Но меня тогда зло взяло, что он претензии свои в такой форме предъявлял. Потом приезжаю в Тарасовку, и мне чуть ли не уборщицы говорят, что я, оказывается, игру продал.

Тут вскипел и сказал себе: все. Написал заявление: «Хочу служить в рядах Советской армии». Пришел, объявил и ушел. Все просто обалдели. Играем последний тур с «Черноморцем», идет установка, и Бесков говорит: «У нас есть заявление Хидиятуллина об уходе. Попрошу его выйти из зала, потому что он уже не игрок «Спартака». Я выхожу, а он вдогонку говорит: «И, кстати, раз он предал интересы «Спартака» — значит, предаст и интересы сборной. Поэтому не считаю его больше игроком сборной страны».

В сборную я вернулся — полагаю, Колосков на него надавил. Вплоть до окончания подготовки к чемпионату мира в Испании мы с Чивадзе составляли твердую пару центральных защитников…»

И тут произошла беда — в последнем контрольном матче между первой и второй сборными страны Хидиятуллин столкнулся на поле с Федором Черенковым — корректнейшим из игроков, которых только знал футбол. Тем злее ирония судьбы: именно в этом столкновении Хидя получил тяжелейшую травму, после которой не только пропустил ЧМ-82, но и полноценно вернулся в большой футбол только через три с половиной года.

Тогдашний капитан «Спартака» Олег Романцев добавляет:

«*Мог ли как капитан повлиять на Хидиятуллина, чтобы он не переходил в ЦСКА? Вагиз не глупее меня. Он принял твердое решение, и я не вмешивался. Хотя, возможно, мы все вместе и смогли бы повлиять на него, но не в той ситуации. Это случилось после игры во Львове, где «Карпатам», чтобы остаться в высшей лиге, нужно было победить. Мы проиграли, и один из помощников Бескова, приехав в Тарасовку, начал с садовниками разговаривать, а Вагиз это услышал. Дескать, Хидя игру сдал — хотя на самом деле судья назначил пенальти после того, как мяч ему в плечо попал. Четко в плечо. Да там с судейством хозяева всё решили, нам ясно было!*

Но Хиде, естественно, было страшно обидно все это слышать. Тем более что в той игре — как сейчас помню — он был на голову выше всех в обеих командах. Бился, как лев. Он и так игрок великий, а тут еще и игра пошла! Представляете, каково после такого матча человеку все это слышать? Вот и принял такое

решение, а я не стал вмешиваться, потому что понять его было можно. Вагиз сказал, что раз у руководства такое мнение, то он психологически больше не может в команде оставаться. И мы это решение уважали».

А вернется Хидиятуллин после травмы в большой футбол в 1986 году… к Бескову. В «Спартак».

Валерия Николаевна говорит:

«*Константин Иванович — профессионал и ради дела мог прощать. Для него уход Хидиятуллина был очень большим переживанием, да и я говорила, что это предательство. Ничего подобного Костя не ожидал. На Вагиза повлияла его тогдашняя жена, ныне супруга министра спорта. Камнем преткновения, если не ошибаюсь, стала квартира, которой она была недовольна.*

Но когда Хидиятуллин получил травму и оказался не у дел, Бесков вернул его, вылечил и дал шанс. Игрок его использовал, да так, что Костя его, 35-летнего, в 94-м пригласил и в «Динамо». Забыть обиду мужу было непросто. Но мы вдвоем сумели это сделать. Потому что так было нужно для футбола».

Заметьте — «мы вдвоем». То есть роль Валерии Николаевны в таких решениях тоже не нужно недооценивать.

Сам Хидиятуллин, которому год пришлось водить танки (!) на Украине, рассказывает о драматичном возвращении:

«*Командующий Львовским военным округом Беликов, дикий футбольный болельщик, когда я в очередной раз отказался играть за СКА (Львов), отправил меня водителем танка в Житомирскую область. Я к этому отнесся легко, потому что незадолго до этого у нас состоялась встреча с Бесковым. И Константин Иванович сказал, чтобы я написал заявление о переводе в воинскую часть, потому что оттуда «Спартаку» будет легче меня вытащить, чем из футбольной команды. Я послушался.*

И все-таки мне хотелось в футбол играть, а не танками управлять. Месяц проходит — Бесков меня не вытаскивает. Третий, пятый, восьмой — то же самое. Год почти прошел, когда я позвонил командующему и сказал: «Простите засранца, был не прав». И через два часа за мной уже приехали, чтобы везти обратно во Львов.

Почему «Спартаку» не удалось меня тогда вытащить — не знаю. Когда мы в конце 85-го с Бесковым говорили о моем возвращении, я не стал этот вопрос поднимать. А то начали бы высказывать взаимные претензии — и опять бы понеслось.

Как мы с Бесковым пересеклись? Во время поездок в Москву. Разговор о возвращении в «Спартак» тогда же и зашел, попросили написать заявление, чтобы иметь хоть какие-то юридические основания меня вытащить.

Нашим с Бесковым посредником выступил Кантемир Гусов, впоследствии председатель юридического комитета РФС и руководитель Палаты по разрешению споров. Он очень дружил с семьей Бесковых, и когда я приехал к ним домой, Константин Иванович сказал: «Все, что было, забыли. Сейчас, думаю, ты уже повзрослел, будешь моим помощником в команде». На том и порешили. И ни разу не вспоминали о прошлом. Я вернулся в свой дом, взял быка за рога — и все встало на свои места.

Почему Константин Иванович возвращал людей, которые от него уходили — меня в «Спартак» и «Динамо», Гаврилова в «Асмарал»? Потому что мы его никогда не предавали. И со временем, когда эмоции уходили, он начинал это понимать. Можно говорить о его недостатках, но плюсы, на мой взгляд, перевешивали. В конце концов, с Бесковым мы два раза стали чемпионами, девять лет подряд «Спартак» из тройки призеров не выпадал.

Довольно скоро после моего возвращения стал под плохое настроение говорить: «Зачем тебя приглашал? Ты мне опять все баламутишь!» Но я, повзрослев, уже спокойнее к этому относился. А ведь Валерия Николаевна даже моей супруге звонила и говорила: «Я Вагизу не позволю Костю мучить!»

Он нам все время фильмы показывал. Причем одни и те же. Скажем, «Великолепную семерку» мы замучились смотреть. Уже наизусть знали, кто после кого стреляет. И я как-то привез фильм «Однажды в Америке», о котором многие слышали. Сидим после ужина, смотрим, а Бесков разволновался: где народ-то весь? Что-то не то происходит! И надо же такому случиться, чтобы зашел он прямо на пикантном моменте. Видит и кричит оператору Святкину: «Стоп! Кто эту порнографию сюда принес?»

Я признался, что кассета моя. И добавил: при чем тут порнография? Фильм-то хороший и никакой не скабрезный. Бесков нахмурился: «Опять взялся за свое?» А потом прошел месяц, и он говорит: «Сегодня будем смотреть кино». — «Какое?» — «Хороший фильм, жизненный. Чтобы вы видели, как молодые ребята стоят друг за друга, каким у нас должен быть коллектив». — «А как называется?» — «Однажды в Америке». Возникла немая сцена из «Ревизора». Все только переглянулись. Месяц назад кричал, запись остановил — а теперь сам проникся!

Одна черта у Константина Ивановича не нравилась — для него было нормальным чихвостить человека при всех. Пришел в команду защитник Саша Бокий, отец троих детей. А нагоняи от Бескова получал, как ребенок. Я удивлялся и думал про себя — ну не надо при всех же, он взрослый человек, можно вызвать в кабинет и сказать, что считаешь нужным. И это не будет для него так

унизительно.

Он даже шахматы в какой-то момент запретил — после партий такой базар шел на всю базу, что для Бескова это было неприемлемо. Зато к тихому часу нас приучил. Раньше для нас это было дикостью, никто днем не спал. Зато при нем так привыкли, что после окончания карьеры многие из нас днем спать ложились».

Хидиятуллин уедет играть во французскую «Тулузу» за несколько месяцев до отставки Бескова из «Спартака». А восемь лет спустя вернется к нему в «Динамо». И с этим тоже связана драма. В том числе — с разрывом многолетней дружбы. Но Вагиз пошел на это — такова, несмотря ни на что, была его вера в Бескова.

«В Россию я окончательно вернулся уже в 94-м — когда Бесков в «Динамо» позвал, — рассказывает Хидиятуллин. *— Хотя вначале собирался во Владикавказ, к Валерию Газзаеву. Он мне позвонил, мы все обговорили. Отправил домой и жену с детьми, и вещи. Решение о переходе в «Спартак-Аланию» уже было принято. Тем более что мы договорились: прихожу к Валере игроком, а потом становлюсь одним из тренеров.*

Но чего только не бывает в жизни. Сел в машину, поехал на ней в Москву. Проехал всю Францию, часть Германии и остановился в Карлсруэ у сестры моей жены. Переночевал, позвонил домой, а супруга говорит: позвони Бескову. Оказалось, в России все спортивные газеты уже написали, что я во Владикавказе. Видимо, Бесков тоже это прочел и сказал: «Давайте мне сюда Хидиятуллина!»

Я перезвонил — и выяснилось, что «Динамо» на следующий день прилетает в тот же Карлсруэ на турнир по мини-футболу! Попросил подождать, что я и сделал. На его предложение перейти в «Динамо» ответил, что у меня уже договоренность с Газзаевым. После чего Константин Иванович стал мне рассказывать, что на Кавказе — война, и предложил условия не хуже, чем Газзаев. И тоже — после года игры стать одним из тренеров.

Подумал: дети маленькие, пять лет в стране не жил, семью одну оставлять в Москве страшновато, да и обстановка на Кавказе та еще… Переубедил меня Бесков. Газзаев был зол неимоверно, у нас в одночасье рухнули отношения, хотя до того мы семьями дружили. Я у Валеры постоянно бывал дома, Новый год не раз вместе проводили, дни рождения. Мне было страшно жаль, что так получилось. А встретиться было нереально, по телефону же всего не скажешь.

Спустя время все наладилось, и сейчас вроде нормально общаемся. Но осадок у Газзаева наверняка остался. Возможно, у него моя карьера в футболе могла по-другому пойти — он ведь

человек слова. В «Динамо» же меня тренером не оставили. Ни Бескову это, видимо, не очень надо было, ни президенту Николаю Толстых. Кто знает, как бы моя тренерская карьера сложилась, реши я тогда поехать во Владикавказ? А так она не состоялась. Это жизнь. Я и в ЦСКА уходил, и в «Динамо». Ни там, ни там счастья не обрел. Счастье было только в «Спартаке».

Истории Бескова и игроков. Часть 4. Романцев

Капитанство в «Спартаке» Ринат Дасаев унаследовал от Олега Романцева. Лучший голкипер мира 1988 года вспоминает:

«*Иногда предотвратить конфликтную ситуацию оказывалось невозможно. Скажем, в 82-м ехали мы на поезде после поражения в Минске, наше с Романцевым купе было, по-моему, прямо рядом с бесковским. И Константин Иванович сгоряча сказал: «Ну что это за капитан?»*

Олег это услышал, обиделся и решил уйти из команды. Не стал приходить на тренировки — и все. Мы пытались его уговорить, но решение он уже принял. А Бесков тоже не стал его убеждать остаться».

Вот как сам Романцев рассказывает об эпизоде, после которого, еще не доиграв даже до тридцати, принял моментальное решение об уходе и из «Спартака», и из футбола.

«*В поезде из Минска возвращались, и я услышал собственными ушами, как Константин Иванович сказал: «Нам такой капитан не нужен». После этих слов для меня не было вопросов, оставаться или нет. Мы сидим в купе с Гавриловым, Дасаевым, Шавло, кто-то говорит: «Да мы не выйдем на следующую игру». Но я бы только их подвел, если бы заставил играть за себя и за того парня.*

Сам чувствовал, что Бесков прав, что я не помощник ему. Раньше мог глотку за ребят перегрызть — а здесь понимаю, что нет, больше не могу. Причем знал, что они мне ни слова упрека не выскажут и будут за меня биться. Но я их слишком уважал, чтобы стать для всех обузой. Хоть по возрасту и мог продолжать играть.

На самом-то деле мне катастрофически — в хорошем смысле — повезло с людьми, которые меня окружали. Возьмем Константина Ивановича. Да, Бесков жесткий: кровища хлещет, синяк огромный, ногу подвернул… Забинтуют — и на поле! Однажды в Аргентине, как позже оказалось, у меня перелом случился. Говорю: «Очень болит!» Бесков: «Перебинтуй — и на второй тайм!» И я пошел.

Но как только печень хоть чуть-чуть начинает болеть (у Романцева с детства были проблемы с печенью. — Прим. И.Р.)… *Он меня гонит с поля, я ему: «Ничего, Константин Иваныч, сейчас я постою минутку». — «Нет-нет, завтра на тренировку выйдешь, а сейчас — пройдись, подыши». Вот он меня и спас, думаю. Иначе я посадил бы печень — и все. Потому что один раз при этой болезни*

перебрал с нагрузками — потом месяц надо «откапываться».

Кто мне ближе по духу — Старостин или Бесков? Каждый в своем роде. Один — великолепный психолог, в общении очень приятный и мудрый человек. Второй — отличный тренер и довольно жесткий человек. То есть на поле я бы хотел быть с Бесковым, а в жизни — со Старостиным. Но, став тренером, я, конечно, стал лучше понимать Бескова.

Почему Валерия Николаевна Бескова позже говорила, что с Романцевым у нее нет никаких отношений? Думаю, что она, как любящая супруга, так и не смогла смириться с отставкой мужа. Кто бы ни пришел на место Константина Ивановича, вряд ли она стала бы поддерживать с этим человеком отношения.

Но кто-то же должен был стать старшим тренером «Спартака»! Им стал я, и Николай Петрович вызвал меня в Москву уже после того, как Бескова отправили в отставку. Так что совесть моя абсолютно чиста. Но Валерия Николаевна, с которой до того мы всегда были в довольно теплых отношениях, думаю, не простила бы никому прихода на место Константина Ивановича.

Когда я стал тренером, всегда пытался соединить все лучшее, что было в моделях Бескова и Лобановского, изумительную технико-тактическую работу Константина Ивановича с великолепной физической подготовкой Валерия Васильевича. Иногда это получалось лучше, иногда хуже, но стремился к этому всегда».

После этих слов Романцева я вспомнил давний разговор с Александром Бубновым:

«*Я играл меж двух огней. Многое из того, что запрещал Бесков, Лобановским разрешалось, и наоборот. К примеру, Лобановский поощрял тактику мелкого фола, которую Бесков отвергал напрочь. С другой стороны, тренер сборной исключил из ее арсенала «стеночки», которые у Бескова были основой атаки. Бесков не принимал и киевского прессинга*».

Так можно ли скрестить футбол Бескова и Лобановского? До конца — конечно, нет, но, если взглянуть, как моментально и отлаженно идут в отбор все команды Пепа Гвардьолы, в атаке играющего в духе Бескова, то почему бы и нет?

Истории Бескова и игроков. Часть 5. Гаврилов, Шавло

После сезона-85 Бесков шокировал болельщиков, расставшись сразу с четырьмя игроками основной обоймы — Юрием Гавриловым, Сергеем Шавло, Владимиром Сочновым и Евгением Сидоровым. Вот рассказы двоих из них.

Сергей Шавло:

«*Такие моменты случаются у всех больших тренеров. Когда несколько лет работаешь с одной и той же группой игроков, рано или поздно и тренеру, и футболистам эта работа приедается. И возможен либо спад в игре, либо разрушение человеческого контакта. И если тренер вовремя не сменит поколения, сами игроки могут сменить его. Может быть, Бесков и решил, что наш уход принесет пользу команде. Другое дело, что он не тех людей убрал из обоймы — мы с ним выросли, прошли и радость побед, и горечь поражений. И никогда бы его не предали. Но он нас убрал.*

Изменение отношения к себе я почувствовал с начала сезона 1985 года. И мне, и Гаврилову постоянно повторяли, что мы играем не на том уровне, полностью не отдаемся игре. А ответного слова не давали, хотя нам было что сказать — опытные игроки, мы считали, что годами честной работы в «Спартаке» такое право заслужили. Но с мнением игроков тогда считались мало.

Я бы себе не позволил открытого столкновения с Бесковым — слишком уважаю этого человека. Другой разговор, что я мог высказать тренеру мнение ребят, выразить их интересы, поскольку в те годы был комсоргом команды. И вот однажды начал просить, чтобы семьи игроков прикрепили к спецмагазину — а такая возможность была. Чтобы жены могли свободно купить продукты, пока мы на сборах или выездах. Такова была общая просьба ребят, но руководство стало посматривать на меня косо — не туда, мол, ведешь.

Мы ушли в отпуск. В это время, как известно, тренер набирал для просмотра чуть ли не по 30–40 игроков. Правда, обычно большинство из них отсеивалось, а играли те же 11–13 человек, что и в предыдущем году. Но на этот раз было иначе. Бесков сказал: «Мы взяли на ваши места новых, способных игроков, которые более перспективны, чем вы».

Потом у нас состоялся разговор с глазу на глаз, и тренер поставил точку: «Понимаю, что в дубле тебе делать нечего, поэтому ищи новую команду, Сережа». Может быть, мне стоило

тогда сделать паузу, чуть-чуть переждать момент в дубле — уверен, что место свое я все равно бы вернул. Но решил, что в таком возрасте (29 лет. — Прим. И.Р.) *что-то отвоевывать уже не стоит. А тут как раз подоспело предложение от Валентина Козьмича.*

Может быть, в душе я и был обижен, но поблагодарил Бескова за все, что он для меня сделал. Расстались мы по-доброму — и потом встречались не раз. И до сих пор (наш разговор проходил в 1995 году. — Прим. И.Р.) *ему по всем праздникам звоню и поздравляю*».

Шавло перейдет в «Торпедо» и уже следующей весной обыграет в полуфинале Кубка СССР «Спартак» — 3:2. Сергей забьет, а спустя годы расскажет мне: «*В том матче я сначала забил гол, а потом сделал пенальти, который реализовал Гречнев. Желание доказать, что нас рано списали со счетов, — было. И когда Бесков после игры сказал, что именно такого футбола всегда ждал от Шавло, — выше похвалы для меня быть не могло*».

Юрий Гаврилов:

«*С Бесковым была связана почти вся моя карьера. «Динамо», «Спартак», в конце — еще и «Асмарал»… В «Динамо» я пришел в 70-м, а его убрали в 72-м, после «Глазго Рейнджерс», и играл при нем я мало. В основном выходил на замены минут на 10–15, как обычно бывает с молодыми. А вот когда он в 77-м принял «Спартак», тогда у нас и пошло настоящее сотрудничество.*

Он всегда до последнего стоял на своем. Даже если не прав. И «Спартак», по его мнению, должен был играть в свою игру, ни под кого не подстраиваться. Как-то с немцами, против которых мы всегда играли неудачно, ему предлагали поменять тактику. Бесков — ни в какую.

Но чемпионами, считаю, мы из года в год не становились по другой причине. Трудно им стать, когда против тебя играет весь Союз, а против соперника — далеко не весь. Все игры между московскими клубами — принципиальные, а на Украине киевскому «Динамо» сразу гарантировалось 15 очков. У нас же проходных матчей не бывало, и в этом заключалась главная сложность.

В Бескове чувствовалась какая-то внутренняя сила. Некоторые ребята даже боялись вступать с ним в диалог. Он жестко требовал: «Вы должны делать так, как я сказал!» Дискуссий не приветствовал. А у меня с ним были совсем другие отношения. Я ему мог сказать все, что угодно. Пусть он даже кричал на меня, ругался: мол, ты ничего не понимаешь, делай, как я сказал!

Шутить с ним бесполезно было, но как-то посмеялись. Он на День Победы пришел в орденах, я его немного подтравил: «Константин Иванович, теперь вы можете в «Спартаке» парад

принимать». — «А у кого я тут буду принимать?» — «Ну, я вольнонаемный, форма рядового осталась. Хидиятуллин служил, Бубнов. Сочнов был в ракетных войсках. Можно и выстроиться!» Бесков нормально воспринял.

Убрать меня из команды он первый раз хотел еще в 82-м. Но там получилась вот какая история. У нас были двухразовые тренировки в Тарасовке, а между ними — тихий час. Спать не обязательно, но лежать — надо.

А у меня был маленький магнитофончик. Сосед мой по отсеку, Буба (Александр Бубнов. — Прим. И.Р.)*, закрыл свою дверь, чтобы ему не слышно было, я включил Высоцкого на громкость ниже средней. Бесков же ходил по коридору и услышал музыку через общую дверь. Я-то свою, от комнаты, никогда не закрывал — вот наружу звук и прошел.*

Заходит. На пороге стоит и смотрит. Я один глаз открываю — и вижу, что он резко идет к кровати и вроде как замахивается, чтобы ногой ударить по магнитофону. Но потом осекается и говорит: «Что ты тут устроил? Здесь дискотека, что ли?» — «Я никому не мешаю, лежу спокойно, музыку слушаю».

И тут его понесло. «У тебя, баламута, все время что-то. Другим спокойно отдыхать не даешь, сам не отдыхаешь. Все время анекдоты, байки рассказываешь. Теперь этого пьяницу и наркомана слушаешь». Это он о Высоцком!

«Что мне нравится, — говорю, — то и слушаю». — «Выключай и иди прогуляйся, воздухом подыши». В тихий час! Что делать — дождался, пока он ушел, тихонечко встал и побрел по аллеям гулять. И тут опять Бесков навстречу: «Что ты тут ходишь?» — «Вы же сами мне сказали, чтобы я пошел погулял». — «Тебе что здесь, дом отдыха? Иди полежи, поспи. Вечерняя тренировка скоро. У тебя ноги ватные будут!»

Я уже вообще перестал что-то понимать. И, когда сказал об этом, услышал: «Значит, так. На сборах жить не будешь. Ты плохо влияешь на коллектив, расхолаживаешь ребят, они не могут настроиться. Все эти твои шуточки-прибауточки, песенки блатные…

Нечего тебе здесь делать. На тренировки будешь приезжать. Ты же у нас, типа, великий футболист — как профессионал, можешь готовиться и дома». Ребята спрашивали, я рассказал, что он запретил мне на базе находиться. Они вообще обалдели! Оказалось, все сводилось к тому, чтобы со временем убрать меня из команды.

На первый матч с лондонским «Арсеналом» я приехал из дома. Он вообще не собирался выпускать меня в стартовом составе, но все-таки выпустил. Я забил два последних гола, и мы, проигрывая

0:2, выиграли — 3:2. Так он выкрутился и команде сказал: «Оказывается, у нас футболисты могут иметь профессиональный статус. Мы провели эксперимент — и Гаврилов показал, что может на сборах не находиться, а сразу приезжать на игру, и ему это не мешает». Правда, на других игроков эксперимент почему-то не распространился.

А расстались мы нормально, никакой ругани не было. Меня же хотели отправить в венский «Рапид», и Бесков сказал: «Раз ты намерен уехать за рубеж, я на тебя в следующем году не рассчитываю».

Но уехать не получилось. Это был конец 85-го года, в стране — железный занавес. И мне потом рассказывали, что пошли письма в ЦК партии, еще куда-то: зачем, мол, вы Гаврилова отправляете? В итоге все спустили на тормозах. Получилось, что туда меня не выпускают, а здесь сижу без команды. В последний момент в «Днепр» меня взяли.

А в 91-м, в 38 лет, из «Локомотива» перешел к Бескову в «Асмарал». Уже хотел заканчивать, сказал об этом Константину Ивановичу, а он: «У меня есть быстрый нападающий, Губернский, а второго игрока ему в связку нет». Затянул — и снова сработало…»

В 2005-м я спросил Валерию Николаевну, кого муж больше всего любил в «Спартаке».

«*У него была особая привязанность к Черенкову,* — ответила она. — *Нежные, отеческие чувства, потому что к этому человеку нельзя было относиться иначе. К сожалению, на 85-летие Феденька не смог прийти, лежал в больнице. Но позвонил и поздравил. Еще Костя очень хорошо к Гаврилову относился. Известна же фраза: «Не знаешь, что делать с мячом, — отдай его Гаврилову». Я, правда, о ней только недавно узнала*».

Тут невозможно было не спросить ее, за что же он тогда после сезона-85 отчислил Гаврилова и Шавло.

«*Очень просто: с возрастом они перестали соответствовать классу игры команды. Для Бескова всегда главным критерием был футбол, как бы хорошо он к игроку ни относился. И того же Гаврилова почти в 40 лет Костя пригласил в «Асмарал», потому что той команде он мог помочь*.

Мы очень рады, что Сережа (Шавло) *стал генеральным директором «Спартака». Это один из тех людей, которые относятся к Бескову с огромной благодарностью. Шавло приезжал к нам домой, и мы были очень рады с ним увидеться*».

Жизнь горазда на самые неожиданные финты, и меньше двух лет спустя, когда Шавло в роли гендиректора «Спартака» активно поучаствует в отставке с поста главного тренера этого клуба

Владимира Федотова, дочь Бесковых и жена Федотова Любовь Константиновна обрушит на него немало гневных слов. В частности, я услышу от нее: «*Шавло повел себя по отношению к Володе именно так, как старший Старостин — к моему папе*».

А 41-летнего Гаврилова, как и 35-летнего Хидиятуллина, Бесков, оказывается, звал даже в «Динамо»!

«*94-й год, я работаю играющим тренером в раменском «Сатурне»,* — рассказывает Гаврилов. — *Мы только вышли из КФК во вторую лигу, и я попросил у Бескова контрольную игру, чтобы посмотреть вновь прибывших ребят. Он отвечал: «Ты что, смеешься? Какой «Сатурн»? Зачем нам играть против команды, только вышедшей во вторую лигу?»*

Я все-таки его додолбил. Играли в манеже «Динамо». И сыграли 3:3 — при том что у него там играли быстрые основные ребята, такие, как Черышев. Я сам вышел на второй тайм, перед которым мы проигрывали — 1:3. Бесков потом говорит: «Зайди ко мне в тренерскую». Захожу, он дает мне бумагу: «Пиши заявление». — «Куда?» — «В «Динамо»». — «Да я не могу. Я тут работаю играющим тренером». — «Рано тебе тренером работать, ты еще играть можешь. Мячи за тебя будут отбирать другие. Вся твоя работа — получить и исполнить».

Он был настроен решительно. Я пытался его убедить, что люди смеяться будут — он ни в какую. В итоге говорю ему: «Константин Иванович, дайте мне подумать два-три дня, перезвоню». Проходят эти дни — тишина. Я тоже решил не звонить. Потом как-то случайно встретились, и он сказал: «Да, ты принял правильное решение».

Бесков мог быть невыносимым для своих проверенных игроков, выгонять их — но приходил момент, и он снова к ним возвращался…

«Бесков открыто критиковал Лобановского за договорные матчи»

Были, впрочем, и те, кто обошелся без серьезных конфликтов и горьких расставаний с Бесковым. Из лидеров того «Спартака» это Ринат Дасаев, Федор Черенков и Сергей Родионов.

Черенков в нашей беседе рассуждал:

«*Кто был мне ближе по духу — Бесков или Старостин? Николай Петрович. Что бы ни сказал о нем — всего будет мало. Братья Старостины отдали «Спартаку» всю жизнь. Но и Константин Иванович тоже дал мне очень, очень много. Хотя не думаю, что у Бескова, при моем к нему уважении, получилось бы так успешно работать со «Спартаком», не будь рядом Старостина.*

Если меня Бесков и критиковал, то только по рабочим моментам. Словом «ругал» назвать это было нельзя. Жестко со мной тренер поговорил только один раз — в 88-м году. В чемпионате я забил всего три мяча. А в «Спартаке» был негласный принцип: атакующие полузащитники должны забивать не меньше десяти мячей за сезон. Константин Иванович вызвал. Сказал сухо: «Посмотри на свои показатели».

Каждый игрок у нас вел журнал, где отмечались технико-тактические действия. Узнавали их у Федора Новикова. У меня в тот год процент брака порой зашкаливал за 30, а требовалось — не более 20–25. Бесков и на это обратил внимание. Обиделся ли я? Да что вы! Как я мог обидеться на Бескова?! Разговор пошел на пользу. Следующий сезон и у «Спартака», и у меня получился — мы стали чемпионами. Правда, уже без Бескова…»

Ольга, первая жена Черенкова, вспоминала:

«*Мы очень хорошо общались с Валерией Николаевной. Помню, ехали в Кисловодск, где и игроки проводили отпуск с семьями, и Бесковы. Сидим с девчонками, а жена главного тренера и говорит: «Девочки, то, что они сейчас мало дома бывают — это цветочки еще. Вот когда уйдут из футбола — тогда начнутся ягодки. Знаете, как тяжело будет потом, когда они заканчивают играть и не знают, что делать дальше? Тренерами же не все становятся».*

А в то время как раз погиб один из лучших игроков «Спартака» 70-х годов Миша Булгаков — выбросился из окна. Он жил рядом с нами в Сокольниках, и Федор тогда очень переживал. Валерия Николаевна все время говорила: «Их надо оберегать, не давать им расслабляться и впадать в тоску, в уныние»».

Подтвердил эти слова о роли жены Бескова и Юрий Гаврилов:

«*Она для нас как мать была — можно и так сказать.*

Организовала женсовет, куда входили наши жены. Перерывы между кругами получались для нас как сборы. Мы семьями жили на базе в Тарасовке. С детьми, с женами. Думаю, что она там с нашими женами проводила работу, чтобы команду сплотить еще и в этом плане. Как с нами себя вести, какой порядок у нас должен быть, и так далее».

При этом в загранпоездки со «Спартаком» Валерия Николаевна не летала, объяснив мне это так:

«Он (Бесков) *меня вообще на матчи за границу никогда не брал, называл такую практику «цыганским табором». Как туристы ездили — в Карловы Вары, в Югославию. Но не на футбол. Это сейчас арендуют самолеты, которыми летят жены и другие родственники. А тогда время другое было».*

Нельзя было не воспользоваться возможностью узнать у жены Бескова, как он относился к не менее выдающимся коллегам по тренерскому — нет, не ремеслу, а творчеству. Вот что она в 2005 году рассказала:

«Он был учеником Аркадьева и Якушина. Конечно, с ними у него тоже существовали какие-то разногласия, но он бесконечно их уважал. С Масловым отношения были нормальные, но ведь «Торпедо», с которым тот выиграл чемпионат, было создано именно Бесковым! Как очень часто бывало, Косте там не дали довершить начатое. Тем не менее к нам еще много лет заходили ребята из той команды — и Метревели, и Воронин, и Медакин. А с Ивановым и Маношиным дружим до сих пор.

С Лобановским никакой личной вражды у Кости не было. Как и дружбы. Только профессиональная конкуренция. Как о футбольном специалисте Бесков всегда отзывался о Лобановском с уважением. При этом открыто критиковал Валерия Васильевича за пристрастие к договорным матчам. Очки оттуда, очки отсюда — и на пьедестал. В этом всегда была разница между ними.

Что же касается их триумвирата с Нодаром Ахалкаци на чемпионате мира 1982 года… Константину Ивановичу требовалось, чтобы игроки вовремя приезжали в сборную. Киевлян и тбилисцев в команде было много, их задерживали в клубах до последнего, и Бесков сам предложил, чтобы на каком-то этапе подготовки к чемпионату мира они для более эффективной работы прибывали со своими тренерами — Лобановским и Ахалкаци. Но только на каком-то этапе.

В определенный момент Константин Иванович почувствовал, что пора вновь брать управление в свои руки, и попросил руководство киевского и тбилисского тренеров больше не привлекать. Но у Лобановского были тесные отношения с заместителем председателя Спорткомитета СССР Валентином

Сычом. Сыч-то все и испортил — на чемпионат мира сборную повез триумвират. И каждый игрок в Испании слушал своего тренера».

В Испании-82 под формальным руководством Бескова, но де-факто в стиле «лебедь, рак и щука» сборная СССР, тем не менее, выйдет из группы и во втором групповом турнире остановится всего в одном голе от выхода в полуфинал. Это будет последний шанс Бескова в сборной.

А восемь лет спустя, на ЧМ-90 в Италии, полнейшей неудачей (невыходом из группы) завершит работу с советской национальной командой другой титан — Лобановский. Я, 17-летний внештатник еженедельника «Собеседник», дозвонюсь до серьезно болевшего в том году Бескова и попрошу прокомментировать игру нашей сборной. И услышу фирменно бескомпромиссного и категоричного Константина Ивановича:

«*Конечно, можно было более квалифицированно провести подготовку команды. Тревожные сигналы стали поступать еще с прошлого года, когда и сборная играла посредственно, и киевское «Динамо» давало серьезные сбои. Вспомним: с 1987 по 1989 год «Спартак» отнял у киевлян 11 очков из 12, трижды выиграв в Киеве! И это у команды, составляющей костяк сборной. Последние товарищеские матчи говорили о том же. И тактика игры была далека от совершенства. Одним словом, к чемпионату команда не подготовилась ни по каким меркам.*

Мы в который уже раз убедились — чудес в футболе не бывает. Команда, плохо игравшая на протяжении последних двух лет, не может вдруг заиграть так, чтобы ахнули специалисты и болельщики.

…Нашу сборную можно сравнить с роялем, имеющим все необходимые элементы, но расстроенным. А люди, которые должны были отладить механизмы атаки и обороны, этого не сделали».

Сейчас, во времена политкорректности и корпоративной солидарности, с трудом можно представить такое интервью одного топ-тренера России о другом. Как и призыв Эдуарда Малофеева к тому же Лобановскому «покаяться» на заседании Федерации футбола СССР…

Хорошо это или плохо — другой вопрос. Но я счастлив, что имел возможность к этому хотя бы вскользь прикоснуться. А Валерию Николаевну спустя 15 лет спросил, никогда ли у мужа от обиды за очередное несправедливое увольнение не возникало желание бросить тренерскую профессию. Ответила она так:

«*А ему не давали. Тут же находились желающие взять его на работу — и весь гнев на этом заканчивался*».

Много лет в «Спартаке» все шло ровно, почти по прямой, без

скачков вверх-вниз — вторые-третьи места. Не выше, но и не ниже. Приходили и уходили игроки — а результаты оставались прежними. Ринат Дасаев рассуждает:

«*Может быть, где-то сказывались тактические промашки Константина Ивановича. И общий настрой, гораздо меньше сакцентированный на результат, нежели у киевского «Динамо». Лобановский подходил к турнирной стратегии по-научному, просчитывал, на каком отрезке первенства сколько очков нужно взять.*

Мы все это считали ерундой, брали энтузиазмом и романтическим вдохновением. После некоторых поражений порой не расстраивались, потому что показали хороший футбол и порадовали публику. А Лобановский всегда говорил: «Пускай лучше хреново сыграем, зато победим». Ну, и разговоры о том, что от украинских команд им заранее гарантированы шесть-семь очков, велись…»

И вдруг — золото 1987-го, последнее в биографии Бескова, и четвертое место 1988-го. После которого и случилась громкая отставка, срежиссированная Николаем Старостиным.

К тому времени в команде появилось новое поколение. То, что в 1987-м после многих лет без золота оно было выиграно с 19-летним Александром Мостовым, можно, конечно, счесть за совпадение. Но знаменитый кадр из фильма Алексея Габриловича «Невозможный Бесков», когда великий тренер гладит мальчишку по голове со словами: «А учиться надо у Федора», вмиг сделал Мостового этаким символом связи красно-белых времен. Интересно послушать, как воспринимал Царь (именно так станут называть Александра в Испании, где он проведет лучшие годы карьеры) тренера, который был старше его почти на полвека.

«*Ни Романцев, ни Бесков никогда на меня не кричали,* — рассказывает Мостовой. — *Каким-то образом и один, и другой поняли, что от этого только хуже. Кому-то крик помогает, а мне в силу характера — наоборот. Хотя и без всякого крика я, как и многие другие, боялся с Бесковым на базе пересечься. Тем не менее обстановка в «Спартаке» была хорошая, и в Тарасовке шутки были нормой жизни. Даже Николай Петрович Старостин, хоть уже и был очень пожилым, иногда мог с ветеранами — Дасаевым, Хидиятуллиным, Бубновым — какими-то веселыми репликами обменяться. С моим поколением — пожалуй, уже нет.*

Игорь Шалимов — тот мог все 24 часа в сутки смеяться и шутить. На многочасовых разборах игр у Бескова, когда я прятался в последнем ряду, он всегда садился в первом, и его кучерявая тогда голова была видна всем. И от Константина Ивановича ему сразу доставалось, коли что не так.

Уже при Романцеве мы с Шалей вышли на первые роли в «Спартаке». Но чтобы добиться такого положения в команде, пришлось пройти школу Бескова. При всех разговорах о суровости Константина Ивановича не могу сказать, что я боялся его как человека, но страх присутствовал. Страх не понравиться. А если ты не нравишься Бескову…

Дисциплина у него была жесткая, режим — практически армейский. К нам и по комнатам вторые тренеры ходили проверять, что делаем, и куда угодно еще. И в номерах, и внизу, и вверху, и в столовой, и в туалете, и на поле, и за полем — где только не проверяли! Но я, хоть и жил на базе в Тарасовке, особо не попадался, поскольку был достаточно дисциплинированным. Однако вылететь из команды тогда можно было в два счета. Не было никаких контрактов; чем-то не устроил старшего тренера — бах, и до свидания. Спорить с Бесковым рисковал только Дасаев, может, иногда Хидиятуллин. Но уж точно не молодежь.

Относился ко мне Константин Иванович хорошо. Многие помнят эпизод из фильма «Невозможный Бесков», где тренер гладил меня по голове, приговаривая: «А учиться надо у Федора!» Вообще-то съемки того фильма — это для нас было что-то очень удивительное, поскольку Бесков не любил присутствия посторонних. Тем более — с камерой. Помню, что разрешения на съемки добивались много месяцев, и поначалу было категорическое «нет». Как удалось сделать, чтобы «нет» превратилось в «да», не понять.

Не могу забыть бесковских разборов матчей. Мы это воспринимали как что-то кошмарное! Два, два с половиной, а порой и три часа — ужас! И уж если кого-то из футболистов начинали «песочить», то по полной программе. Зато все наизусть знали, куда им надо бежать и как открываться. К счастью, меня почему-то Бесков особо не трогал. Хотя я сам видел, что в каких-то матчах играл не так, как надо, — он меня щадил. И Романцев тоже — у него, кстати, разборы были чуть покороче, чем у Бескова».

А вот любопытный штрих от Шалимова, который дебютировал и забил первый свой гол за красно-белых при Бескове в 17 лет. В последние годы в «Спартаке», по его словам, тренер нередко выходил на тренировки в рубашке и галстуке под спортивной курткой. Удивительно, конечно. Но почему бы и нет — учитывая известное пристрастие Константина Ивановича к элегантной одежде и то, что по полю он уже не бегал?

Отставка

Хронология событий с отставкой известна всем. В начале осени 1988-го уставший Бесков подал заявление об уходе, на собрании команды оно было утверждено, но вдруг тренер передумал. И решил наказать тех, кто голосовал за удовлетворение просьбы Константина Ивановича. Уезжая в отпуск в Кисловодск, он оставил список из восьми основных футболистов (в число которых входили, в частности, Александр Бубнов, Виктор Пасулько и автор золотого гола следующего сезона в ворота киевского «Динамо» Валерий Шмаров), которых к его возвращению в команде быть не должно.

А вернувшись, Бесков обнаружил, что в «Спартаке» не будет его самого. Его вроде бы аннулированное, но не уничтоженное заявление об отставке Николай Петрович благоразумно сохранил…

Вот что рассказал мне в начале 1995 года один из самых активных участников тех событий защитник Александр Бубнов — фигура, конечно, очень спорная и специфическая, но тоже имеющая право быть услышанной:

«*Еще в 79-м я, игрок «Динамо», оказался у Бескова в составе сборной Москвы на всесоюзной Спартакиаде, которую мы в итоге выиграли. В те дни для меня открылся совершенно новый мир. Я увидел настоящую футбольную атмосферу и понял, что во многих чисто игровых вопросах несостоятелен и несведущ. После двух недель у Бескова другие команды, кроме «Спартака», для меня перестали существовать.*

Этим и объясняется моя твердая позиция в том конфликте с уходом из «Динамо», который едва не поставил крест на моей футбольной карьере. Меня пожизненно дисквалифицировали — и знаю, что активное участие в решении моей судьбы приняли Бесков, Николай и Андрей Старостины, хлопотавшие за меня. Все это в совокупности и решило исход дела.

Меня называли любимчиком Бескова, но я этого не чувствовал, в отношениях между нами всегда была довольно солидная дистанция. Вообще у Бескова со всеми игроками, исключая разве что Дасаева, была дистанция. И она увеличивалась пропорционально игре футболиста — чем хуже игрок, тем дальше дистанция. Он даже руку подавал немногим. Но мне — подавал всегда.

За что я его уважал — за футбольное начало. Он никогда не призывал убить, сломать, снести — он всегда просил обыграть. Многие сегодня преподносят его как какого-то монстра — но ведь

сама жизнь сделала Бескова суровым. Взять хотя бы историю, когда его отстранили от сборной в 64-м после серебра на чемпионате Европы.

Кого-то не устраивало ровное отношение Бескова ко мне — у меня-то недругов всегда хватало. Судя по всему, Бескова снабжали искаженной информацией. А Бесков — он, если на кого-то затаил обиду, долго ее не забывает. Когда я почувствовал первые признаки неприязни, сразу же подошел к нему и сказал: «Я вас глубоко уважаю, и как только вы мне скажете, что я вам мешаю, то сразу напишу заявление и уйду». А мешать я мог хотя бы тем, что на всех собраниях высказывал личную точку зрения, далеко не всегда совпадавшую с тренерской.

Когда Константин Иванович стал предвзято ко мне относиться — часто после игры предъявлял претензии. Он вообще любил после матчей высказываться, причем в довольно резкой форме, что мне было не по душе. До поры до времени я не отвечал, но однажды Бесков сказал: «Что же ты гол в свои ворота забил?» А забил не я, а Боря Кузнецов, причем диктор объявил это по стадиону, что и было зафиксировано на табло. Я даже не взорвался — смеялся от изумления и обиды.

Развязка наступила в середине сезона 1988 года. Была игра с московским «Локомотивом», когда за шесть минут до конца мы проигрывали 0:2, но все-таки смогли сравнять счет. После матча Бесков заподозрил меня в сдаче игры. Тогда я встал и спокойно сказал: «Раз вы бросили мне столь серьезное обвинение при всей команде, я заявляю, что доигрываю до конца сезона и ухожу».

Слышал даже такую фразу — Бескова-де уволили Старостин и Бубнов. Чушь. Я от покойного журналиста Юрия Ваньята (знаменитый обозреватель газеты «Труд», освещавший все, от первого до последнего, чемпионаты СССР. — Прим. И.Р.) *узнал в августе о заявлении Бескова об уходе — и минут 15 не мог в это поверить. Потом Бесков объяснял, что заявление было вызвано невыполнением ряда условий руководством клуба, но мы ведь тоже многим были недовольны! Он мог бы посоветоваться с нами, и мы бы пошли к руководству разрешать наши разногласия. Но он этого не сделал.*

Если бы не было этого заявления и последующего собрания, на которое нас вызвали руководители клуба, Бесков, возможно, до сих пор (разговор, напомню, проходил в начале 1995 года. — Прим. И.Р.) *стоял бы у руля «Спартака». Подчеркиваю, не мы устроили собрание с целью сместить Бескова, а нас на него вызвали и стали спрашивать наши мнения. Я был самым старшим в команде и потому начал говорить первым. Сказал так: раз человек хочет уйти и написал заявление, его просьбу надо удовлетворить. Затем*

в том же духе высказались остальные. Наверняка против был бы Дасаев, но он в это время находился в сборной. Из ведущих игроков отсутствовал еще Евгений Кузнецов.

Настоящего уважения в последнее время к Бескову уже не было. Его только боялись, и «Спартак» на этом страхе держался. Тогда его не сняли. Уверен — если бы он в этот момент ушел, мы бы не остались впервые за десять лет вне тройки призеров. Мы завалили концовку чемпионата и в двух матчах Кубка чемпионов уступили «Стяуа». А, уходя в отпуск, Бесков оставил список тех, кто к его возвращению должен быть из команды отчислен.

Почему убрали в итоге его, кто дал ход августовскому заявлению, я, честно говоря, не знаю. Сам я об отставке Бескова узнал по телевизору. А команда на следующий год стала чемпионом. Впрочем, уверен, что тот «Спартак», здорово сыгранный, был способен выглядеть убедительно с любым тренером, не мешавшим ему играть в футбол, который привил ему именно Бесков».

Это было свидетельство одного из участников, а теперь — трактовки и порой очень неожиданные объяснения людей, прекрасно знавших всех участников этой драмы и общавшихся с ними в тот период.

Владимир Маслаченко вспоминал:

«*Причина разрыва Бескова со «Спартаком» в конце 88-го заключается в том, что в какой-то момент ему надоел Старостин. Просто надоел. Для Николая Петровича поговорить о составе — как бальзам на душу. Он мог сутками перемалывать достоинства, недостатки каждого из игроков. Еще в то время, когда я играл, они с Симоняном и другими в Тарасовке собирались и спорили, как завтра «Динамо» обыграть. А состав на словах кроили так, что вратарь чуть ли не левого края мог играть! Ну вот просто обожал Чапай о футболе потолковать, кайф от этого ловил.*

А Бесков перестал с ним эту тему обсуждать. И, видимо, Николая Петровича это нервировало. С каждым годом они отдалялись. В конце 88-го года последовало категорическое требование Бескова. Уходя в отпуск, он оставил Старостину бумажку — обширный список игроков, которых он должен был выгнать, и другой список — приглашенных.

Старостина редко можно было увидеть в гневе, но это был как раз тот случай. Он позвонил мне домой. Весь этаж мог слышать этот разговор, потому что я стоял в коридоре. «Как я могу уволить ребят, которым верю и которых собирал? Они же мои родные. Что ж, я должен их убирать только потому, что они Бескову не нравятся?!»

Он звонил мне аж в первом часу ночи. В конце разговора сказал, что уволит Бескова, и бросил трубку. А на следующий день позвонил и сказал, что уволил. Николай Петрович в своих решениях был демократичен — сразу авторитарного вердикта не выносил, тщательно все обмозговывал и обмусоливал. Но если принимал решение, то оно было окончательным и пересмотру не подлежало».

Еще одно мнение со стороны — от Евгения Ловчева, давно уже не игравшего в команде, но продолжавшего тесно общаться со Старостиным. Уникальность его рассказа — в «динамовской» подоплеке первоначального желания Бескова уйти из «Спартака».

«В 88-м, когда Старостин его убрал, все ведь было ой как непросто, — говорит Ловчев. — Бесков всегда был с воинским званием — и хотел стать генералом. В «Спартаке» никак не смог бы до генерала дорасти — значит, надо было возвращаться в «Динамо». А в тот момент бело-голубые немножко «валились», и какие-то динамовские руководители в середине сезона вели с ним переговоры. В тот момент Бесков и написал известное заявление об уходе.

Заявление это ему не подписали, Константин Иванович продолжил работать со «Спартаком». А Бышовец, возглавлявший «Динамо», в тот момент поехал с олимпийской сборной в Сеул и завоевал золото. Естественно, о том, чтобы его уволили из «Динамо», больше не могло быть и речи. Место «закрылось», и о том, чтобы уйти из «Спартака», Бесков уже не задумывался.

Но неподписанное заявление-то не уничтожили! Ближе к концу года игроков вызвали в ЦК партии, где они начали на Бескова «переть». Там им и рассказали о заявлении, которое он подал. Ряд футболистов во главе с Бубновым, раньше не знавшие об этом, высказались за то, чтобы просьбу тренера удовлетворить. Об этом доложили Бескову, и тот начал разбираться с теми, кто его в высоких инстанциях критиковал.

После окончания сезона, в котором «Спартак» занял четвертое место, Бесков уехал отдыхать в Кисловодск и оставил Старостину обширный список игроков на отчисление. А Николай Петрович всегда был на стороне игроков. И вместе с людьми из инстанций, которые выслушали мнение команды, начал Бескова убирать.

Позвонил он одному известному тренеру, который находился в уважительных отношениях с Бесковым. Тот тут же позвонил ему и сказал, что на его место подыскивают тренера. Константин Иванович немедленно примчался из Кисловодска, а его ни в каких кабинетах не принимают. Так Старостин, которому было под 90, убрал почти 70-летнего Бескова.

У Николая Петровича был нюх, он не ошибался. И прикрывал тренера-новичка своей широкой спиной. И когда в 89-м году «Спартак» с Романцевым в его первом же сезоне выиграл чемпионат СССР, то победил не Романцев, а Старостин! Победил в принципиальном споре с Бесковым, теми же игроками, которые у него выступали. И будь Старостин рядом с нынешними молодыми тренерами, то им было бы несравнимо легче».

Если историю о том, что Бесков собирался убирать восемь игроков основы, можно назвать канонической, то о намерениях Константина Ивановича убрать… самого Старостина я услышал только от Никиты Симоняна:

«*Освободили Константина Ивановича из «Спартака» потому, что он сам хотел уволить Николая Петровича, а также Юрия Шляпина и директора базы в Тарасовке. Летом Бесков написал заявление об уходе — его не удовлетворили, но не разорвали, а положили под сукно. А потом, когда он хотел провести против них эту акцию, — вытащили. Так мне, по крайней мере, рассказывал сам Старостин*».

Перед самой большой дилеммой оказались ветераны «Спартака», прошедшие с Бесковым огромный путь. И они выбрали команду.

Добрейший Федор Черенков вспоминал:

«*В списке на отчисление, который Бесков оставил Старостину в конце 88-го года, меня, насколько знаю, не было. Но я встал на сторону ребят. Стеснялся этого, однако встал. Мне было сложно на это решиться, но я не представлял себе, что восемь человек основного состава будут отчислены. Не мог вообразить, как же это вся команда, с которой выходил на поле, и за год до того стал чемпионом, перестанет существовать.*

Константин Иванович, повторяю, многое для меня сделал. Просто тогда был момент, когда надо было выбирать. Или тренер, который научил тебя всем тонкостям футбола, — или ребята. Ни одно, ни другое не принесло бы полного удовлетворения, в любом случае я бы понес какие-то внутренние потери.

К счастью, обиды со стороны Бескова и его жены Валерии Николаевны не последовало. Наши отношения не изменились. Как-то после ухода из «Спартака» Константин Иванович с водителем ехал на стадион «Локомотив», а я шел туда пешочком. Бесков притормозил: «Федор, как дела? Садись, подвезу…»

Сергей Родионов добавил:

«*Понимаю, о чем говорит Федор. Сам был в такой же ситуации, и она была очень сложной. Авторитет Старостина был непререкаем. Он был для нас и папа, и дедушка, а для многих и прадедушка.*

Хорошо тут другое. Через год мы с Федором приехали к Константину Ивановичу поздравить его с днем рождения. И он эту тему в принципе не поднимал — принял нас радушно. С тех пор в наших отношениях все было в порядке. До этого какая-то недосказанность оставалась. И у каждого внутри сидело то чувство, о котором вам говорил Федор, в том числе и у меня. А потом съездили к Бескову домой, на Маяковку. И камень с души упал».

Стоит узнать и мнение Рината Дасаева с Вагизом Хидиятуллиным, которые ко времени отставки играли уже соответственно в «Севилье» и «Тулузе», но оставались частью того «Спартака».

Дасаев:

«Будь я в Москве, постарался бы как-то помочь ему. Сделал бы все, чтобы он остался. Когда уезжал — не было ощущения, что над ним сгущаются тучи. Я благодарен Константину Ивановичу за все, что он для меня сделал, и очень рад, что судьба свела меня с ним.

Да, его нельзя назвать легким человеком, и определение Бескова как диктатора, пожалуй, справедливо. Тогда мы про себя могли ворчать, но теперь понимаем, что он был прав, и говорим ему «спасибо». Мы продолжили общаться и потом. Я приезжал к нему и домой, и в больницу, когда в 90-м он с тяжелым приступом аппендицита лежал…»

Хидиятуллин:

«Если Старостин уволил Бескова, это не значит, что Деда все поддерживали. Он один взял и уволил. Никто из игроков противиться Константину Ивановичу не мог. Хотел бы я посмотреть, чтобы кто-нибудь ему сказал: «Знаете, вам пора уходить на пенсию!» И когда говорят: «Крепость начала рушиться изнутри», — это означает, что прежнее единство между двумя великими людьми нарушилось, и они стали дожимать друг друга. Верх взял Старостин.

Хотя их противостояние, пока я был в команде, внешне было незаметно. Дед как приходил на установки и говорил последнее слово — так и продолжал это делать. Да и вообще, Старостин — интеллигентный, умный человек, он никогда виду не подал бы, что что-то неладное происходит! Какие-то нотки недовольства так или иначе услышишь — здесь же я не видел ничего.

Со здоровьем у Бескова не было ничего страшного. Да, на некоторые дальние выезды он не летал. Но каждый год, сразу после окончания сезона ездил в Кисловодск в один и тот же санаторий — и возвращался как огурчик. А то, что под таким прессом, как у тренера «Спартака», давление прыгало — так у кого бы в его положении оно не скакало!

В общем, смена тренера произошла уже без нас с Ринатом, и нашего мнения — оставлять Бескова или нет — никто не спрашивал».

Александр Мостовой незадолго до Нового года на месяц уезжал с молодежной сборной на сборы и турнир в Индию. А вернувшись, обнаружил в команде нового главного тренера — Олега Романцева.

«*Когда мы уезжали — чувствовали, что ситуация неспокойная, но не предполагали, что все произойдет так резко, — вспоминает Мостовой. — В команде ходили разговоры, что Бесков собирается убирать чуть ли не 80 процентов основного состава. Потом выяснилось, что я входил в число двух или трех игроков, которых он планировал оставить. Якобы даже Шаля* (Игорь Шалимов. — *Прим. И.Р.*) *«стоял» на отчисление. Но это слухи, а как было на самом деле — кто знает?*

Для меня и Романцев многое сделал, и Бесков. Поэтому, когда начали спрашивать мнения футболистов, я ответил: «А я здесь при чем? Не могу сказать плохого ни про одного, ни про другого». Но когда увидел Кулькова и Романцева, подумал: здорово, что пришел именно Олег Иванович, и все будет так, как у нас в «Красной Пресне». Коль скоро Бескова убрали, для меня приход Романцева был идеальным вариантом.

Да и вообще, молодежи стало немножко проще — поскольку Олег Иванович был к нам ближе по возрасту, и свободы при нем стало больше. В то же время бесковский багаж, конечно, остался, и стиля игры Олег Иванович не поменял. И эта преемственность, которую обеспечил Старостин, во многом позволила нам выиграть следующий чемпионат».

«Поздний ребенок» и кубок в 75 лет

Во время чемпионата мира-1990 я в телефонном интервью для «Собеседника» спросил у Бескова, скучает ли он по тренерской работе. Ответ 69-летнего тренера оказался более искренним, чем можно было предполагать:

«*Вся моя жизнь была связана с футбольным полем, с командами. Я всегда чувствовал, что это мое призвание, мое дело. Не раз меня несправедливо отстраняли от него — к примеру, от сборной в 60-х… Если бы мне давали работать, доводить начатое дело до конца — мог бы, наверное, сделать и больше. И поэтому осталась какая-то горечь*».

Беседуя с Константином Ивановичем, я и понятия не имел, какой тяжелый год он переживает. Тогда подобные факты в печать не просачивались.

Георгий Ярцев рассказывает:

«*Истинную роль человека в твоей жизни начинаешь понимать гораздо позже. В 90-м, когда Бесков тяжело заболел — аппендицит, перитонит, семь, кажется, операций — я через день бывал у него в больнице. У него появились свищи, нужны были разные бандажи. Все бросились помогать, Валерия Николаевна жила с ним в палате. И вот тогда, в той обстановке, у нас пошли уже совсем другие разговоры, которые позволили понять многое из того, что мне было невдомек в бытность игроком…*»

В 2005 году я уточню у Валерии Николаевны, правда ли, что в том тяжелейшем для их семьи 1990 году с деньгами на дорогие лекарства Бескову помог иракский владелец московского футбольного клуба «Асмарал» (бывшей «Красной Пресни», когда-то фарм-клуба «Спартака») Хусам Аль-Халиди. Жена Бескова ответит:

«*Правда. У Кости был гнойный перитонит, который вовремя не распознали. И Аль-Халиди ему действительно помог. А Бесков на следующий год возглавил «Асмарал». Почему? Из-за безвременья, которое было тогда в нашей жизни. После всех финансовых реформ сбережений не осталось, так надо же было на что-то жить! И Аль-Халиди жаловаться не приходится — Бесков поднял «Асмарал» на седьмое место в чемпионате России. Это было невероятно. Но дальше с Аль-Халиди он работать уже не мог*».

В упомянутом Валерией Николаевной 1992-м, когда Бесков довел «Асмарал» до седьмого места в первом чемпионате России, творились невероятные вещи. Например, с будущим чемпионом, «Спартаком» Олега Романцева асмаральцы на старом стадионе «Локомотив» играли абсолютно на равных, по стилю были больше

похожи на «Спартак», чем сами красно-белые, и завершили матч вничью — 1:1. А питерский «Зенит», тогда еще совсем не такой, как сейчас (и по итогам сезона вылетевший), «Асмарал» Бескова обыграл сначала 4:2, а затем и вовсе 8:3!

В сентябре 1992 года я брал интервью для газеты «Футбол — Экспресс» у президента «Асмарала», жены Аль-Халиди Светланы Бекоевой, и спросил, нет ли у нее ощущения, что уйди Бесков — и все в клубе, что с таким трудом строилось, вмиг развалится. Она ответила честно:

«*Сейчас — да. Если такое случится, то проиграет не только «Асмарал», но и весь российский футбол. Другого такого тренера у нас нет. Но Константин Иванович очень любит «Асмарал». Как он выражается, это его поздний ребенок. Он стоял у истоков команды, он подбросил г-ну Аль-Халиди идею покупки именно «Красной Пресни».*

Не боясь прослыть дилетантом, говорю: с московским «Асмаралом» сейчас работает лучший тренер России! Я часто объясняю футболистам: да одно то, что вы будете работать у Бескова, моментально поднимает ваш рейтинг. Ученик Бескова — это звучит, не правда ли? В прошлом году, правда, на полгода Бесков от нас уходил, но затем вернулся. И очень надеюсь, что теперь никуда не уйдет. Лучше пусть команду покинут все игроки, чем один Бесков».

На деле, однако, произойдет и то, и другое. Причем очень скоро. Уже следующей зимой команда развалилась, а Бесков ушел. Грустные детали мне в далеком марте 1993-го для еженедельника «Футбольный курьер» рассказывал его ассистент, а до того игрок «Асмарала» Алексей Скородед:

«*Уходя в отпуск, Бесков оставил ряд просьб к руководству клуба — по комплектованию, форме и т. д. И хотел попасть на прием к президенту фирмы. Битую неделю ему встречу переносили со дня на день, а когда он все-таки приехал в офис к г-ну Аль-Халиди — то просидел три часа и никто не удосужился к нему выйти. Когда команда собралась 5 января и Бескову стало ясно, что ни одно из его требований не выполнено, он ушел. Ушел с горечью и досадой*».

И еще пара интересных нюансов от того же Скородеда:

«Знаете, какая у Бескова была зарплата? Вы, наверное, энную сумму в долларах ждете? Так вот, слушайте, — шесть тысяч «деревянных». Шесть тысяч! Лучшему за многие годы тренеру России!» (если верить Скородеду, по курсу на 1 июля 1992 года зарплата Бескова в «Асмарале» составляла 48 долларов США! — Прим. И.Р.).

«*Первое время президент свои обещания выполнял, все было в*

порядке. А потом у него, что ли, какая-то звездная болезнь началась. Это и финансовых, и чисто тренерских вопросов касается. Когда Бесков только возглавил команду, Аль-Халиди клятвенно обещал ему не вмешиваться в сугубо игровые дела. Сначала он держал слово, а потом началось. Того ставьте, того не ставьте…»

После этого можно было уже не продолжать. Ничего более невыносимого для Константина Ивановича в течение всей его карьеры быть не могло. И реакция на это у него всегда была одна — что с генералом Филипповым, что с бизнесменом Аль-Халиди…

Сам Бесков в небольшом интервью моему коллеге Максиму Квятковскому для первого номера еженедельника «Футбольный курьер» за 1993 год объяснил причины ухода так: «*Знаете, в каких условиях нам приходилось работать? Манежа своего у нас нет, базы учебно-тренировочной — тоже. В прошлом году мы арендовали для занятий дом отдыха в Серебряном Бору. Я много раз говорил об этом, но дело не двигалось. В общем, понял, что так больше работать не могу*».

Тем не менее лично с Аль-Халиди они не разругались: «*Здесь все в порядке. Отношения у нас вполне нормальные, мы расстались по-доброму. Теперь буду переживать за «Асмарал» в первенстве России в роли стороннего наблюдателя*».

В том же году «Асмарал» вылетел из высшего дивизиона и никогда уже туда не вернулся. А последним клубом Бескова стало родное «Динамо», в которое он вернулся спустя 22 года. 53 годами ранее он пришел в эту команду играть в футбол. Круг замкнулся.

И так вышло, что последний трофей бело-голубых по сей день — бесковский. Кубок России 1995 года, который тренер выиграл в возрасте 74 с половиной лет. Этот возрастной рекорд в России пока не побит. Ближе всего к нему подобрался ученик Бескова Юрий Семин, выигравший чемпионат России в 71, а Кубок и Суперкубок — в 72. А двумя годами ранее, перед 70-летним юбилеем, признавшийся мне, что мечтает побить достижение учителя и сделает для этого все возможное.

Кстати, мало кто помнит, но и второе место, добытое Бесковым в 1994 году, остается высшим достижением «Динамо» за 28 лет российской истории!

При этом традиционно для себя Константин Иванович не нашел общего языка и расстался с лидерами той команды — Омари Тетрадзе, Юрием Калитвинцевым. Еще одного из ведущих полузащитников, Сергея Гришина, Бесков заодно с Дмитрием Черышевым, отцом Дениса — нынешней звезды российской

сборной, отправил в дубль. Гришина, например, — за приход в столовую без носков и с выпущенной футболкой.

После сезона-95 мы беседовали с его помощником Адамасом Голодцом, возглавившим «Динамо» после досрочного ухода Бескова, и он по этому поводу говорил:

«*С Бесковым я начал работать очень давно — аж в 1968 году. Тогда проработал четыре года и теперь два. И с полной ответственностью могу сказать, что те требования, которые он предъявляет, — это требования не собственно Бескова, а футбола. И когда я возглавил команду, то сразу сказал: «Главное, что мы с вами должны сохранить, — это требования, которые Бесков предъявлял команде. Если мы собьемся на анархию, на беспорядок — не будет никакого результата». И то, что Бесков просил в носках в столовую приходить и вовремя поесть, вовремя днем отдыхать — это все не было личной прихотью Константина Ивановича. Если Бесков всю жизнь работал в ведущих командах страны и создал незабываемые образцы игры — это говорит обо всем.*

У нас с ним всегда были хорошие отношения, и не бывало такого, чтобы он меня грубо обрывал. Конечно, он чаще всего делал по-своему, но на то он и главный тренер, чтобы принимать решения. А свое мнение в диалоге с ним я мог выразить всегда. Никакой боязни не было.

Вообще, те, кто считает его деспотом, забывают о таком красноречивом факте. Бесков едва ли не единственный сегодня в России тренер, кто интересовался мнением команды по составу на предстоящий матч. Всегда раздавал листочки, где каждый игрок писал свой вариант. Я подводил итоги и представлял их Бескову. В большинстве случаев итоговый состав почти не расходился с тем, что предлагали футболисты».

Схожим с Голодцом позитивным образом высказывается о своей работе с Бесковым в сборной СССР начала 1980-х и Геннадий Логофет:

«*Не соглашусь с теми, кто называет его самодуром, говорит, что слова поперек ему сказать нельзя было. Разгильдяйства Константин Иванович не любил, равнодушия, плохого отношения к делу. А если человек старался, он и право на ошибку имел. Если не бояться, то можно с ним было и спорить, и доказывать что-то — как мы с Володей Федотовым, к примеру.*

Помню, говорю ему: «Константин Иванович, я же вторую сборную СССР полтора года тренировал, вы бы хоть сели со мной побеседовали — я бы дал вам характеристику на каждого игрока». Он сначала поворчал: «Ты меня еще учить будешь!» Но потом я посоветовал ему вызвать молодого Сулаквелидзе, которого Бесков

к тому моменту толком не знал, так он в него на первой же тренировке влюбился».

С Игорем Добровольским, летом 1993-го вернувшимся в «Динамо» из марсельского «Олимпика», очень многие сулили Бескову скорый скандал. Характер-то у Добрика, как его называли, был не ангельский.

Но какой же это был потрясающий футболист! Творец, фантазер, умница — именно из таких, кого обожал Бесков. Это взяло верх. Поработали вместе они, правда, недолго — летом 1994-го Игорь перешел в мадридский «Атлетико». Спустя годы мы общались с Добровольским, и он говорил:

«*Очень рад, что поработал вместе с этим великим человеком. Как игрока, его всегда связывали с «Динамо», но наивысших тренерских успехов он добился в «Спартаке». И мне было вдвойне приятно, что я застал период, когда Константин Иванович возглавил родной клуб и добился в нем многого. У игроков было чувство, что они не имеют права этого человека подвести*».

Кубок он ухитрился выиграть, невзирая на кучу травм, ужасный состав и мощного соперника в лице «Ротора» — та волгоградская «дрим-тим» под руководством Виктора Прокопенко четыре месяца спустя пройдет в Кубке УЕФА сам «Манчестер Юнайтед» сэра Алекса Фергюсона. Но в тот конкретный день, 14 июня 1995 года, бело-голубым еще и везло — за пять минут до конца овертайма главная звезда «Ротора» Олег Веретенников с пенальти пробил в штангу. А потом «Динамо» выиграло послематчевую серию, забив восемь из восьми!

До девятого тура чемпионата России-95 «Динамо» шло на первом месте. До 16-го — на втором. Но потом — четвертое, пятое, шестое…

На нем для Константина Ивановича и закончился большой футбол.

1 сентября, после поражения 0:2 от «Спартака» (что тоже символично) Бесков уйдет. Сам. И больше никуда уже не вернется.

Адамас Голодец рассказывал мне подробности:

«Он человек, который очень тяжело переживает поражения. Не спит, ходит сам не свой. А тут таких поражений накопилась целая серия. Бесков очень устал. И то, что по стечению обстоятельств на такой момент пришелся как раз принципиальнейший матч со «Спартаком», видимо, стало последней каплей. Потом было собрание с участием Николая Толстых (президента «Динамо». — Прим. И.Р.)*, Бескова, Анатолия Воробьева (вице-президента) и команды. Были объяснены причины ухода. В общем, расстались нормальным образом».*

На самом деле никакой серии поражений у «Динамо» не было. До проигрыша «Спартаку» случились две домашние ничьи. Перед ними — выездное поражение от будущего чемпиона, «Спартака-Алании», и выигрыш. До того — поражение, ничья, победа. То есть график середняка, но не падение в пропасть. Динамовский самолет не свалился ни в какое пике, все можно было выровнять — что и сделал Голодец, с которым бело-голубые заняли четвертое место. Но у Бескова сил на это уже не осталось.

Характерно, что после этого «Динамо» одержало шесть побед подряд. То есть готова команда была отлично. Но и она, судя по всему, устала от Бескова так же, как и он сам.

«*У команды появился какой-то совсем другой настрой,* — говорил Голодец. — *Я уже по первым тренировкам почувствовал, что что-то незримо изменилось. Люди стали тренироваться с иной отдачей, что в конечном счете сказалось и на игре*».

«Так ведь лет ему уже сколько было!.. Потому и ушел. Устал», — сказала Валерия Николаевна о его решении уйти из «Динамо». А на мой вопрос, реализовал ли муж себя в футболе, по ее мнению, на сто процентов, ответила:

«*Даже на триста. Такую народную любовь мало кто в стране заслужил. И такие отзывы учеников. А это главное. Послушайте, что написал нам в праздничной открытке Ярцев!*»

Тут Валерия Николаевна открыла огромных размеров открытку, в которой размашистым почерком было выведено: «*Константин Иванович, Вы тот человек, который круто изменил нашу жизнь, внес прекрасные перемены. Мы всегда это помним и говорим Вам огромное человеческое спасибо. Спасибо Вам, спасибо Валерии Николаевне, которая своей красотой, умом, терпением научила нас, спартаковских жен, быть похожими на Вас, многому учиться на Вашем личном примере. Здоровья Вам, Вашим детям, внукам. Поднимаем тост за Вашу семью. Георгий и Люба Ярцевы*».

«Передай ребятам, что все, умираю, сил уже нет…»

Последним из футболистов Бескова видел живым Юрий Гаврилов. За три дня до его ухода 6 мая 2006 года.

«*Известный врач Зураб Орджоникидзе посодействовал,* — рассказывает Юрий Васильевич. — *Помогло, что в этот день к нему поехал Сергей Степашин. Я в тот день был в «Лужниках», тренировался с командой правительства Москвы. В конце тренировки разговор зашел о Бескове — видимо, Зурабу позвонили из больницы и сказали, что Константин Иванович в совсем плохом состоянии. И, может, время даже на часы идет.*

Орджоникидзе говорит: «Я сейчас туда еду». Прошу его: «Гивиевич, возьми меня с собой». Спасибо, что не отказал. Больница — на Волоколамке, в лесу. И как раз мы попали туда вместе со Степашиным. Так-то к нему никого не пускали, а нас абсолютно спокойно провели.

Были мы у него недолго. Бесков был очень слабый, весь обложен подушками, не мог даже сидеть. А потом я обратил внимание, что все руки у него после процедур, инъекций — иссиня-черного цвета. Я уже собирался уходить — Валерия Николаевна, которая все время находилась с ним в палате, собиралась кормить его обедом. И только я встал, чтобы уйти, и на прощание наклонился к нему, — Константин Иванович на ухо прошептал: «Передай ребятам, что я уже все, умираю, сил нет уже». Он был в полном сознании…»

В те печальные дни я пролистал гостевые книги поклонников «Спартака», ЦСКА, «Динамо», «Торпедо», «Локомотива», «Зенита» — и везде главной темой был Его уход. «Он давно уже стал человеком не какого-то одного клуба, а футбола в целом», — сказала мне в декабре предыдущего года его жена Валерия Николаевна.

Три команды пришли на прощание с Константином Ивановичем в динамовский манеж в полных составах. Двумя из них, конечно, были «Динамо» и «Спартак», шарфы которых висят на его могиле.

Первым же появился ЦСКА. Бразильцы Жо и Карвалью, когда клали красные гвоздики к гробу, вряд ли понимали, кому отдают долг памяти. А может, им и объяснили, что этому человеку в 1980-м оказалось под силу победить сборную Бразилии во главе с Зико и Сократесом на «Маракане». Сборную их, бразильского Бескова — Теле Сантаны, умершего незадолго до этого грустного

дня.

Участник того матча с бразильцами, седой Юрий Гаврилов медленно шел по майской аллее Петровского парка, и по его покрасневшему от горя лицу катились слезы. Ни жена, ни бывшие одноклубники — никто в эту минуту не смел нарушить его одиночества.

За несколько минут до того, как гроб с телом Константина Ивановича под траурную музыку военного оркестра поместили на катафалк, чтобы отвезти на Ваганьково, я попросил Гаврилова в двух словах описать, кем для него был Бесков. Юрий Васильевич произнес именно два. «Отец родной». А ведь сколько у них было стычек!

Уже после окончания траурного митинга, почти никем не замеченный, в динамовский манеж вошел с букетом цветов Федор Черенков. На его лицо жутко было смотреть. Он наверняка повторил бы слова своего бывшего партнера. И стоявшие с такими же черными лицами в почетном карауле Ринат Дасаев, Георгий Ярцев, Вагиз Хидиятуллин — тоже. В том «Спартаке», который для миллионов людей стал чем-то большим, нежели футбольной командой, они уже были друг для друга не тренером и игроками, а отцом и детьми.

Сколько их было в тот день в манеже «Динамо», братьев и сестер, сыновей и дочерей, внуков и внучек Бескова! В церкви на Ваганьковском, где отпевали Константина Ивановича, места хватило далеко не для всех. Если бы это было не утро буднего дня и проститься с Бесковым пришли бы тысячи отправившихся на работу болельщиков, места могло бы не хватить и в динамовском манеже.

Все, кто там был, не могли не подойти к Валерии Николаевне. Она, в черной шляпке с вуалью, была так же красива, как всегда. Муза Бескова, долгие годы одна из самых знаменитых женщин Москвы, приняла за те дни, наверное, несколько сотен телефонных звонков. И нашла в себе силы ответить на каждый. И на каждое из тысяч вчерашних соболезнований — тоже. Жить Валерии Николаевне оставалось чуть меньше четырех лет…

Уже на кладбище проститься с Бесковым пришла Валентина Тимофеевна Яшина. Отношения великих тренера и игрока не были простыми, но именно в сборной под руководством Бескова Лев Яшин взял знаменитый пенальти от Маццолы. А чуть ранее Константин Иванович поехал вместе с Яшиным в Лондон, на матч столетия английского футбола. И с трибуны наблюдал, как вратарь на «Уэмбли» себя обессмертил…

Каждому было что вспомнить. Михаил Гершкович в подробностях рассказывал, как в 1959-м Бесков набирал

мальчишек в ФШМ. В районе построенного намного позже лужниковского плавательного бассейна располагалось тогда пять полей. За день тренер успевал просмотреть шесть-семь тысяч (!) ребят и выбрать из них десять-двенадцать самых талантливых. И никогда — ну, или почти никогда — не ошибался.

Хмурым майским днем 2006 года не стало последнего из великих тренеров, на которых когда-то стоял наш футбол. Вслед за Борисом Аркадьевым, Михаилом Якушиным, Гавриилом Качалиным, Виктором Масловым, Валерием Лобановским ушел Константин Бесков.

Теперь он лежит в одной ваганьковской земле, на одной первой линии с Николаем Старостиным. Им с Николаем Петровичем больше нечего делить.

…Есть такой популярный лозунг: «Победа любой ценой». Тем, кто его придерживается, не важно, каким путем эта победа достигнута. «Игра забывается, а результат остается», — еще одно клише многочисленных поборников этой теории.

Бесков с ней всегда бился смертным боем. Он считал, что главная ценность в футболе — игра, и добиваться результата, забывая о ней и о тех, кто на нее ходит, — бесчестно. Бесков взрастил поколения болельщиков, которых часто не понимают другие — те, кому не посчастливилось болеть за его команды. Тех, кому никогда не будет достаточно одних очков и места в таблице.

Это — главное наследие Константина Ивановича. И, если за деревьями видеть лес, оно на самом деле намного важнее того, что сложность натуры помешала ему выиграть еще много трофеев.

Да, он доводил свою футбольную веру до игроков огнем и мечом, и далеко не все это принимали.

Но это — прекрасная вера. Как прекрасны полотна Микеланджело и Гогена, сколь бы ни были неоднозначны, а порой невыносимы характеры их создателей.

Послесловие

Книга для любого времени суток

Антон Орехъ, обозреватель
радио «Эхо Москвы»

Игорь Рабинер написал книгу. При этой фразе кто-то наверняка ухмыльнется и вспомнит ходовой мем: «Как написал в своей утренней книге Игорь Рабинер». Кто-то другой, возможно, тоже ухмыльнется, но бросит взгляд на полку, где произведения Игоря Яковлевича занимают место, сопоставимое с иными собраниями сочинений. У меня, кстати, такая полка тоже есть. В единственном книжном шкафу небольшой московской квартиры. А ведь мог бы там стоять и Достоевский!

Ладно, давайте серьезно. Я знаю Игоря Яковлевича Рабинера с советских тинейджерских времен, и для меня он, конечно, просто Игорь. Но читать его я люблю не потому, что мы дружим с прошлого тысячелетия. А потому что он пишет на русском языке, пишет логично и стройно. Вроде бы тривиальная характеристика. Но в том-то и проблема современной журналистики и писательства, что чаще всего наши глаза сталкиваются с хаотичным набором несогласованных мыслей, изложенных клоачным языком. От такого чтения у меня глаза и мозги мгновенно начинают болеть. А от Рабинера я как-то не устаю, хотя мой друг, возможно, как никто способен «дать объем»!

Книга, которую вы держите в руках, кстати, не такая большая. Но очень опасная для автора. Ее герои — «Легенда № 17», Отец русского хоккея, Лучший вратарь XX столетия и Главный тренер в истории самого популярного клуба страны. О них написаны уже миллионы страниц. И когда человек берется за книгу, в которой намерен рассказать хотя бы об одном из них — тем более о четверых сразу! — он становится на заведомо проигрышный путь. Ну, в 99 % случаев именно так и получается. Потому что это будет либо статья из Википедии, раздутая до масштабов книги, либо нечто «жолтое» в виде набора сплетен и скандалов. Либо унылая компиляция из всего, что написали предшественники.

Эта книга, слава богу, другая. Я часто отказываюсь читать биографии известных людей именно потому, что задаю себе вопрос: ну, что нового я узнаю, все же сказано. Но именно в этом смысл. Узнать новое о людях, про которых написаны миллионы страниц. Найти эпизоды, о которых ты не знал вообще. Обнаружить какие-то неожиданные детали даже в

хрестоматийных вехах биографий. Вот это Игорю здесь точно удалось.

Я, например, знал, что мама у Валерия Харламова была испанкой и почему она оказалась в СССР, но почти все об испанской части его жизни прочитал впервые.

Как и о том, что Валентина Тимофеевна Яшина полюбила Льва Ивановича отнюдь не с первого взгляда и даже не со второго! Что встречались они несколько лет, а чувства вспыхнули, считай, уже после свадьбы.

Мне было любопытно понять, почему Бесков так и не стал по духу спартаковцем — для себя самого прежде всего — хотя, по моему убеждению, не было в истории клуба более важного человека на тренерском посту.

Интересно было попытаться представить, насколько актуален в наши дни опыт Анатолия Тарасова, или он все же остался в той эпохе, в которой творил.

На страницах книги очень много воспоминаний. Поэтому она, безусловно, необъективна. Родные, близкие, друзья всегда склонны приукрашивать характер дорогих людей и преувеличивать их таланты и обаяние. Недруги точно так же гиперболизируют недостатки. К тому же за давностью лет байки превращаются в правду, апокрифы в непреложные факты.

Но, слава богу, при всей симпатии автора к героям его рассказов, эта книга все-таки не превратила их в бронзовый памятник, покрытый позолотой. Это не жития святых, и смотрят на нас не иконописные лики.

Вот прочитал я все от начала до конца, и стало мне… грустно. Наверное, судьба великих людей не может быть простой. А в советские годы гениальным людям вообще многое приходилось делать вопреки и наперекор системе и устоявшимся привычкам общества. Но все равно мне грустно от того, что в истории каждого из этих четверых осталась большая недоговоренность. Пускай карьера Льва Яшина длилась аж до сорока лет! И собрал он практически все достижимые награды и звания.

Валерий Харламов погиб накануне, скорее всего, последнего сезона в карьере. Константин Бесков — до сих пор старейший в нашем футболе обладатель национального трофея. Даже Анатолий Тарасов хоть и рано «ушел» (не сам, увы) из активного тренерства, но успел так много, что кажется, будто тренировал сто лет. И все равно думаешь, сколько всего по справедливости могли бы сделать эти люди, сколького добиться, успеть.

Куцая хроника почти не сохранила документальных свидетельств их игры и труда. Поэтому так ценны мысли и

впечатления людей, которые с ними работали или играли. С каждым из четверых уже не поговоришь, но можно успеть поговорить с теми, кто был им близок. Что Игорь Рабинер и сделал. В своей «утренней книге», которая может стать для вас и дневной, и вечерней, и ночной — пока не дочитаете до конца.